

УРОДЛИВАЯ ЛЮ- БОВЬ КОЛИН ГУВЕР

A bouquet of red poppies and buds is arranged around the title text. One bud is at the top left, a stem with buds and leaves runs vertically through the middle, and several open flowers are on the right side.

Иногда я думаю,
в наших
отношениях нет
смысла.
Но затем вижу
тебя — и мысли
улетучиваются

ЛЮБИМЫЙ АВТОР
ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ ТІКТОК.
БОЛЕЕ 700 000 000 УПОМИНАНИЙ

18+

Modern Love

Колин Гувер

Уродливая любовь

«ЭКСМО»

2014

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

Гувер К.

Уродливая любовь / К. Гувер — «Эксмо», 2014 — (Modern Love)

ISBN 978-5-04-093780-6

Это не было любовью с первого взгляда. Это не было дружбой. Он не хотел привязанностей, у нее не хватало времени на серьезные отношения. Поэтому они решили просто получать удовольствие. Но легко ли придерживаться установленных правил: никогда не спрашивать о прошлом и не надеяться на будущее? Особенно когда притяжение между вами так сильно, а страсть затуманивает разум.

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-093780-6

© Гувер К., 2014

© Эксмо, 2014

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	14
Глава третья	18
Глава четвертая	23
Глава пятая	26
Глава шестая	33
Глава седьмая	35
Глава восьмая	39
Глава девятая	42
Глава десятая	53
Глава одиннадцатая	55
Глава двенадцатая	58
Глава тринадцатая	62
Глава четырнадцатая	71
Глава пятнадцатая	73
Глава шестнадцатая	79
Глава семнадцатая	81
Глава восемнадцатая	92
Глава девятнадцатая	94
Глава двадцатая	102
Глава двадцать первая	104
Глава двадцать вторая	109
Глава двадцать третья	112
Глава двадцать четвертая	119
Глава двадцать пятая	121
Глава двадцать шестая	125
Глава двадцать седьмая	128
Глава двадцать восьмая	134
Глава двадцать девятая	137
Глава тридцатая	141
Глава тридцать первая	142
Глава тридцать вторая	146
Глава тридцать третья	150
Глава тридцать четвертая	153
Глава тридцать пятая	155
Глава тридцать шестая	156
Глава тридцать седьмая	160
Глава тридцать восьмая	165
Глава тридцать девятая	169
Эпилог	173

Колин Гувер

Уродливая любовь

Colleen Hoover
UGLY LOVE

© Т. Зюликова, перевод на русский язык, 2018

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

* * *

Моим лучшим подругам, они же мои сестры, Лин и Мерфи

Глава первая

Тейт

– Кто-то оставил след на вашей шее, юная леди.

Я удивленно распахиваю глаза и медленно оборачиваюсь к старичку, что стоит рядом. Он нажимает кнопку лифта и смотрит на меня. Потом улыбается и показывает на мою шею.

– Я про родинку.

Я непроизвольно касаюсь места чуть ниже уха – там, где у меня родимое пятно размером с десятицентовую монетку.

– Мой дед говаривал, родинки способны поведать, чем кончился последний бой у человека в прошлой жизни. Вас, видать, ударили в шею. Зато смерть, наверное, была быстрой.

Я улыбаюсь. Не знаю, пугаться или принять его слова за шутку. Мрачный способ завязать беседу, но вряд ли мужчина опасен. Судя по сторбленной спине и неуверенной походке, ему никак не меньше восьмидесяти.

Мужчина делает пару медленных шагов к обитому бархатом креслу, одному из двух, что приставлены к стене у лифта. С кряхтением садится и снова глядит на меня.

– Вам на восемнадцатый?

Я подозрительно прищуриваюсь. Старику откуда-то известно, на какой мне этаж, хотя раньше я в этом доме не бывала, да и его самого вижу впервые.

– Да, сэр, – настороженно отвечаю я. – Вы здесь работаете?

– О да.

Он кивает на лифт, а я поднимаю взгляд на светящиеся циферки. Еще одиннадцать этажей. Скорей бы...

– Давлю на кнопку. Вряд ли у моей должности есть официальное название. Сам окрестил себя капитаном воздушного судна. Как-никак, отправляю людей в полет – аж до двадцатого этажа.

Я невольно улыбаюсь, потому что отец и брат у меня пилоты.

– И давно служите капитаном? – спрашиваю я, в нетерпении ожидая лифта: в жизни не видела таких медленных.

– Раньше ремонтом занимался, здание обслуживал, пока не состарился. Прежде чем стать капитаном, проработал тут тридцать два года. А людей в полет отправляю уже лет пятнадцать, если не больше. Хозяин сжалился и выделил мне это местечко, чтоб было чем занять себя, пока не помру. – Старик задумчиво улыбается. – Одного он, бедняга, не ведает: бог уготовил мне в жизни много великих свершений, а я так отстал от плана, что теперь не умру никогда.

Я смеюсь, и тут двери лифта наконец-то открываются. Я берусь за ручку чемодана и еще раз смотрю на собеседника, прежде чем шагнуть внутрь.

– Как вас зовут?

– Сэмюэл, но называйте меня Кэп. Все так делают.

– А у вас есть родинки, Кэп?

Лицо старика расплывается в улыбке.

– Вообще-то, да. Похоже, в прошлой жизни мне прострелили зад. Наверное, умер от потери крови.

Я с улыбкой поднимаю ладонь ко лбу – салютую ему, как настоящему капитану. Потом вхожу в лифт и, пока двери не закрылись, окидываю взглядом роскошно обставленный вестибюль. Величественные колонны, мраморные полы... Больше похоже на старинный отель, чем на многоквартирное здание.

Когда Корбин предложил мне пожить у него, пока буду искать работу, я и не догадывалась, что он ведет настоящую взрослую жизнь. Думала, будет как в прошлый раз, когда я приезжала к нему в гости после окончания школы, а он только начинал учиться на летчика. Было это четыре года и одно обшарпанное двухэтажное здание тому назад. Я и на этот раз ожидала чего-то в том же духе. И уж точно не рассчитывала на роскошный небоскреб в центре Сан-Франциско.

Нажимаю на кнопку восемнадцатого этажа и смотрюсь в зеркальную стену лифта. Вчерашний день и большую часть утра я провела у себя в комнате в Сан-Диего, упаковывая вещи. К счастью, имущества у меня немного, однако после долгой, утомительной поездки длиной в пятьсот миль следы усталости на лице не скрыть. Волосы собраны в небрежный узел на макушке, который пришлось закрепить карандашом – не нашла в машине резинку. Глаза, обычно карие, почти в цвет волос, сейчас кажутся еще темнее – спасибо образовавшимся под ними мешкам.

Роюсь в сумочке в поисках гигиенической помады – пусть хотя бы губы выглядят прилично. Двери начинают закрываться и тут же вновь разъезжаются. К лифту спешит молодой мужчина, на ходу благодаря Кэпа.

Самого старика я не вижу, зато слышу, как он что-то бурчит в ответ. Похоже, беседовать с этим человеком он расположен куда меньше, чем со мной.

На вид моему попутчику лет двадцать пять – тридцать. Он с улыбкой смотрит на меня, и я точно знаю, что у него на уме, потому как он незаметно прячет в карман левую руку. Руку с обручальным кольцом.

– Десятый, – говорит он, не сводя с меня глаз. Уставился на вполне скромный вырез моей футболки, потом покосился на чемодан.

Я жму на кнопку указанного этажа.

Надо было надеть свитер...

– Переезжаете? – интересуется незнакомец, откровенно пялясь на мою грудь.

Я киваю. Впрочем, вряд ли он видит мой кивок, ибо взгляд его направлен гораздо ниже.

– На какой этаж?

Ну уж нет!

Я загораживаю панель обеими руками, чтобы любопытный тип не увидел светящееся число восемнадцать, и по очереди надавливаю на все кнопки между десятой и восемнадцатой. Тот озадаченно смотрит на панель.

– Не ваше дело, – говорю я.

Он смеется. Думает, шучу. Выгибает густую темную бровь. Красивая бровь. Красивое лицо. Красивая голова. Красивое тело. Женатое тело.

Вот придурок...

Заметив, что я его разглядываю, мой попутчик обольстительно улыбается. Вот только изучаю я его совсем не с той целью, с какой ему хотелось бы. Просто пытаюсь угадать, скольких женщин помимо жены он соблазнил.

Бедная его жена...

Лифт останавливается на десятом, а мужчина опять обращает внимание на вырез моей футболки.

– Могу помочь. – Он кивает на чемодан.

Красивый голос. Интересно, сколько девушек повелось на соблазнительный голос этого женатого мужчины?..

Он подходит ко мне и решительно давит на кнопку, закрывающую двери.

Я, глядя на него в упор, жму на другую, чтобы снова их открыть.

– Сама справлюсь.

Незнакомец качает головой, словно все понял, однако его глаза по-прежнему масленисто блестя, отчего моя неприязнь к нему только растет.

Он выходит из лифта и оборачивается.

– Еще увидимся, Тейт.

Хмурюсь. Неприятно – первые же два человека, которых я встретила в этом здании, уже в курсе, кто я такая.

Остаток пути еду в одиночестве. С остановками на каждом этаже, пока не доезжаю до восемнадцатого. Выхожу, достаю из кармана телефон и просматриваю переписку с Корбином. Не помню номер его квартиры. То ли 1816, то ли 1814.

Или 1826?..

Перед квартирой 1814 я останавливаюсь как вкопанная, потому что на полу, привалившись к двери номер 1816, спит пьяный парень.

Пожалуйста, только не 1816...

Отыскиваю нужное сообщение и досадливо морщусь. 1816.

Ну кто бы сомневался...

Медленно подхожу к двери, стараясь не разбудить спящего. Он полулежит спиной к двери, уткнувшись подбородком в грудь, ноги широко раскинуты. Еще и храпит.

– Простите... – бормочу я.

Никакой реакции.

Я дотрагиваюсь ногой до его плеча.

– Мне нужно попасть в эту квартиру.

Парень с трудом открывает глаза и упирается взглядом мне в ноги. Морщит лоб, медленно протягивает руку и тычет ею в мою коленку, словно ничего подобного в жизни не видел. Потом откидывается назад и опять засыпает.

Ну, отлично...

Корбин прилетит только завтра, я звоню ему, чтобы узнать, бояться ли мне этого пьяного или нет.

– Тейт? – говорит Корбин, даже не поздоровавшись.

– Да. Добралась хорошо, но в квартиру попасть не могу, потому что перед ее входом спит пьяный мужик. Какие будут предложения?

– Номер 1816? Уверена, что стоишь у нужной двери?

– Ответ утвердительный.

– Он точно пьяный?

– Ответ утвердительный.

– Странно... А одет во что?

– Какая разница во что?

– Если на нем форма пилота, скорее всего, местный. У дома договор с нашей авиакомпанией.

На пьяном – джинсы с черной футболкой, которые – не могу не отметить – очень ему идут.

– На нем нет формы.

– Можешь попасть в квартиру, не разбудив этого типа?

– Сначала его нужно подвинуть. Если просто открыть дверь, он завалится внутрь.

Несколько мгновений Корбин молча раздумывает.

– Спустись на первый этаж и найди Кэпа, – наконец предлагает он. – Я его предупредил о твоём приезде. Пусть побудет с тобой, пока не зайдешь внутрь.

Я шесть часов провела за рулем и меньше всего на свете хочу опять спускаться на первый. Да и потом, какой толк от Кэпа в такой ситуации?

– Просто не вешай трубку, пока я не попаду в квартиру.

Собственный план мне больше по вкусу. Зажав телефон между плечом и ухом, я отыскиваю в сумочке ключ, который прислал Корбин. Вставляю в замочную скважину и поворачиваю. Однако чем шире открывается дверь, тем дальше заваливается пьяный. Он недовольно мычит, но глаз не открывает.

– Жаль, он в отключке, – говорю я в телефон. – Выглядит ничего так.

– Тейт, просто войди в квартиру и запри дверь, чтобы я мог спокойно повесить трубку!

Закатываю глаза. Братец неисправим. Боюсь, мой переезд плохо скажется на наших отношениях, особенно если вспомнить, как он вечно меня опекал. Впрочем, выбора нет: я ни работу не успела найти, ни квартиру снять, ни освоиться на новом месте до начала учебного года.

Надеюсь, в этот раз все будет иначе. Корбину двадцать пять, а мне двадцать три, и если мы не сумеем поладить лучше, чем в детстве, значит, нам обоим еще только предстоит повзреть.

Думаю, все зависит в первую очередь от Корбина – от того, насколько он изменился с тех пор, как мы последний раз жили вместе. Тогда критика брата обрушивалась на каждого парня, с которым я встречалась, – а заодно на всех моих друзей, и вообще, любой мой выбор, даже колледж, куда я решила поступить. Впрочем, его мнение никогда меня не волновало. Последние несколько лет мы жили порознь, Корбин наконец-то от меня отстал, и мой переезд послужит для нас окончательной проверкой на терпимость.

Я забрасываю сумочку на плечо, но она цепляется за чемодан и падает на пол.левой рукой я крепко стискиваю ручку, чтобы дверь не открылась и пьяный не рухнул внутрь. Ногой упираюсь ему в плечо – хочу сдвинуть в сторону. Безрезультатно.

– Корбин, он слишком тяжелый. Придется прервать разговор, чтобы освободить обе руки.

– Нет, не надо. Положи телефон в карман, но не отключайся.

Я осматриваю себя: футболка, легинсы.

– Карманов нет, так что отправляешься в лифчик.

Корбин издает такой звук, будто его тошнит. Я запикиваю телефон в лифчик, достаю ключ из замочной скважины и бросаю в сторону сумочки, но промахиваюсь, и ключ падает на пол. Потом приподнимаю пьяного парня за плечи.

– Так, приятель, – говорю я, пробуя оттащить его в сторону. – Прости, что потревожила твой сон, но мне нужно в квартиру.

С грехом пополам я прислоняю его к косяку. Распахиваю дверь и поворачиваюсь, чтобы забрать вещи.

Что-то теплое обхватывает меня за лодыжку.

Цепенею.

Смотрю вниз.

– Пусти! – визжу и пытаюсь стряхнуть руку, которой парень держит меня за ногу – так крепко, что наверняка останутся синяки.

Он глядит прямо на меня. Я дергаю ногой и лечу спиной назад – в квартиру.

– Мне нужно туда... – слышу я, приземлившись на попу.

Второй рукой парень старается шире открыть дверь, и меня охватывает паника. Затагиваю ноги в квартиру, однако пьяный все еще держит меня за лодыжку. Свободной ногой я захлопываю дверь и прищемляю ему руку.

– Твою ж мать! – вскрикивает он, пробуя освободиться, но моя нога подпирает дверь. Я отодвигаю ее ровно настолько, чтобы парень успел отдернуть руку, миг – и я уже на ногах, запираюсь на замок, засов и цепочку.

Понемногу сердце успокаивается, и я слышу, как оно орет на меня.

В буквальном смысле слова.

Низким мужским голосом:

– Тейт! Тейт!

Корбин...

Смотрю на свою грудь и выуживаю телефон из лифчика.

– Тейт! Ответь!

Морщусь и немного отдаляю телефон от уха.

– Все в порядке, – отвечаю, с трудом переводя дыхание. – Я в квартире. Дверь заперла.

– Господи!.. – с облегчением произносит Корбин. – Напугала меня до смерти! Что случилось?

– Попытался внутрь проникнуть, но я захлопнула дверь.

Я щелкаю выключателем, делаю три шага вглубь гостиной и останавливаюсь как громом пораженная.

Да уж, ты молодчина, Тейт...

Осознав, что натворила, я медленно разворачиваюсь к двери.

– Э-э... Корбин... Кажется, я забыла в коридоре кое-какие вещи. Я бы их забрала, но тот парень с чего-то решил, будто ему обязательно нужно к тебе в квартиру, поэтому дверь я не открою ни за что. Какие будут предложения?

Несколько мгновений Корбин просто молчит.

– Что именно ты забыла?

Признаваться не хочется, но я все-таки говорю:

– Чемодан.

– Господи, Тейт...

– И сумочку.

– Ее-то как умудрилась забыть?

– А еще я, кажется, оставила на полу ключ от квартиры.

На этот раз он уже ничего не говорит – только стонет.

– Сейчас Майлзу позвоню – выясню, дома ли он. Дай мне пару минут.

– Подожди... Кто такой Майлз?

– Сосед из квартиры напротив. Ради бога, не открывай дверь, пока не перезвоню.

Корбин отключается, а я облегченно прислоняюсь к двери.

Всего каких-то полчаса в Сан-Франциско, и уже умудрилась усложнить брату жизнь. Как обычно. Хорошо, если он разрешит мне остаться, пока не найду работу. Надеюсь, это не займет много времени, ведь я уже ответила на три вакансии в ближайшей больнице. Возможно, придется вкалывать по ночам и выходным, но я на все согласна, лишь бы не трогать сбережений, пока не закончу учебу.

Звонит телефон. Я провожу большим пальцем по экрану, чтобы ответить.

– Аллю!

– Тейт?

– Да.

Непонятно, зачем Корбин всегда переспрашивает. Он же мне звонит. Кто еще может ему ответить, кроме меня? Да еще и моим голосом!

– Дозвонился до Майлза.

– Отлично. Он поможет спасти мои вещи?

– Не совсем. Вообще-то, мне придется попросить тебя о большой услуге.

Я снова прислоняюсь головой к двери. Предчувствую, следующие несколько месяцев будут богаты на всевозможные услуги: Корбин прекрасно понимает, какое огромное одолжение мне сделал, предложив пожить у себя. Грязная посуда? Естественно. Стирка? Разумеется. Походы в магазин? Куда же без них!

– Что за услуга?

– В общем, Майлзу нужна помощь.

– Твоему соседу?

Внезапно до меня доходит, и я крепко зажмуриваюсь.

– Корбин, только не говори, что сосед, который должен спасти меня от пьяного парня, и есть этот пьяный парень!

– Открой дверь ипусти его. Пусть проспится на диване. Я вернусь рано утром. Как только Майлз протрезвеет, он сразу поймет, где находится, и уйдет к себе.

– В хорошеньком же доме ты живешь! Может, мне сразу привыкнуть к мысли, что каждый раз по возвращении с работы меня будут лапать пьяные мужики?

Долгая пауза.

– Он тебя трогал?

– Ну, «лапал», пожалуй, преувеличение. Схватил за лодыжку.

– Ради меня, Тейт. Только перезвони, когда перетащишь Майлза и вещи в квартиру.

– Хорошо, – неохотно соглашаюсь я, так как в голосе брата слышно беспокойство.

Отключаюсь и открываю дверь. Пьяный сосед по имени Майлз валится набок. Телефон выскальзывает у него из руки и падает на пол рядом. Я переворачиваю Майлза на спину. Он пытается на меня взглянуть, но веки у него тут же опускаются.

– Ты не Корбин, – бормочет он.

– Нет. Я твоя новая соседка, и, судя по всему, очень скоро ты мне будешь должен минимум пятьдесят стаканов сахара.

Я приподнимаю Майлза за плечи и пробую его усадить, но ничего не выходит. Похоже, сидеть он просто не в состоянии. Как вообще можно напиться до такой степени?!

Тогда я хватаю его за руки и, дуюм за дюймом, волоком тащу в квартиру – ровно настолько, чтобы закрыть дверь. Следом заношу вещи и защелкиваю на замок. Сую ему под голову диванную подушку и поворачиваю набок – на случай, если вырвет во сне.

Больше никакой помощи он от меня не дожидается.

Устроив Майлза на полу, иду осматривать свое новое жилье. Гостиная в три раза больше, чем в прежней квартире Корбина. Столовая совмещена с гостиной, а кухня наполовину отгорожена перегородкой. На стенах – картины с современной живописью; золотисто-коричневые плюшевые диваны приятно оттеняют их яркие краски. Когда я гостила у Корбина в последний раз, у него только и было, что матрас на полу, кресло-мешок и постеры с моделями на стенах. Похоже, наконец-то брат повзрослел.

– Круто, Корбин, – говорю я вслух, переходя из комнаты в комнату и повсюду включая свет, чтобы осмотреть свое временное жилище. Так здорово, что даже обидно. Трудновато будет съезжать отсюда в собственную квартиру, когда накоплю на нее достаточно денег.

Захожу на кухню, заглядываю в холодильник. В дверце рядом – приправы и соусы, на средней полке – коробка с остатками пиццы, на верхней – бутылка из-под молока.

Ничего удивительного. Напрасно было ждать, что брат переменится целиком и полностью.

Я достаю бутылку с водой и отправляюсь на поиски комнаты, где мне предстоит провести несколько следующих месяцев. В квартире только две спальни, так что я занимаю свободную и ставлю чемодан на кровать. Еще в машине остались три сумки, а также не меньше шести коробок, не говоря уже об одежде на плечиках. Но я не намерена перетаскивать вещи сегодня. Корбин обещал вернуться завтра утром, так что предоставляю эту работу ему.

Натягиваю майку и спортивные брюки, чищу зубы и готовлюсь ко сну. Обычно я нервничаю наедине с незнакомцами. Но сейчас чутье подсказывает: не о чем беспокоиться. Брат никогда бы не попросил меня помочь человеку, который способен мне навредить. Однако если Майлз всегда себя так ведет, очень странно, что Корбин позволил его впустить.

Брат никогда не подпускал ко мне парней, а виноват в этом Блейк, его лучший друг и мое первое серьезное увлечение. Мне было тогда пятнадцать, а Блейку – семнадцать, и я по уши в

него втрескалась. Разумеется, мы с подружками влюблялись почти во всех друзей Корбина – просто потому, что те были старше.

Почти каждые выходные Блейк оставался у нас с ночевкой, и мы всегда находили возможность побыть вдвоем, пока Корбин не видит. Через несколько недель Блейку надоело прятаться, и он заявил, что намерен открыто объявить о наших отношениях. Однако он явно не предусмотрел, когда разбивал мне сердце, как на этоотреагирует Корбин.

А Блейк разбил его настолько, насколько вообще возможно разбить сердце пятнадцатилетки после двух недель тайных встреч.

Выяснилось, что в течение этих самых двух недель Блейк, не таясь, встречался еще с несколькими девчонками. Когда Корбин об этом узнал, их дружбе пришел конец, а других приятелей он накрепко предостерег, чтобы те и приближаться ко мне не смели. В результате в старших классах я вообще ни с кем не встречалась, пока брат наконец не уехал. Но и после его отъезда парни, наслушавшись всяких ужасов, опасались связываться с младшей сестренкой Корбина.

Тогда это меня бесило, а вот теперь пришлось бы кстати. После окончания школы неудачных отношений у меня было предостаточно. С последним парнем я прожила больше года, пока мы оба не поняли, что ждем от жизни слишком разного. Он мечтал, чтобы я сидела дома, а я хотела строить карьеру.

И вот я здесь – учусь в магистратуре на медсестру и делаю все от меня зависящее, чтобы избежать романтических отношений.

Может, переезд к Корбину – не такая уж плохая идея?..

Я иду в гостиную, чтобы выключить свет. Заворачиваю за угол и застываю на месте.

Мало того, что Майлз уже не на полу, – он в кухне, за столом, уронил голову на руки. Сидит на высоком барном табурете и того и гляди с него сверзнется. Не пойму, спит он или просто приходит в себя.

– Майлз?..

Он не реагирует, поэтому подхожу и осторожно кладу ему руку на плечо.

Майлз тут же вскидывает голову и беззвучно вскрикивает, словно я разбудила его посреди сновидения. Или кошмара. Соскальзывает с табурета и неуверенно встает на ноги, но немедленно начинает шататься. Я закидываю руку Майлза себе на плечо и пробую увести с кухни.

– Пошли на диван, приятель.

Ноги у Майлза заплетаются, отчего поддерживать его еще труднее.

– Я не приятель, – с трудом выговаривает он. – Я Майлз.

Добравшись до дивана, я осторожно отклеиваю его от себя.

– Так, Майлз или кто ты там у нас. Просто ложись и спи.

Он валится на диван, увлекая и меня за собой. Я падаю сверху и сразу пытаюсь отстраниться.

– Рейчел, не уходи... – молит Майлз и тянет меня за руку.

– Меня зовут не Рейчел, – возражаю, высвобождаясь из его хватки. – Меня зовут Тейт.

Зачем сказала? Вряд ли завтра он вспомнит о нашей беседе.

Я подхватываю с пола подушку, хочу отдать ее Майлзу, но медлю. Он лежит на боку, уткнувшись лицом в диванный валик и вцепившись в обивку с такой силой, что костяшки пальцев побелели. Сначала кажется, что его вот-вот вырвет, но в это же мгновение я понимаю, что ошиблась.

Майлза не рвет.

Он плачет.

Отчаянно и беззвучно.

Я даже не знакома с этим парнем, но тяжело смотреть на такое горе. Перевожу взгляд то на коридор, то на Майлза, пытаюсь решить, что делать: может, лучше оставить его в покое? Не хватало еще впутаться в чужие проблемы. До сих пор мне удавалось не принимать участия во всяческих драмах, и начинать сейчас я не намерена. Мое первое побуждение – уйти, но почему-то я сочувствую Майлзу. Похоже, его горе искреннее, а не просто результат выпитого.

Я опускаюсь на колени и касаюсь его плеча.

– Майлз...

Он делает глубокий вдох, медленно поднимает голову и смотрит на меня. Глаза у него заплавленные, красные – непонятно, от слез или от алкоголя.

– Прости, Рейчел...

Майлз притягивает меня к себе и утыкается лицом мне в плечо.

– Прости...

Понятия не имею, кто такая Рейчел и что он ей сделал, но если ему настолько плохо, даже страшно представить, каково сейчас ей. Приходит мысль найти в его телефоне ее номер и позвонить, чтобы она пришла и как-то все исправила. Вместо этого я осторожно укладываю Майлза на диван и подсовываю ему под голову подушку.

– Спи, Майлз, – ласково говорю я.

Когда Майлз падает на подушку, в его глазах видна невыразимая боль.

– Как же ты меня ненавидишь... – бормочет он, стискивая мою руку.

Его веки тяжело опускаются, и он издает горестный вздох.

Я смотрю на него молча до тех пор, пока он не прекращает плакать. Потом высвобождаю руку и еще немного сижу рядом.

Майлз утих, но вид такой, будто он по-прежнему в царстве боли: складки на лбу, дыхание сбивчивое.

Только теперь я замечаю на его лице едва заметный неровный шрам около четырех дюймов длиной. Он тянется вдоль подбородка, чуть-чуть не доходя до рта. Хочется провести по шраму пальцем – странное желание. Вместо этого я дотрагиваюсь до волос Майлза. Они короткие на висках и чуть длиннее на макушке. Золотисто-каштановые – идеальное сочетание. Я глажу Майлза по голове, чтобы как-то его утешить, хотя он, быть может, этого и не заслуживает.

Кто знает, может, совесть не зря его мучит за то, что он сделал с Рейчел, но, по крайней мере, вину он сознает – это очевидно.

В чем бы Майлз ни провинился, он так сильно любит эту Рейчел, что глубоко сожалеет о содеянном.

Глава вторая

Майлз

Шестью годами ранее

Я захожу в кабинет и кладу журнал посещаемости секретарше на стол. Не успеваю выйти, чтобы вернуться в класс, как она меня останавливает.

– Майлз, у тебя же мистер Клейтон ведет литературу?

– Да. Передать ему что-то?

Телефон на столе звонит. Миссис Борден берет трубку и прикрывает ее рукой.

– Подожди пару минут, – велит она и кивком указывает на кабинет директора. – В школу только что поступила новая ученица. У нее тоже занятие с мистером Клейтоном. Проводишь ее в класс?

Я говорю «да» и плюхаюсь на стул рядом с дверью. Обвожу взглядом кабинет и осознаю, что сижу здесь впервые за четыре года. То бишь к директору меня не вызвали ни разу за все время учебы в старшей школе.

Мама бы мной гордилась, а вот я сам в себе разочарован. Каждый нормальный парень хоть раз должен попасть на ковер к директору.

Ну ничего, впереди целый год, будет время наверстать упущенное.

Вытаскиваю из кармана мобильник, втайне надеясь, что миссис Борден заметит и в наказание оставит меня после уроков. Однако она только улыбается и продолжает телефонный разговор.

Разочарованно тряхнув головой, пишу Иэну эсэмэску.

В нашей школе так редко что-нибудь происходит, что любая новость – уже событие.

Я: «К нам поступила новенькая. Выпускной класс».

Иэн: «Хорошенькая?»

Я: «Еще не видел. Жду, чтобы проводить на урок».

Иэн: «Если хорошенькая, сфоткай».

Я: «Ок. Кстати, сколько раз тебя оставляли после уроков в этом году?»

Иэн: «Два. А что? Что-нибудь натворил?»

Два?! Да, определенно надо поднажать. Не сдать домашнее задание вовремя, к примеру. Я – лузер.

Дверь в кабинет директора открывается, я прячу телефон в карман, поднимаю глаза...

И больше не хочу их опускать. Никогда.

– Рейчел, Майлз проводит тебя в класс к мистеру Клейтону.

Миссис Борден указывает в мою сторону, и Рейчел идет ко мне.

Чувствую, что ноги больше не способны удерживать меня в вертикальном положении.

Губы разучились шевелиться.

Рука отказывается подняться, чтобы представить того, кому она принадлежит.

Сердце забыло, что сперва нужно узнать девушку поближе, а уж потом рваться ей навстречу.

Рейчел.

Рейчел.

Рейчел, Рейчел, Рейчел...

Она как поэзия.

Как проза, любовное письмо, слова песни,

стекающие
по
странице.

Рейчел, Рейчел, Рейчел...

Я все повторяю и повторяю мысленно это имя, ибо уверен: оно принадлежит той, в которую я очень скоро буду влюблен.

Я встаю со стула, иду ей навстречу. Кажется, улыбаюсь – делаю вид, будто не околдован этими зелеными глазами, наполняющими меня надеждой, что когда-нибудь они будут сиять лишь мне одному. Что не зачарован копной этих огненно-рыжих волос, которые выглядят так, словно их не касался ни один парикмахер с того самого момента, как Бог выдумал их специально для этой девушки.

Я говорю, что меня зовут Майлз. Что провожу ее в класс.

Смотрю на Рейчел во все глаза: она еще и слова не сказала, но ее кивок – лучшее, что я когда-либо получал от девушки.

Спрашиваю, откуда она.

– Из Аризоны. Город Феникс.

Не пытаюсь выяснить, что за причина побудила ее переехать в Калифорнию. Сообщаю, что папа часто ездит в Феникс по делам, он владеет там несколькими зданиями.

Рейчел улыбается.

Говорю, что не был там никогда, но хотел бы съездить.

Рейчел вновь улыбается.

Кажется, она ответила, что это красивый город, но слышу я с трудом, потому что в голове у меня звучит лишь одно ее имя.

Рейчел...

Я скоро полюблю тебя, Рейчел...

От ее улыбки тянет болтать без умолку, и когда мы проходим мимо класса мистера Клейтона, я как раз задаю ей новый вопрос.

Мы продолжаем идти.

Рейчел продолжает говорить, потому что я все спрашиваю и спрашиваю.

Она кивает, рассказывает, поет...

Да, больше всего это похоже на пение.

Мы доходим до конца коридора, когда Рейчел рассказывает, что не хотела покидать Феникс и надеется, что в новой школе ей понравится.

Похоже, она не рада переезду.

И ей даже невдомек, как счастлив я.

– А где же класс мистера Клейтона?

Не отрываясь смотрю на губы, с которых только что слетел этот вопрос. Они у Рейчел неодинаковые. Верхняя чуть тоньше нижней, но пока она молчит, это незаметно. Пытаюсь осмыслить, почему слова звучат гораздо красивее, когда сходят с ее губ.

А глаза... Наверняка мир, который они видят, краше и безмятежней, чем мир в глазах других людей.

Несколько мгновений я молча смотрю на Рейчел, потом машу рукой назад и сознаюсь: мы прошли мимо.

Ее щеки слегка розовеют, точно мое признание действует на нее так же, как она сама на меня.

Рейчел...

Ты полюбишь меня, Рейчел...

Я придерживаю для нее дверь и сообщаю мистеру Клейтону, что Рейчел новенькая.

С удовольствием объявил бы всем парням в классе, что никому из них Рейчел не достанется.

Она – моя.

Но ничего не говорю.

Это и не обязательно, потому что единственный человек, которому следует знать, что мне нужна Рейчел, – сама Рейчел.

Она смотрит на меня, снова улыбается и занимает оставшееся свободное место в другом конце класса.

В ее глазах понимание – да, она уже знает, что моя.

Это лишь вопрос времени.

Мне хочется написать Иэну: она не хорошенькая. Она – просто бомба. Но такой ответ его лишь позабавит.

Вместо этого я украдкой фотографирую Рейчел на телефон и посылаю Иэну фото вместе с сообщением:

«Это будущая мать моих детей».

Мистер Клейтон начинает урок.

Майлз Арчер сходит с ума.

* * *

С Рейчел мы познакомились в понедельник.

Сегодня пятница.

С того самого дня я с ней так и не заговорил. Сам не знаю почему. У нас три общих урока. Каждый раз Рейчел улыбается, словно ждет, что я к ней подойду. Каждый раз я собираюсь с духом и тут же себя отговариваю.

Я всегда был уверен в себе. Пока не встретил Рейчел.

Сегодня – крайний срок. Если не решусь, упущу единственный шанс. Такие девушки недолго остаются свободными.

Если Рейчел вообще свободна.

Не знаю о ней ровным счетом ничего. Есть ли, нет ли у нее парня в Фениксе. Выяснить это можно только одним способом.

Я стою рядом со шкафчиком Рейчел в раздевалке и жду. Она выходит из класса и улыбается мне.

Здороваюсь:

– Привет!

Вижу, что щеки у нее вновь слегка порозовели. Обнадёживает.

Интересуюсь, как прошла первая неделя.

– Хорошо.

Спрашиваю, подружилась ли она уже с кем-нибудь.

– Кое с кем.

Принюхиваюсь осторожно.

Нет, все равно заметила.

Говорю, что от нее приятно пахнет.

– Спасибо.

Я делаю усилие – несмотря на бешеный стук сердца, отдающийся прямо в ушах, на влажные ладони и звучащее в голове имя «Рейчел», которое хочется произносить вслух, снова и снова. Отпихиваю все это в сторону, ловлю ее взгляд и спрашиваю, не хочет ли она сходить куда-нибудь сегодня вечером.

Потом расчищаю место для ответа, потому что он – единственное, что мне сейчас нужно.
Хотя бы улыбка...

Хотя бы молчаливый кивок...

Не кивает.

Она занята.

Все, что я пытался сдержать, обрушивается на меня с десятикратной силой, словно река, прорвавшая плотину. Стук сердца, потные ладони, ее имя и новое чувство неуверенности в себе, о существовании которого я и не подозревал, чувство, которое теперь прочно засело у меня в груди. Все это непреодолимой стеной отгораживает меня от Рейчел.

– А завтра я свободна, – произносит она, и стена рушится.

Я освобождаю место для ее ответа. Много места. Даю этим словам полностью заполнить себя. Впитываю их, как губка. Ловлю на лету и проглатываю.

– Завтра годится, – говорю я и вытаскиваю из кармана мобильник, даже не пытаюсь скрыть улыбку. – Скажи мне свой телефон. Я позвоню.

Рейчел диктует номер.

Она взволнована.

Она взволнована!!!

Я записываю ее номер, который сохраню очень и очень надолго.

И я буду звонить по нему.

Часто.

Глава третья

Тейт

При других обстоятельствах, если бы я проснулась, открыла глаза и увидела сердитого мужчину, который сверлит меня взглядом на пороге комнаты, я бы завизжала. Швырнула бы в него что-нибудь. Юркнула бы в ванную и заперлась изнутри.

Ничего подобного я, однако, не делаю, только смотрю на незнакомца в полнейшем недоумении.

Неужели это тот человек, который валялся пьяным в коридоре? Тот самый, который прошлым вечером рыдал, пока не уснул?

Этот мужчина грозен. Этот мужчина разъярен. Этот мужчина смотрит так, словно ждет извинений или объяснений.

И все-таки это он: джинсы и черная футболка те же, в которых он заснул прошлым вечером. Единственная перемена – сегодня парень способен самостоятельно держаться на ногах.

– Тейт, что у меня с рукой?

Майлз в курсе, как меня зовут. Потому что Корбин рассказал о моем приезде? Или потому что помнит, как я назвала свое имя? Я бы предпочла первое. Не хочу, чтобы у него остались какие-то представления о прошлом вечере. При мысли, что Майлз может знать, что рыдал в подушку, а я его утешала, становится неловко.

Однако Майлз понятия не имеет, что у него с рукой. Возможно, не помнит и всего остального.

Он стоит, прислонившись к двери и скрестив на груди руки. Вид рассерженный, словно это по моей вине у него была тяжелая ночь. Перекатываюсь на бок и натягиваю одеяло до самой макушки. Просыпаться я не готова, хотя Майлз и считает, что я обязана ему что-то объяснять.

– Будешь выходить, запри за собой дверь, – говорю в надежде, что он поймет намек и уйдет.

– Где мой телефон?

Я зажмуриваюсь и пытаюсь не обращать внимания на плавный голос, который льется в мои уши и растекается по всему телу, согревая даже в тех местах, где не справляется тонкое одеяло.

Приходится напомнить себе, что человек, которому принадлежит этот чувственный голос, стоит на пороге моей спальни и грубо чего-то требует, даже не поблагодарив за помощь. Интересно, а где же «спасибо»? Где «Привет! Меня зовут Майлз. Приятно познакомиться»?

Видимо, от Майлза такого не дождешься. Слишком поглощен своими рукой и телефоном. Озабочен собственной персоной настолько, что совершенно не думает о тех, кому причинил беспокойство безрассудным поведением. Если этот парень и его высокомерие станут моими соседями на ближайшие несколько месяцев, лучше сразу поставить его на место.

Я сбрасываю одеяло, подхожу к двери и сверлю Майлза глазами.

– Будь добр, сделай шаг назад.

Как ни удивительно, он повинуется. Продолжая смотреть ему прямо в лицо, захлопываю дверь у него перед носом, с улыбкой возвращаюсь в постель и снова натягиваю на голову одеяло.

Победа за мной.

Кстати, я упоминала, что не люблю рано вставать?

Дверь снова открывается.

Нет, распаивается.

– Да что с тобой такое?! – возмущается Майлз.

Я со стоном сажусь в кровати и поворачиваюсь к нему. Он по-прежнему на пороге, смотрит на меня так, словно чего-то ждет.

– Отвали!

Похоже, Майлз не ожидал грубого ответа. Меня охватывает стыд. Впрочем, это же мой гость ведет себя как последняя свинья...

Я так думаю.

Он первый начал...

Я так думаю.

Несколько мгновений Майлз пристально смотрит на меня.

– Мы с тобой что... – он показывает пальцем сначала на меня, потом на себя, – замутили прошлой ночью? Ты поэтому злишься?

Смеюсь. Мои подозрения оправдались.

Майлз – форменная свинья.

Отлично. Мой новый сосед напивается в хлам и таскает домой столько баб, что и вспомнить потом не может, с кем у него было, а с кем – нет.

Только я открываю рот, чтобы ответить, как слышу: хлопает входная дверь и Корбин зовет меня по имени.

Бросаюсь вперед, но Майлз все еще стоит на пороге, буравит меня взглядом и ждет ответа на свой вопрос. Хочу сказать что-нибудь, но его глаза заставляют меня ненадолго смешаться.

Таких глаз я еще не видела. Ничего общего со вчерашними, красными и заплывшими. Сегодня они светло-голубые, почти прозрачные. Неотрывно смотрю в них, словно надеюсь разглядеть там волны, такие же голубые, как воды Карибского моря. Впрочем, я никогда не была на Карибах.

Майлз моргает, Карибы забыты, и я возвращаюсь в Сан-Франциско. Возвращаюсь к себе в комнату. Возвращаюсь к вопросу, который он задал, прежде чем объявился Корбин.

– «Замутили» – неподходящее словечко для того, чем мы вчера занимались, – шепчу я и жду, чтобы он позволил мне пройти.

Майлз выпрямляется в полный рост, всей своей позой воздвигая между нами невидимый барьер.

Судя по мрачному виду, мысль о том, что между нами что-то было, ему неприятна. В его взгляде почти отвращение, отчего он нравится мне еще меньше.

Я отказываюсь отступать, и мы не отрываем глаз друг от друга, даже когда Майлз делает шаг в сторону, пропуская меня. Едва я выхожу из комнаты, как сталкиваюсь с Корбином. Он переводит взор то на меня, то на Майлза, но я без слов даю ему понять, насколько далеки от истины его подозрения.

– Привет, сестренка, – говорит Корбин и притягивает меня к себе.

Мы не виделись почти полгода. Иногда не осознаешь, как сильно скучаешь по кому-то, пока вновь с ним не встретишься. Впрочем, в нашем случае это не так. По Корбину я тоскую постоянно. Хотя порой его назойливая опека и действует мне на нервы, она свидетельствует о нашей близости.

Корбин дергает меня за волосы.

– Отросли. Мне нравится.

По-моему, так надолго мы еще не разлучались. Я убираю прядку с его лба.

– И твои. Но мне не нравится.

Улыбаюсь, чтобы Корбин не подумал, будто я серьезно. На самом деле я люблю его слегка небрежный вид. Все говорят, что мы с братом очень похожи, но сама я особого сходства не нахожу. Кожа у Корбина смуглее – всегда ему завидовала. Волосы у нас одного темно-каштанового цвета, а вот черты лица разные, особенно глаза. Мама всегда говорила, что, если соеди-

нить наши глаза вместе, получится дерево: его – зеленые, как листва, мои – коричневые, словно кора. В детстве я мечтала, чтобы листья достались мне, потому что любила зеленый цвет.

Корбин кивком приветствует Майлза.

– Привет, дружище. Тяжелая ночь? – спрашивает он и смеется. Ему прекрасно известно, какая именно ночь выдалась у Майлза.

Майлз протискивается мимо нас.

– Понятия не имею, – бурчит он. – Ничего не помню.

Заходит на кухню и достает из шкафа кружку, прям как в собственной квартире.

Не нравится мне это.

Не нравится Майлз, который чувствует себя здесь как дома.

Майлз по-хозяйски отыскивает в другом шкафу баночку аспирина, наливает в чашку воды и забрасывает в рот две таблетки.

– Все вещи перенесла? – спрашивает Корбин.

– Нет. Пришлось твоим соседом заниматься большую часть времени.

Майлз нервно откашливается, моет кружку и возвращает в шкаф. Заметив его смущение, невольно смеюсь. Забавно, что он понятия не имеет, как провел ночь. Забавно даже, что мысль о близости со мной ему неприятна. Готова и дальше продолжать эту игру ради собственного извращенного удовольствия.

Корбин смотрит на меня так, будто догадался, что я затеяла.

Майлз выходит из кухни, бросает на меня косой взгляд и тут же поворачивается к Корбину.

– Ушел бы давно, но не могу найти свой ключ. Запасной у тебя?

Корбин достает из комода ключ, бросает Майлзу, тот ловит.

– Можешь вернуться через час и помочь с вещами Тейт? Сначала хочу принять душ.

Майлз кивает и тут же посылает мне быстрый взгляд, стоит только Корбину отвернуться.

– Поболтаем попозже, когда будет не так рано, – говорит мне брат.

Хотя мы и жили вместе целых семь лет назад, он прекрасно помнит, что по утрам я не расположена к долгим беседам. А вот его соседу, к несчастью, это неизвестно.

Когда Корбин уходит к себе в спальню, я разворачиваюсь лицом к Майлзу. Он выжидательно смотрит на меня, будто до сих пор надеется получить ответы на вопросы.

Мечтаю, чтобы он поскорее ушел, поэтому высказываю все сразу:

– Вчера вечером я нашла тебя пьяным в коридоре. Кто ты такой, я не знала, а когда ты пытался залезть в квартиру, прищемила тебе руку дверью. Она не сломана – я проверяла. Ушиб, не более того. Просто приложи лед и забинтуй на пару часов. И нет, между нами ничего не было. Я помогла тебе сюда войти и ушла спать. Твой мобильник валяется на полу у двери, где ты его и оставил, потому что был так пьян, что на ногах не стоял.

Я направляюсь в свою комнату, чтобы избежать его сверлящего взгляда. На пороге резко оборачиваюсь и говорю:

– Через час, когда вернешься, а я как следует проснусь, можем попробовать еще раз.

Он стискивает зубы.

– Что попробовать?

– Познакомиться, как полагается.

Я захлопываю дверь, чтобы создать преграду между собой и этим голосом. Этим взглядом.

* * *

– Сколько коробок? – спрашивает Корбин, обуваясь.

Я беру со стола ключи.

– Шесть. Плюс три чемодана и одежда на плечиках.

Корбин громко стучит в дверь напротив и направляется к лифту.

– Маме сообщила, что нормально добралась?

– Да, вчера эсэмэску скинула.

Я слышу, как открывается дверь соседской квартиры, но в лифт вхожу, не оборачиваясь.

Как только возникает Майлз, чувствую: бой проигран. Сражение, которое я вела, сама о том не подозревая. Вообще такое не часто бывает, но если уж меня и влечет к парню, я предпочитаю, чтобы это был тот, к кому я готова испытывать влечение.

А в отношении Майлза я не хочу ничего чувствовать. Не хочу, чтобы меня тянуло к мужчине, который напивается до беспамятства, рыдает из-за баб и даже не помнит, спал он со мной или нет. Хотя трудно не замечать его присутствия, когда оно заполняет все вокруг.

– Пару раз туда и обратно, – говорит Корбин и жмет на кнопку первого этажа.

Майлз пристально глядит на меня. Сохраняет суровый вид, и я не понимаю, что за ним кроется. В ответ смотрю вызывающе. Как бы ни шло ему это выражение, я все еще рассчитываю на благодарность.

– Добрый день! – наконец произносит Майлз, делает шаг вперед и протягивает мне руку, грубо нарушая неписанные правила лифтового этикета. – Майлз Арчер, ваш сосед из квартиры напротив.

Я в замешательстве.

– По-моему, это мы уже выяснили.

– Просто решил начать сначала, – говорит он, приподняв одну бровь. – Познакомиться как полагается.

А, ну да, я же сама так хотела.

Жму ему руку.

– Тейт Коллинз, сестра Корбина.

Майлз отступает, однако по-прежнему смотрит мне прямо в глаза. Я чувствую себя неловко, потому что Корбин рядом. Впрочем, брат слишком поглощен своим телефоном и не обращает на нас внимания.

Наконец Майлз отводит взгляд и тоже достает из кармана мобильник. Решаю воспользоваться этим и разглядеть соседа как следует.

Все в Майлзе противоречит одно другому. Как будто его создавали два враждующих творца. Точеные скулы, суровое выражение лица, а губы такие милые, мягкие. Они кажутся безобидными по контрасту с шероховатым шрамом на подбородке. Волосам никак не решить, быть им золотистыми или темно-каштановыми, прямыми или вьющимися. Ведет он себя то дружелюбно, то грубо и безразлично, сбивая с толку мою способность отличать холодное от горячего. Непринужденная поза идет вразрез со сдержанным гневом, который я прочла в его взгляде утром. Сегодняшнее спокойствие не вяжется со вчерашним опьянением, а глаза не могут определиться, на меня ли им смотреть или в телефон: прежде чем мы доезжаем до первого этажа, Майлз несколько раз то поднимает взгляд, то опускает.

Я перестаю на него пялиться и первой выхожу из лифта. Кэп сидит на своем месте, точно дозорный. Увидев нас, он медленно поднимается, опираясь на подлокотники. Корбин с Майлзом приветствуют его кивком и идут дальше.

– Как прошла первая ночь, Тейт? – с улыбкой интересуется Кэп.

Не удивлена, что ему известно мое имя, ведь вчера он знал, на какой мне этаж.

Я смотрю в затылок удаляющемуся Майлзу.

– Довольно насыщенная ночка. Похоже, мой брат попал в плохую компанию.

Кэп тоже глядит на Майлза. Плотно сжимает морщинистые губы и слегка покачивает головой.

– Скорее всего, малыш просто ничего не может с собой поделать.

Не ясно, кого Кэп имеет в виду – Майлза или Корбина, – однако я не переспрашиваю. Шаркающей походкой Кэп направляется в сторону туалета.

– Похоже, я обмочился, – бормочет он на ходу.

Я смотрю ему вслед и гадаю, к какому возрасту человек перестает заботиться об условиях. Хотя, по всей видимости, Кэп никогда о них не задумывался. Почему-то мне это нравится.

– Тейт, пошли! – зовет Корбин с другого конца вестибюля.

Я догоняю их с Майлзом, и мы идем к машине.

Потребовалось три попытки, чтобы перенести мои вещи. Не две.

Целых три похода, в течение которых Майлз не перекинулся со мной ни словечком.

Глава четвертая

Майлз

Шестью годами ранее

Папа: «Ты где?»

Я: «У Иэна».

Папа: «Нам нужно поговорить».

Я: «До завтра подождать не может? Я вернусь поздно».

Папа: «Нет. Ты мне нужен сейчас. Жду тебя с тех пор, как кончились уроки».

Я: «Хорошо, еду».

Таков был разговор, предшествовавший этому моменту. И вот сейчас я сижу перед папой на диване, а он говорит мне то, что я не хочу слышать.

– Я бы рассказал тебе раньше, но...

– Чувствовал себя виноватым? Словно сделал что-то плохое?

Папа смотрит на меня, и мне становится стыдно, но я продолжаю:

– С ее смерти прошло меньше года!

Произношу эти слова и чувствую, что меня сейчас вырвет.

Папа не любит, когда его критикуют, особенно собственный сын. Он привык, что я поддерживаю любое его решение. Черт, да я и сам привык к тому же! До сегодняшнего дня все его поступки казались мне замечательными.

– Конечно, тебе трудно это принять, но мне нужна твоя поддержка. Ты представить себе не можешь, до чего тяжело мне было с тех пор, как она умерла.

– Тяжело?!

Я встаю. Повышаю голос. Веду себя так, будто мне не все равно, хотя на самом деле мне плевать. Плевать, что он завел любовницу. Может встречаться с кем пожелает. Трахать – кого пожелает.

Наверное, я реагирую так потому, что сама мама ответить не может. Трудно защитить свой брак, когда ты мертва. Поэтому я и делаю это за нее.

– Что-то непохоже, будто тебе тяжело!

Дохожу до противоположного конца гостиной, разворачиваюсь и иду обратно.

Дом слишком мал, чтобы вместить все мое раздражение и разочарование.

Внезапно я понимаю: меня задело не столько то, что папа встречается с другой женщиной, сколько его взгляд, когда он о ней говорил. На маму он так никогда не смотрел. Кем бы ни была его новая избранница, это явно не случайная связь. Очень скоро она проникнет в нашу жизнь, вплетется в наши с ним отношения, как ядовитый плющ. «Мы» будет значить уже не папа и я, а папа, я и Лиса. По-моему, это неправильно, ведь повсюду в доме еще чувствуется мамино присутствие.

Папа сидит, сцепив руки на коленях и уставившись в пол.

– Не уверен, есть ли у наших отношений будущее, но хочу дать им шанс. Мне хорошо с Лисой. Иногда начать жить дальше... это просто единственный способ жить.

Я хочу ответить, но меня прерывает звонок в дверь. Папа неуверенно поднимается. Мне кажется, он стал ниже ростом. Менее похожим на героя.

– Я не прошу, чтобы ты ее полюбил. Не прошу проводить с ней время. Просто будь приветлив.

Его глаза умоляют, и мне уже стыдно за свое упрямство.

– Буду, папа. Ты же знаешь, что буду.

Мы обнимаемся, и это одновременно приятно и тягостно. Чувство такое, словно я обнял не человека, перед которым преклонялся семнадцать лет подряд, а просто приятеля.

Папа просит меня открыть дверь, а сам отправляется в кухню, чтобы закончить приготовления к ужину. Я на миг закрываю глаза и обещаю маме, что буду приветлив с Лисой, но она все равно останется для меня просто Лисой.

Отпираю дверь.

– Майлз?

Лиса совсем не похожа на маму. Ростом ниже и далеко не такая красивая. Они очень разные, их невозможно сравнивать, поэтому я и не пытаюсь. Для меня она – просто гостья.

– А вы, должно быть, Лиса. Приятно познакомиться. – Указываю через плечо: – Папа на кухне.

Лиса обнимает меня. Проходит несколько секунд, прежде чем я отвечаю на ее прикосновение, так что выходит довольно неловко.

Я ловлю взгляд девушки, стоящей позади нее.

Стоящая позади нее девушка ловит мой.

Ты

полюбишь

меня,

Рейчел...

– Майлз? – потрясенно шепчет она.

Голос Рейчел похож на материнский, но звучит печальнее.

Лиса переводит взгляд с меня на дочь и обратно.

– Вы что, знакомы?

Рейчел не кивает.

Я тоже.

Наше взаимное разочарование стекло на пол и образовало лужицу невыплаканных слез.

– Он... Он...

Рейчел в замешательстве, я прихожу ей на помощь.

– Мы учимся в одной школе, – выпаливаю я.

Зря я это сделал. На самом деле мне хочется объявить: «Рейчел – девушка, которую я скоро полюблю».

Но такого я сказать не могу. Слишком очевидно, что нас ждет. Я не имею права любить Рейчел, потому что она, вероятно, станет моей сводной сестрой.

Второй раз за вечер к горлу подкатывает тошнота.

Лиса улыбается и потирает руки.

– Вот и замечательно! А я-то волновалась...

Приходит папа. Обнимает Лису. Здоровается с Рейчел, говорит, что рад ее видеть.

Папа знаком с Рейчел.

Рейчел знакома с папой.

Папа – жених Лисы.

Папа часто ездит в Феникс.

Начал ездить еще до того, как умерла мама...

Папа мерзавец.

– А Майлз и Рейчел уже знакомы, – сообщает Лиса.

Отец облегченно улыбается.

– Хорошо, хорошо, – произносит он, как будто, если повторить это слово дважды, оно сможет что-то исправить.

Нет.

Не хорошо, не хорошо.

Плохо, плохо.

– Значит, всем нам будет не так неловко, – смеется он.

Я смотрю на Рейчел.

Рейчел глядит на меня.

Мне нельзя любить тебя, Рейчел...

Глаза у нее грустные.

Мои мысли еще тоскливее.

А тебе нельзя любить меня...

Рейчел медленно входит в квартиру, избегая моего взгляда, шагает, смотря себе под ноги.

В жизни не видел такой печальной картины.

Я захлопываю дверь.

В жизни не закрывал таких печальных дверей.

Глава пятая

Тейт

– На День благодарения не работаешь? – спрашивает мама.

Я подношу мобильник к другому уху и достаю из сумочки ключ.

– На День благодарения – нет, а вот на Рождество – да. Я теперь тружусь только по субботам и воскресеньям.

– Хорошо. Передай Корбину, что мы все еще живы – на случай, если захочет нам позвонить.

Я смеюсь.

– Передам. Люблю тебя.

Жму на отбой и кладу телефон в карман медицинской формы.

Это всего лишь подработка, но главное – начало положено. Сегодня у меня был последний день предварительного обучения, и завтра я приступлю к своим обязанностям.

Работа мне нравится. Первое же собеседование – и меня взяли! Даже не ожидала. С учебкой тоже все в порядке. По будням я в колледже – слушаю лекции или прохожу практику, а по выходным работаю во вторую смену. Пока все идет как нельзя лучше.

И Сан-Франциско мне нравится. Правда, я тут всего две недели, но уже подумываю, не остаться ли навсегда.

С Корбином мы живем мирно. Впрочем, он чаще на работе, чем дома, так что, полагаю, все дело в этом.

От мысли, что я наконец-то нашла свое место в жизни, улыбаюсь и распахиваю входную дверь.

Вижу троих мужчин, из которых я знакома только с двумя, и моя улыбка тает.

На кухне Майлз, а на диване расселся женатый мерзавец из лифта.

Какого черта здесь делает Майлз?

Какого черта они все тут собрались?

Метнув сердитый взгляд на Майлза, скидываю туфли и кладу сумочку на стол. Корбин вернется только через два дня, и я надеялась провести вечер в тишине и покое – подготовиться к занятиям.

– Сегодня четверг, – сообщает Майлз, словно это все объясняет.

– Да, а завтра пятница, – парирую я и поворачиваюсь к двум остальным. – Что вы забыли в моей квартире?

Тощий белобрысый парень подходит ко мне и протягивает руку.

– Ты, должно быть, Тейт? Меня зовут Иэн. Я одноклассник Майлза и друг твоего брата. – Он указывает на мерзавца из лифта, который по-прежнему сидит на диване. – А это Диллон.

Диллон кивает, однако не произносит ни слова. Да этого и не требуется. Его самодовольная ухмылка яснее ясного говорит, о чем он сейчас думает.

Майлз входит в гостиную, кивая в сторону телевизора.

– Это что-то вроде традиции. По четвергам, если выходной у нас совпадает, мы вместе смотрим футбол.

Да плевать я хотела на их традицию.

– Корбина нет. Вы что, не можете посмотреть телевизор у тебя? Мне к занятиям нужно готовиться.

Майлз подает Диллону банку пива и оборачивается:

– У меня нет кабельного.

Кто бы сомневался.

– А жена Диллона не разрешает нам собираться у него.

Кто бы сомневался.

Я закатываю глаза и ухожу к себе, нечаянно хлопнув дверью.

Пока снимаю медицинскую форму и натягиваю джинсы с футболкой, в которой спала ночью, кто-то стучит в дверь. Я распахиваю ее почти так же эффектно, как захлопнула.

Какой же он высокий...

Раньше я как-то не замечала, но теперь, когда Майлз стоит в дверном проеме и полностью заполняет его собой, осознаю, какой у него рост.

Если бы он обнял меня, я могла бы прижаться ухом к его груди, а он – прильнуть щекой к моей макушке.

Если бы он захотел меня поцеловать, мне пришлось бы запрокинуть голову. Это было бы прекрасно. Майлз, наверное, обнял бы меня за талию и притянул к себе, чтобы наши губы соединились, словно две детали головоломки. Вот только они плохо подошли бы друг к другу, потому что эти головоломки явно разные.

В груди защеботало. Меня это не радует – я в курсе, что это значит. А значит это то, что моему телу нравится Майлз.

Надеюсь, мозг никогда не разделит этой симпатии.

– Если мы тебе мешаем, можешь пойти ко мне.

От его предложения в животе что-то обрывается, и я недовольно морщусь.

Перспектива оказаться в квартире у Майлза не должна меня так волновать, но почему-то волнует.

– Мы тут еще часа на два.

В голосе Майлза проскальзывает извинение. Правда, потребовалось бы снарядить целую поисковую экспедицию, чтобы его там отыскать, но оно точно есть, где-то за всей этой чувственностью.

Ну и стерва же я... Квартира ведь не мне принадлежит. Если у них традиция здесь встречаться, то кто я такая, чтобы взять и положить ей конец?

– Да все в порядке. Просто я устала. Извини, что нагрубила твоим друзьям.

– Другу, – подчеркнуто поправляет Майлз. – Диллон мне не друг.

Я не спрашиваю, что именно он имеет в виду.

Майлз смотрит в сторону гостиной, затем прислоняется к косяку. Разве разговор еще не окончен? Его взгляд падает на медицинскую форму, лежащую на кровати.

– Работу нашла?

– Ага, – отвечаю, а сама никак не возьму в толк, с чего это он так разговорился. – Устроилась медсестрой в неотложку.

Майлз морщит лоб, непонятно, восхищен он или озадачен.

– Ты ведь колледж еще не окончила. Разве тебе можно работать медсестрой?

– Обычную лицензию я уже получила, а в магистратуре учусь, чтобы стать медсестрой-анестезиологом.

Майлз по-прежнему хмурит брови, и я поясняю:

– Право давать наркоз у меня уже есть.

Майлз пристально глядит на меня, затем отталкивается от косяка.

– Везет тебе, – произносит он без тени улыбки.

Почему он никогда не улыбается?..

Майлз возвращается в гостиную. Я стою на пороге комнаты и наблюдаю за тем, как он садится на диван и сосредотачивает все свое внимание на экране телевизора.

А вот все внимание Диллона направлено на меня. Отвожу глаза и прохожу в кухню, чтобы найти что-нибудь поесть. Я не готовила целую неделю, поэтому выбор невелик. Достая из холодильника продукты, чтобы соорудить сэндвич. Когда оборачиваюсь, Диллон все еще гля-

дит на меня, только уже не из гостиной, а с расстояния в один шаг. Он улыбается и тянет руку к холодильнику, едва не задев меня по лицу.

– Так, значит, ты младшая сестренка Корбина?

По крайней мере, в одном мы с Майлзом солидарны: мне тоже не особо нравится этот тип.

Глаза Диллона несколько не похожи на глаза Майлза. Когда Майлз на меня смотрит, его глаза скрывают все, что происходит у него внутри. Глаза Диллона не скрывают ничего, и прямо сейчас они меня лапают.

– Да, – коротко говорю я.

Достаю хлеб, кладу на стол и принимаюсь делать сэндвич. Отрезаю второй ломоть, чтобы приготовить еще один – для Кэпа. За то недолгое время, что я здесь живу, успела к нему привязаться. Бывает, он работает по четырнадцать часов в день, но только потому, что живет один и заняться ему больше нечем. Думаю, Кэпу нравится мое общество, а еще больше – мои гостинцы. Так что, пока не обзаведусь новыми друзьями, буду проводить свободное время с восьмидесятилетним старичком.

Диллон небрежно облокачивается о стол.

– Ты ведь медсестра или что-то в этом роде?

Открыв банку пива, подносит ее к губам и ждет о ответа.

– Да, – выдыхаю сквозь зубы.

Он улыбается и делает большой глоток. Я молча готовлю сэндвичи, нарочно стараясь вести себя неприступно. Однако Диллон не понимает намека и по-прежнему на меня пялится.

Если он возомнил, будто я и ему сделаю сэндвич, то глубоко ошибается.

– Я пилот.

Тон у Диллона не самодовольный, но когда человек сообщает, кем работает, когда его никто об этом не просит, это отдает бахвальством.

– В той же авиакомпании, что и Корбин.

Рассчитывает произвести на меня впечатление. Не знает, что все мужчины в моей семье пилоты. Дед был пилотом. Отец тоже, пока не вышел на пенсию пару месяцев назад. И брат пилот.

– Диллон, если хочешь пустить мне пыль в глаза, ты избрал неверный путь. Я предпочитаю мужчин, которые немного более скромны и гораздо менее женаты.

Многозначительно показываю глазами на его обручальное кольцо.

– Матч начинается, – докладывает Майлз, входя в кухню.

Его реплика звучит вполне невинно, однако взгляд ясно говорит, что Диллону лучше вернуться в гостиную.

Диллон вздыхает, как будто Майлз испортил ему все удовольствие.

– Приятно было увидеться, Тейт, – произносит он, словно беседа в любом случае подошла к концу – вне зависимости от желаний Майлза. – Присоединяйся к нам в гостиной. Судя по всему, матч уже начался.

Проходя мимо, Диллон намеренно задевает Майлза плечом. Майлз его игнорирует, достает из заднего кармана ключ и протягивает мне.

– Позанимайся у меня.

Это не предложение.

Это требование.

– Да я не против и тут остаться. – Кладу ключ на стол, закрываю банку с майонезом и заворачиваю оба сэндвича в бумажное полотенце. Не позволю выжить меня из собственной квартиры. – Телевизор работает не так уж и громко.

Майлз подходит почти вплотную, чтобы я расслышала его шепот. Все мое тело, до самых стоп, напряжено – на хлебе наверняка останутся отпечатки пальцев.

– Зато я против, чтобы ты здесь занималась, пока все не уйдут. Иди. И еду свою заberi. Я смотрю на бутерброды. Почему-то мне кажется, что Майлз их оскорбил.

– Мой только один, – с вызовом говорю я. – Второй для Кэпа.

Майлз смотрит на меня пристально и непроницаемо. С такими глазами, как у него, это должно караться законом. Мне не по себе. Я не экспонат на выставке, чтобы так на меня пялиться.

– Ты приготовила Кэпу сэндвич?

Я пожимаю плечами.

– Еда приносит ему удовольствие.

Еще какое-то время Майлз рассматривает меня, затем хватает со стола ключ и засовывает мне в карман.

Не уверена, коснулись ли его пальцы моих джинсов, но все равно дыхание перехватывает, потому что, черт побери, я ничего подобного не ожидала.

Я стою, окаменев, а Майлз как ни в чем не бывало возвращается в гостиную. Карман пылает огнем.

Я заставляю себя сдвинуться с места. Мне нужно время, чтобы осмыслить случившееся. Отношу Кэпу сэндвич и делаю так, как велел Майлз: отправляюсь в его квартиру. По собственной воле, а не потому, что он так хочет, или потому, что мне много задали на дом. Просто мысль побыть в доме у Майлза, да еще и в отсутствие хозяина, приносит мне извращенное удовольствие. Словно я получила допуск ко всем его тайнам.

* * *

И как же я сразу не догадалась, что в квартире Майлза нет ни намека на то, что он за человек?... Даже его глаза на такое не способны.

Здесь и правда гораздо тише, я прозанималась целых два часа, но только потому, что отвлекаться было не на что.

Вообще не на что.

Ни картин на стерильно белых стенах, ни ковров, ни единого цветного пятнышка. Даже массивный дубовый стол, отделяющий кухню от гостиной, ничем не украшен. Совсем не похоже на дом моего детства, где стол с узкой скатертью, изысканной люстрой над ним и наборами тарелок на любой сезон был центром семейной жизни.

У Майлза нет даже вазы с фруктами.

Единственное, что бросается в глаза, – книжный шкаф в гостиной. Он весь заставлен книгами и вызывает мой интерес гораздо больше любых украшений, которые могли бы украсить голые стены этого жилища. Я подхожу ближе в надежде составить хоть какое-то представление о Майлзе по его литературному вкусу. Напрасно, тут только труды по аэронавтике.

Я немного разочарована. После осмотра квартиры вывод у меня лишь один: Майлз, судя по всему, трудоголик, начисто лишенный вкуса в дизайне интерьеров.

Махнув рукой на гостиную, захожу в кухню. Заглядываю в холодильник, но там практически шаром покати – только несколько коробок с готовой едой из ресторана, приправы, апельсиновый сок. Брат-близнец холодильника Корбина – такой же пустой, безрадостный, холостяцкий.

Я пью сок и мою стакан. Слева от раковины горка грязной посуды, и я машинально принимаюсь мыть и ее. Тут даже тарелки с кружками лишены индивидуальности – простые, белые, скучные.

Так и хочется взять кредитную карточку, пойти в ближайший магазин и закупить яркой посуды, занавески на окна, несколько картин. Быть может, даже парочку комнатных растений. Этой квартире явно не хватает чего-то живого.

Какое же прошлое у Майлза? Не похоже, что у него кто-то есть. Никогда не видела Майлза с подружкой, да и не чувствуется здесь женской руки. Сомневаюсь, что девушка, зайдя в эту квартиру, удержалась бы от искушения украсить ее хотя бы чуть-чуть, прежде чем снова покинуть. Так что, скорее всего, девушек здесь просто не бывает.

Мои мысли переносятся к Корбину. За все годы, что мы прожили вместе, он ни разу не поделился со мной романтическими переживаниями. Скорее всего, потому, что настоящих отношений у него и не было никогда. Все девчонки, с которыми брат меня знакомил, не задерживались дольше чем на неделю. Неясно, в чем тут дело. То ли Корбин не хочет оставаться с кем-то надолго, то ли никто не желает оставаться с ним. Вероятно, первое – судя по тому, сколько девиц ему названивает.

Учитывая, что сам Корбин меняет девушек как перчатки, странно, что он всегда меня опекал. Видимо, брат слишком хорошо себя знает и не хочет, чтобы я встречалась с такими мужчинами, как он.

Интересно, похож ли Майлз в этом на Корбина?..

– Моешь мою посуду?

Я едва не подпрыгиваю от неожиданности, резко поворачиваюсь и вижу нависающего надо мной Майлза. Стакан выскальзывает из рук, но я подхватываю его прежде, чем он падает на пол. Перевожу дыхание и осторожно ставлю стакан в раковину.

– Закончила заниматься, – мямлю я, сглатывая образовавшийся в горле комок. Потом показываю глазами на чистую посуду в сушилке. – Она была грязная.

Майлз улыбается...

Или мне показалось?

Едва уголки его губ приподнялись, как тут же снова опустились.

Ложная тревога.

– Все ушли, – говорит он.

А значит, мне пора освободить помещение.

Майлз замечает на столе бутылку апельсинового сока и ставит в холодильник.

– Извини... – бормочу я. – Мне захотелось пить.

Он прислоняется плечом к холодильнику и скрещивает руки на груди.

– Тейт, я не против, чтобы ты пила мой сок.

Ого...

До нелепости сексуальная реплика. Как и вид, с которым Майлз ее произносит.

И по-прежнему – ни намек на улыбку. Господи, этот человек вообще знает, что речь должна сопровождаться мимикой?!

Не хочу, чтобы он заметил мое разочарование, а потому снова поворачиваюсь к раковине и смываю мыльную пену. Вполне подходящее занятие, учитывая, какие странные флюиды носятся в воздухе.

– Давно тут живешь? – спрашиваю я, чтобы нарушить неловкое молчание.

– Четыре года.

Я смеюсь – сама не уверена отчего. Майлз удивленно приподнимает бровь, недоумевая, почему его ответ вызвал у меня усмешку.

– Просто твоя квартира... – я кошусь в сторону гостиной, – ...несколько безликая. Я думала, ты переехал недавно и еще не успел обставить ее как следует.

Я не имела в виду ничего обидного, но именно так это и прозвучало. Попыталась просто завязать разговор, а в итоге лишь усилила неловкость.

Майлз медленно обводит взглядом квартиру, обдумывая мое замечание. С удовольствием взяла бы свои слова обратно, но даже не пытаюсь ничего сказать, чтобы не сделать еще хуже.

– Я много работаю, – поясняет он наконец. – Гостей у меня не бывает, незачем обставлять.

Так и тянет спросить, почему же гостей не бывает, но, похоже, есть темы, на которые Майлз говорить не желает.

– Кстати, о гостях. А что не так с Диллоном?

– Диллон – придурок, не питающий ни малейшего уважения к собственной жене, – спокойно произносит Майлз и уходит в спальню. Дверь он закрывает не полностью, чтобы я могла его слышать. – Решил предупредить тебя, пока ты не повелась на его уловки.

– Я не ведусь ни на чьи уловки. Особенно на приемчики Диллона.

– Вот и славно.

Славно?.. Ха! Майлз не хочет, чтобы мне понравился Диллон. Я в полном восторге!

– Корбин бы этого не одобрил. Он Диллона терпеть не может.

Ах вот оно что... Так это ради Корбина... Но почему же я так разочарована?

Майлз выходит из спальни. Сменил джинсы с футболкой на хорошо мне знакомые форменные брюки и белую рубашку, которую еще не успел застегнуть.

Он переодевается в форму летчика.

– Ты пилот? – спрашиваю я слегка удивленно. Почему-то в моем голосе слышится восхищение.

Майлз кивает и заглядывает в прачечную, смежную с кухней.

– Потому и знаком с Корбином. Учились вместе в летной школе.

Он возвращается в кухню с корзиной для грязного белья и ставит ее на стол.

– Корбин хороший парень.

Рубашка на нем все еще распахнута...

Я не отрываясь смотрю на его живот...

Хватит глазеть!

О боже... У него же пояс Адониса! Эти прекрасные линии, сходящиеся внизу живота буквой V, словно указание на некую тайную цель...

Господи, Тейт, ты же пялишься ему между ног!

Он застегивает рубашку, а я делаю над собой нечеловеческое усилие и отвожу взгляд.

Мысли... где-то они были, но сейчас их нет.

Может, все оттого, что Майлз – пилот?

Но почему это производит на меня такое впечатление?

Меня же не взволновало, что Диллон тоже пилот. С другой стороны, когда Диллон сообщил мне об этом, он не возился с грязным бельем, демонстрируя свой пресс. Мужчина, который разбирает белье для стирки, демонстрирует тебе голый пресс, да еще и работает пилотом, определенно достоин восхищения.

Майлз уже полностью одет. Он натягивает ботинки, а я уставилась на него, словно зритель на спектакле, где он играет главную роль.

– А это не опасно? – спрашиваю я, отыскав в конце концов связную мысль в голове. – Только что выпил пива, а теперь идешь управлять самолетом.

Майлз застегивает куртку на молнию и подхватывает с пола сумку.

– Я пил только воду, – говорит он, прежде чем выйти из кухни. – Я вообще почти не пью, тем более перед работой.

Я смеюсь, выхожу вслед за ним в гостиную и беру со стола свои книги.

– Кажется, ты подзабыл, как мы с тобой познакомились. В день моего переезда кое-кто валялся пьяным в коридоре.

Майлз распахивает входную дверь и пропускает меня вперед.

– Понятия не имею, о чем ты. Мы познакомились в лифте, припоминаешь?

Не пойму, шутит он или нет, потому что в глазах – ни намека на улыбку или озорной блеск.

Он закрывает дверь. Протягиваю ему ключ и направляюсь к себе.

– Тейт...

Так и тянет притвориться, что я не расслышала. Чтобы Майлз еще раз повторил мое имя. Вместо этого оборачиваюсь с видом, будто его присутствие на меня никак не действует.

– Тот вечер, когда ты нашла меня в коридоре, был исключением. Очень редким исключением.

В его глазах, а возможно, и в голосе есть что-то невысказанное.

Он стоит рядом с дверью и ждет, не отвечу ли я. Нужно попрощаться. Пожелать ему хорошего полета. Некоторые, правда, верят, что это приносит несчастье. Так что лучше просто сказать: «Спокойной ночи».

– Исключение случилось из-за Рейчел?

Да. Именно так я и говорю.

Зачем я это спросила?..

Его поза меняется, лицо каменеет, словно от удара молнии. Скорее всего, Майлз не может понять, почему я это сказала, он же не помнит о той ночи ровным счетом ничего.

Быстрее, Тейт... Очнись...

– Ты меня принял за кого-то по имени Рейчел, – выпаливаю я, чтобы хоть как-то исправить неловкое положение. – Вот я и подумала, что между вами что-то произошло и поэтому... Ну, ты понял.

Майлз делает глубокий вдох, стараясь не выдать своих эмоций. Похоже, я наступила на большую мозоль.

Видимо, о Рейчел упоминать нельзя.

– Спокойной ночи, Тейт, – говорит он и отворачивается.

Не пойму, что произошло. Смутила его? Разозлила? Обидела?

Что бы я ни сделала, уже сожалею об этом. Не по душе мне это чувство неловкости, заполняющее все пространство между мной и лифтом, у которого стоит Майлз.

Захожу в квартиру и захлопываю за собой дверь. Но чувство неловкости не осталось снаружи, оно следует за мной.

Глава шестая

Майлз

Шестью годами ранее

Мы ужинаем, всем неловко.

Лиса с папой пытаются вовлечь меня и Рейчел в беседу, но у нас нет настроения разговаривать. Мы пьем в свои тарелки. Ковыряем еду вилкой. Аппетит куда-то пропал.

Папа спрашивает Лису, не хочет ли она посидеть на заднем крыльце.

Она соглашается и просит Рейчел помочь мне убрать со стола.

Мы относим посуду на кухню.

Оба молчим.

Пока я вожусь с посудомоечной машиной, Рейчел стоит, прислонившись к столу, и наблюдает, как я изо всех сил стараюсь не обращать на нее внимания. Рейчел не догадывается, что она повсюду. Она во всем. Все вокруг превратилось в Рейчел.

Это ощущение поглотило меня целиком.

Мои мысли больше не абстрактны.

Мои мысли теперь – Рейчел.

Мне нельзя любить тебя, Рейчел...

Я гляжу в раковину, а хочу смотреть на Рейчел.

Дышу воздухом, а хочу дышать одной Рейчел.

Закрываю глаза и вижу только Рейчел.

Мою руки и безумно жажду прикоснуться к Рейчел.

Я вытираю ладони о полотенце и поворачиваюсь к ней.

Пальцы Рейчел стискивают край стола за спиной. Мои руки скрещены на груди.

– У нас самые ужасные в мире родители, – шепчет она.

Ее голос падает.

Мое сердце тоже.

– Прямо-таки безнравственные, – говорю я.

Она хохочет.

Мне нельзя любить твой смех, Рейчел...

Она вздыхает.

Люблю ее вздох.

– Давно они вместе? – спрашиваю я.

Рейчел не станет врать.

– Около года. Они нечасто виделись, пока мама не решила переехать поближе к нему.

Я чувствую, как разбилось сердце моей матери.

Мы с ней ненавидим отца.

– Около года? – переспрашиваю я. – Уверена?

Рейчел кивает.

Ей ничего не известно о моей маме. Это очевидно.

– Рейчел?

Я произношу ее имя вслух. Мне хотелось этого с той самой минуты, как мы впервые встретились.

Не отводя глаз, Рейчел сглатывает и тихо шепчет:

– Что?

Я делаю шаг вперед.

Ее тело откликается. Спина стала чуть прямее, дыхание – чуть чаще, щеки – чуть розовее.

Но этого более чем достаточно.

Моя рука ложится ей на талию, мои глаза ищут ее.

Взгляд Рейчел не говорит «нет»...

Когда мои губы прижимаются к ее губам, это и хорошо, и дурно, и правильно, и неправильно.

А еще это мечь.

Рейчел вдыхает, крадя у меня воздух. Я выдыхаю, чтобы отдать кислород ей. Наши языки соприкасаются. Моя вина сплетается с ее виной, мои пальцы путаются в волосах, которые бог создал специально для этой девушки.

Мой любимый вкус теперь – Рейчел.

Мой любимый подарок теперь – Рейчел.

Хочу Рейчел на день рождения. Хочу Рейчел на Рождество. Хочу Рейчел на выпускной.

Рейчел, Рейчел, Рейчел...

Я все равно буду любить тебя, Рейчел...

Скрипит задняя дверь.

Я отстраняюсь.

Она отстраняется, но я по-прежнему чувствую ее в своих объятиях.

Отвожу взгляд, но вокруг одна Рейчел.

В кухню заходит Лиса. Вид радостный.

Она имеет право на счастье – это ведь не она умерла.

Лиса объявляет, что им пора уходить.

Я прощаюсь с обеими, но мои слова – только для Рейчел, и она это знает.

Заканчиваю с посудой.

Говорю папе, что Лиса очень милая.

Не говорю, что ненавижу его.

Наверное, и не скажу никогда. Зачем признаваться, что теперь смотрю на него другими глазами?

Теперь он для меня просто... обычный человек.

Возможно, это и значит стать мужчиной – осознать, что отец понимает в жизни ничуть не больше твоего.

Я ухожу к себе в комнату и пишу Рейчел эсэмэску.

Я: «Что будем делать с завтрашней встречей?»

Рейчел: «Соврем родителям?»

Я: «В семь сможешь?»

Рейчел: «Да».

Я: «Рейчел?»

Рейчел: «Что?»

Я: «Спокойной ночи».

Рейчел: «Спокойной ночи, Майлз».

Выключаю телефон: хочу, чтобы ее сообщение стало на сегодня последним.

Закрываю глаза.

Я пропал, Рейчел...

Глава седьмая

Тейт

Прошло две недели с тех пор, как я видела Майлза, и всего две секунды с тех пор, как последний раз о нем думала. Похоже, он работает так же много, как и Корбин. Конечно, приятно оставаться одной в квартире, но не менее чудесно, когда Корбин дома, и тогда есть с кем поговорить. Когда они с Майлзом оба отдыхают, это, наверное, тоже неплохо, но такого на моей памяти еще не случалось.

До сегодняшнего дня.

– Отец Майлза работает, а сам он свободен до понедельника.

Корбин стучит в квартиру напротив. Я только что узнала, что он пригласил Майлза поехать с нами к родителям на День благодарения.

– Все равно ему больше нечем заняться.

Кажется, я киваю в ответ, но тут же отворачиваюсь и иду к лифту. Не хочу, чтобы Майлз заметил мое волнение.

Когда они с Корбином входят в кабину, я уже стою у задней стены. Майлз приветствует меня кивком. Вот и все, чего я удостоилась. При нашей последней встрече я поставила Майлза в неловкое положение, а потому тоже молчу и стараюсь на него не смотреть, хотя трудно сосредоточиться на чем-то другом. Одет он небрежно: бейсболка, джинсы и футболка с символикой команды «Сан-Франциско Форти-Найнерс». Оттого и трудно не обращать на него внимания: я всегда предпочитала мужчин, которые не заиклены на собственной внешности.

Ловлю на себе его пронзительный взгляд.

Робко улыбнуться или опустить глаза? Не знаю. Просто стою и жду, когда он перестанет.

Но вот Майлз не отворачивается и молча продолжает смотреть на меня. Я отвечаю тем же.

Наконец мы внизу. Слава богу, Майлз покидает лифт первым и не видит, как я делаю глубокий вдох – я же целую минуту не дышала.

– Куда это вы? – спрашивает Кэп, когда мы все выходим из лифта.

– Домой, – говорит Корбин. – В Сан-Диего. А у тебя какие планы на День благодарения?

– В праздники всегда много полетов. Вероятней всего, здесь буду сидеть, работать.

Кэп подмигивает мне, а я ему.

– А ты, малыш? – обращается он к Майлзу. – Тоже домой?

Майлз пристально смотрит на старика – такой же взгляд, каким он сверлил меня в лифте. Какое разочарование. У меня уж было затеплилась слабая надежда, что Майлза тоже влечет ко мне. А сейчас, видя их с Кэпом молчаливый поединок, я почти уверена: если Майлз не сводит с кого-то глаз, это еще ничего не значит. Похоже, привычка у него такая – всех буравить взглядом.

Проходит секунд пять, молчаливых и тягостных.

Может, Майлз не любит, когда его называют малышом?

– С Днем благодарения, Кэп, – наконец произносит Майлз, даже не подумав ответить на вопрос, и шагает к выходу вслед за Корбином.

Я смотрю на Кэпа и пожимаю плечами.

– Пожелай мне удачи. Похоже, мистер Арчер опять сегодня не в духе.

– Да нет. Просто некоторые не любят лишних вопросов, вот и все.

Кэп плюхается в кресло и салютует мне на прощание. Я отвечаю тем же и спешу к выходу.

Непонятно, почему он пытается оправдать грубое поведение Майлза. Может, нравится он ему? Или у старика такая привычка – всех оправдывать?

– Хочешь, сяду за руль, – предлагает Майлз Корбину, когда мы подходим к машине. – Ты же не выпался еще. Поведешь на обратном пути.

Корбин соглашается, Майлз занимает место водителя. Я забираюсь на заднее сиденье и выбираю, где сесть. Позади Майлза, посередине или за Корбином? Что бы я ни выбрала, все равно буду чувствовать только Майлза. Он везде. Все вокруг – сплошной Майлз.

Вот что происходит, когда тебя влечет к человеку. То его нет вообще, то он повсюду, хочешь ты того или нет.

Интересно, а я для него тоже повсюду?

Нелепая мысль. Я в состоянии понять, тянет мужчину ко мне или нет, и к Майлзу это явно не относится. Значит, нужно положить конец тому, что со мной творится. Не до глупой влюбленности сейчас. И так учебу с работой совмещать нелегко.

Я достаю из сумочки книгу. Майлз включает радио, а Корбин откидывает спинку сиденья и вытягивает ноги на приборную панель.

– Не будите, пока не приедем, – просит он, надвигая кепку на глаза.

Я смотрю на Майлза, который в этот момент поправляет зеркало заднего вида. Он оборачивается назад, чтобы выехать со стоянки, и на миг наши взгляды встречаются.

– Тебе удобно? – спрашивает он и отворачивается, не дождавшись ответа. Включает переднюю передачу и вновь мельком смотрит на меня.

– Да, – говорю я и растягиваю губы в улыбке. Пусть не думает, будто я не рада, что он с нами поехал. Хотя трудно не казаться холодной, когда именно такое впечатление я и хочу на него произвести.

Майлз сосредоточен на дороге, я – на книге.

Проходит полчаса. От чтения и тряски разболелась голова. Кладу книгу рядом и устраиваюсь поудобнее: откидываю голову на спинку кресла и забрасываю ноги на консоль между передними сиденьями. В зеркале Майлз одаривает меня таким взглядом, точно скользит руками по всему моему телу. Смотрит так секунды две, не более, затем вновь переключается на дорогу.

Жаль...

Что же творится у него в голове? Непонятно. Он никогда не улыбается. Никогда не смеется. Не флиртует. И лицо у него такое, словно он постоянно создает непроницаемую завесу между собой и остальным миром.

Молчаливые мужчины мне всегда нравились. Большинство парней слишком болтливы – говорят обо всем, что лезет в голову. Правда, в случае с Майлзом я бы не отказалась, чтобы он молчал чуть меньше. Хочу знать каждую его мысль. Особенно ту, что занимает его прямо сейчас, скрываясь за маской равнодушия.

Все еще смотрю на Майлза, пытаюсь его разгадать, и вдруг он снова перехватывает мой взгляд. Немного смущенная тем, что меня поймали с поличным, опускаю глаза на телефон. Но зеркало притягивает как магнит, и очень скоро я вновь их поднимаю.

Как только перевожу внимание на зеркало, Майлз делает то же самое.

Я вновь опускаю глаза.

Проклятье...

Похоже, эта поездка станет самой долгой в моей жизни.

Терплю минуты три и опять бросаю взгляд в зеркало.

Черт... Он тоже...

Я улыбаюсь. Такая игра меня веселит.

Он тоже улыбается.

Он.

Тоже.

Улыбается.

Майлз сосредоточен на дороге, но усмешка не сходит с его губ еще несколько секунд. Я это знаю, потому что не могу оторвать от нее взгляд. С радостью бы сфотографировала ее, пока она не исчезла, но боюсь показаться странной.

Майлз намерен облокотиться на консоль, которую заняли мои ноги.

– Извини, – говорю я и собираюсь их убрать, но его пальцы обхватывают мою босую ступню.

– Все в порядке, – произносит он.

Его рука держит меня за ногу. Я слежу за ним, не отрываясь.

Боже мой, он только что пошевелил большим пальцем... провел им по ступне. Мои бедра напряжены, дыхание сбилось. Будь я проклята, если Майлз не погладил меня по ноге специально, прежде чем убрать руку!

Приходится закусить себе щеку, чтобы не улыбнуться.

Похоже, тебя все-таки влечет ко мне, Майлз...

* * *

Мы только приехали, а папа уже поручил Корбину с Майлзом развесить гирлянды фонариков. Я занесла вещи в дом и освободила для Корбина с Майлзом свою комнату – только в ней есть две кровати. Сама заняла бывшую спальню брата и отправилась на кухню, помочь маме с ужином.

В моей семье День благодарения всегда отмечали без особого размаха. Родителям не хотелось выбирать между родственниками с обеих сторон, да и папа редко бывал дома в это время года, ведь праздники для пилота – самое напряженное время. Вот мама и решила, что День благодарения мы будем отмечать в тесном семейном кругу. Так и справляли его всегда вчетвером: я, Корбин, мама и папа, – если он был, конечно, дома. В прошлом году мы с мамой остались вдвоем, потому что и папа, и Корбин работали.

В этом году мы все вместе.

Плюс Майлз.

Как-то необычно, что он здесь, с нами. Мама встретила Майлза радушно – похоже, она не против. Папа вообще любит всех без исключения. Он только рад дополнительной помощи с украшениями, так что присутствие постороннего человека ему совсем не в тягость.

Мама подает мне кастрюлю с вареными яйцами, и я берусь за чистку, чтобы затем их нафаршировать. Сама она облокачивается о стол и подпирает голову руками.

– А этот Майлз просто красавчик, – замечает она, приподняв одну бровь.

Должна кое-что объяснить. Она прекрасная мать. Потрясающая. Но мне неловко разговаривать с ней о мужчинах. С тех пор как мне исполнилось двенадцать и у меня начались месячные. Мама тогда впала в такой ажиотаж, что позвонила трем подругам, прежде чем объяснить мне, что, собственно, со мной происходит. В общем, я еще в то время поняла, что секреты перестают быть таковыми, как только достигают маминых ушей.

– Да, ничего так, – небрежно отвечаю.

Я лгу. Бессовестно лгу. Майлз и правда настоящий красавец: золотисто-каштановые волосы, завораживающие голубые глаза, широкие плечи, волевой подбородок, покрытый легкой щетиной, когда Майлзу не нужно на работу... А еще от него всегда изумительно пахнет – как будто он только что принял душ и не успел вытереться...

Боже мой...

Ну и кто я после этого?

– А девушка у него есть?

Пожимаю плечами.

– Мам, мы с ним едва знакомы.

Подхожу с кастрюлей к раковине и обдаю яйца водой, чтобы легче чистились.

– Как папе на пенсии? – интересуюсь я, чтобы сменить тему.

Мама многозначительно ухмыляется, и эта улыбка мне совершенно не по вкусу.

Ей можно вообще ничего не рассказывать: она и так все поймет. Родительский инстинкт, как-никак.

Я краснею, поворачиваюсь к столу и продолжаю чистить эти дурацкие яйца.

Глава восьмая

Майлз

Шестью годами ранее

– Вечером иду к Иэну, – сообщаю я папе.

Ему не до того. Он собирается на свидание с Лисой. Лиса занимает все его мысли.

Лиса стала для папы всем.

Раньше всем для него была Кэрол. А иногда – Кэрол и Майлз.

Теперь их место заняла Лиса.

Это ничего, потому что раньше всем для меня были он и Кэрол.

Теперь – нет.

Я спрашиваю Рейчел эсэмэской, где ее лучше встретить. Она отвечает: Лиса ушла, можно заехать к ним домой.

Добравшись до места, я не могу решить, выходить из машины или нет. Не могу понять, хочет ли этого Рейчел.

В конце концов подхожу к двери и стучу. Когда Рейчел открывает, меня охватывает замешательство. С одной стороны, хочется извиниться за то, что я ее поцеловал.

С другой – закидать вопросами, чтобы узнать о ней все.

Но больше всего хочется еще раз ее поцеловать, особенно теперь, когда дверь открыта и она стоит прямо передо мной.

– Может, зайдешь ненадолго? – спрашивает Рейчел. – Мама вернется только через пару часов.

Я качаю головой. Интересно, любит ли она мои кивки так же сильно, как я ее?..

Рейчел захлопывает дверь, и я осматриваюсь. Квартира совсем небольшая. Никогда не жил в таком маленьком месте. Пожалуй, мне нравится. Чем меньше места, тем сильнее люди любят друг друга. У них просто недостаточно свободного пространства, чтобы друг друга не любить. Вот бы и нам с папой переехать в дом покомпактнее. Дом, где мы будем вынуждены общаться. Дом, где не надо делать вид, будто мамина смерть не оставила после себя слишком много пустоты.

Рейчел проходит в кухню, спрашивает, не хочу ли я чего-нибудь выпить.

Я интересуюсь, что у нее есть. Она отвечает, что имеется практически все, кроме молока, чая, газировки, кофе, сока и спиртного.

– Надеюсь, ты любишь воду, – говорит она и сама над собой смеется.

Я смеюсь вместе с ней.

– Вода – это прекрасно. Я бы и так ее выбрал.

Рейчел наполняет стаканы, и мы становимся напротив друг друга.

Смотрим друг на друга.

Зря я вчера ее поцеловал...

– Я не должен был целовать тебя, Рейчел.

– А я не должна была тебе позволять.

Снова обмениваемся молчаливыми взглядами.

Интересно, позволит ли она еще раз себя поцеловать?

Может, лучше уйти?

– Мы легко можем покончить с этим.

Я лгу.

– Нет, не можем.

Рейчел говорит правду.

– Думаешь, они поженятся?

Рейчел кивает. Этот кивок я люблю не так сильно, как прежние. Мне не нравится вопрос, на который он служит ответом.

– Майлз...

Рейчел смотрит себе под ноги. Она произносит мое имя так, словно делает предупреждающий выстрел, и мне пора спасаться бегством.

Я бросаюсь наутек.

– Что?

– Мы сняли квартиру только на месяц. Вчера я слышала, как она говорила с ним по телефону. Через две недели мы переезжаем к вам.

На бегу я спотыкаюсь о препятствие.

Рейчел переезжает ко мне...

Будет жить со мной в одном доме...

Ее мать заполнит все то пустое пространство, что осталось после моей мамы...

Я зажмуриваюсь и вижу перед собой Рейчел.

Открываю глаза и смотрю на Рейчел.

Отворачиваюсь и стискиваю край стола. Голова падает на грудь. Не знаю, что мне делать. Не хочу, чтобы она мне нравилась.

Не хочу влюбляться в тебя, Рейчел...

Я не дурак и понимаю, как действует вожделение.

Вожделение всегда требует недоступного.

Вожделение хочет, чтобы я получил Рейчел.

А здравый смысл жаждет, чтобы она исчезла.

Я встаю на сторону рассудка и снова поворачиваюсь к ней.

– Это ни к чему не приведет, – говорю я. – То, что между нами происходит. Добром точно не кончится.

– Знаю, – шепчет Рейчел.

– Как же нам положить этому конец?

Она смотрит на меня в надежде, что я сам отвечу на собственный вопрос.

Но я не могу.

Тишина.

Тишина.

Тишина.

ОГЛУШИТЕЛЬНАЯ, ДУШЕРАЗДИРАЮЩАЯ ТИШИНА.

Хочется зажать уши руками. Облечь сердце в броню.

Я даже не знаю тебя, Рейчел...

– Мне лучше уйти, – говорю в конце концов.

– Хорошо.

– Но я не могу...

– Хорошо.

Мы снова глядим друг на друга.

Может, если смотреть достаточно долго, мне надоест?

Хочу опять ощутить ее вкус...

Может, если упиться ее вкусом, мне надоест?

Рейчел не ждет, пока я до нее дотянусь, – встречает меня на полпути.

Я стискиваю в ладонях ее лицо, она сжимает мои плечи, и ее чувство вины соединяется с моим в тот же миг, когда сливаются воедино наши губы.

Мы лжем сами себе. Говорим, что найдем выход, хотя на самом деле выхода нет.

Моей коже хорошо, когда ее дотрагивается Рейчел. Моим волосам хорошо, когда их касаются пальцы Рейчел. Моему рту хорошо, когда в нем оказывается язык Рейчел.

Если бы можно было всегда дышать так...

Жить так...

Мир был бы прекрасен.

Рейчел стоит, прислонившись к холодильнику. Мои ладони – по сторонам от ее лица. Я отстраняюсь и гляжу на нее.

– Мне хочется задать тебе миллион вопросов.

– Тогда начинай, – с улыбкой отвечает она.

– Куда ты поедешь, чтобы учиться в колледже?

– В Мичиган, а ты?

– Останусь здесь, пока не получу степень бакалавра, а потом мы с моим лучшим другом Иэном поступим в летнюю школу. Хочу стать пилотом, а ты?

– А я хочу стать счастливой.

Идеальный ответ.

– Когда у тебя день рождения?

– Третьего января. Мне исполнится восемнадцать. А у тебя когда?

– Завтра. Мне тоже исполнится восемнадцать.

Рейчел не верит, что мой день рождения действительно завтра. Я показываю ей права. Она поздравляет меня и снова целует.

– Что же будет, если наши родители поженятся? – спрашиваю я.

– Они в любом случае не одобряют наших отношений, даже если не поженятся.

Рейчел права. Такое нелегко будет объяснить окружающим.

– Тогда зачем продолжать, если и так ясно, что ничем хорошим это не кончится?

– Затем, что мы не можем остановиться.

Рейчел снова права.

– Через семь месяцев ты уедешь в Мичиган, а я останусь в Сан-Франциско. Может, это и есть ответ.

– Семь месяцев?

Я киваю и дотрагиваюсь пальцем до ее губ. Такими губами стоит восхищаться, даже когда их не целуешь.

– Встречаемся семь месяцев. Никому не рассказываем. А потом... – я не договариваю, потому что не могу произнести слово «расстаемся».

– А потом расстаемся, – шепчет Рейчел.

– Расстаемся, – вторю ей и буквально слышу, как начинается обратный отсчет.

Я целую Рейчел. Теперь, когда у нас есть план, целовать ее еще приятнее.

– У нас получится, Рейчел.

– У нас получится, Майлз.

Я уделяю ее губам то внимание, которого они заслуживают.

Я буду любить тебя семь месяцев, Рейчел...

Глава девятая

Тейт

– Доктора! – требует Корбин, входя в кухню.

Вслед за ним появляется Майлз. Корбин указывает на друга, чья рука в крови. Майлз смотрит на меня так, словно я обязана знать, что делать.

Это не отделение неотложной помощи! Это кухня моей матери!

– Не поможешь? – спрашивает Майлз, крепко стискивая запястье. Кровь капает прямо на пол.

– Мама! – кричу я. – Где аптечка?

Открываю один шкафчик за другим, тщетно пытаюсь ее отыскать.

– В ванной на первом этаже! Под раковиной!

Я указываю на дверь ванной, и Майлз послушно следует за мной. Достая из шкафчика нужную коробочку. Захлопываю крышку унитаза и велю Майлзу сесть. Сама пристраиваюсь на край ванны и осматриваю его руку.

– Как это тебя угораздило?

Вытираю кровь и изучаю порез. Глубокий. Прямо по центру ладони.

– Схватился за приставную лестницу. Она чуть не перевернулась.

– Лучше бы ты дал ей упасть.

– Не мог. На ней стоял Корбин.

Я удивленно вскидываю голову. И вижу, что Майлз смотрит на меня пронзительными голубыми глазами. Снова обращаю все внимание на его руку.

– Придется зашивать.

– Уверена?

– Да. Хочешь, отвезу тебя в неотложку?

– А сама наложить швы не можешь?

– У меня нет специальных материалов. Нужна хирургическая нить – рана довольно глубокая.

Здоровой рукой Майлз роется в аптечке. Он достает катушку ниток и протягивает мне.

– Вперед.

– Майлз, это же не пуговицу пришить!

– Не хочу целый день торчать в больнице из-за какого-то пореза. Сделай что можешь. Все будет хорошо.

Я тоже не хочу, чтобы он весь день провел в больнице.

Потому что тогда его не будет здесь.

– Если начнется заражение крови и ты умрешь, я не виновата.

– Если начнется заражение крови и я умру, то уже не смогу тебя обвинить.

– Логично.

Я снова промываю рану, потом достаю все необходимое и раскладываю на столешнице рядом с раковиной. Мне неудобно, я встаю, ставлю одну ногу на край ванны и кладу его руку себе на колено.

Кладу его руку себе на колено...

Черт...

Нет, пока его ладонь у меня на колене, ничего не выйдет. Если хочу, чтобы пальцы не дрожали, надо расположиться по-другому.

– Так не пойдет, – говорю я, поворачиваясь к Майлзу.

Опускаю его руку на столешницу и встаю прямо перед ним.

Менее удобно, зато пальцы Майлза не будут касаться моего колена, пока я накладываю шов.

– Будет больно, – предупреждаю я.

Он смеется, как будто познал настоящую боль, а эта для него – ничто.

Я прокалываю кожу Майлза иглой, он даже не вздрагивает. Не издает ни звука. Просто смотрит, как я работаю. Время от времени заглядывает мне в лицо. Мы не разговариваем. Как и всегда.

Я стараюсь не обращать внимания на Майлза. Полностью сосредоточиться на ране, которую срочно надо зашить. Но Майлз так близко, – я чувствую на щеке его дыхание. А дышит он часто.

– Останется шрам, – еле слышно шепчу я.

И куда вдруг подевался мой голос?..

Я в четвертый раз втыкаю иглу. Майлзу больно, но он не показывает. Каждый раз, как только игла прокалывает кожу, я еле сдерживаюсь, чтобы самой не вздрогнуть вместо него.

Нужно сконцентрироваться на ране, но я все время чувствую, как наши ноги соприкасаются. Здоровая рука Майлза лежит на бедре, и кончик одного пальца задевает мое колено.

Столько всего происходит в этот момент, а я могу думать только о кончике его пальца. Он жжет меня сквозь штанину раскаленным металлом. Майлз сидит предо мной с глубоким порезом на ладони, кровь пропитывает подложенное под нее полотенце, я иглой раню его кожу, а меня занимает лишь легкое прикосновение его пальца к моей ноге.

Интересно, как бы ощущалось это касание без тонкого слоя джинсовой ткани?..

На секунду наши глаза встречаются, и я немедленно опускаю взор на его ладонь. Майлз на нее даже не смотрит. Он пристально глядит на меня, и я изо всех сил стараюсь не обращать внимания на его дыхание.

Почему оно участилось? Потому что я стою так близко? Или потому что больно?

Майлз дотрагивается до моего колена двумя пальцами...

Тремя...

Я делаю вдох и пробую сосредоточиться на работе.

Но не могу.

Он это нарочно. Не просто случайно задел. Майлз трогает меня, потому что ему так хочется. Он проводит пальцами по моей ноге. Со вздохом кладет голову мне на плечо и сжимает мою икру.

Сама не пойму, как мне удастся устоять на ногах.

– Тейт... – с болью в голосе шепчет Майлз.

Я останавливаюсь. Сейчас он скажет, что ему больно. Попросит подождать немного. Он ведь поэтому меня трогает? Потому что ему больно?

Майлз молчит, я делаю последний стежок и завязываю нитку узлом.

– Готово, – говорю я и кладу нитку с иглой на столешницу. Майлз не отпускает меня, а я не отстраняюсь.

Его рука медленно скользит по моей ноге к бедру и выше, к спине.

Дыши, Тейт!

Майлз за талию притягивает меня к себе. Его голова по-прежнему на моем плече. Я инстинктивно обнимаю его за плечи, чтобы не упасть.

Все мышцы моего тела разучились выполнять свои функции.

Я все еще стою, Майлз все еще сидит, но теперь я зажата между его колен – так близко он притянул меня к себе. Майлз медленно поднимает голову, и я невольно опускаю веки – я так нервничаю, что даже взглянуть на него не могу.

Чувствую, как Майлз отводит голову назад, чтобы взглянуть мне в лицо, но мои глаза по-прежнему закрыты. Смыкаю веки еще крепче. Не знаю почему. В этот момент я вообще ничего знать не хочу. Только его.

Кажется, Майлз намерен меня поцеловать.

Я сама хочу, жажду поцеловать его.

Рука Майлза медленно скользит по моей спине, до тех пор, пока не достигает шеи. Такое чувство, словно там, где он дотрагивается до меня, остаются следы. Губы Майлза почти касаются моей щеки. Они так близко, что неясно – это его губы или дыхание я чувствую своей кожей.

Я сейчас умру, а в этой дурацкой аптечке нет средства, чтобы меня спасти.

Пальцы Майлза крепче обхватывают мою шею, и... он меня убивает.

Или целует. Не уверена, что именно он делает, потому как особой разницы нет. Его губы на моих губах словно жизнь, смерть и перерождение – все одновременно.

Боже, он меня целует...

Его язык у меня во рту, нежно поглаживает мой, а я даже не помню, как это произошло. Неважно.

Не отрываясь от моих губ, он встает и прижимает меня к стене. Рука, которая придерживала мою голову, теперь опускается на талию.

Боже мой, какой властный рот...

Черт побери, у Майлза только что вырвался стон...

Рука от талии медленно перемещается к бедру.

Убей меня... просто убей...

Майлз забрасывает мою ногу себе на пояс, прильнув всем телом ко мне. Это так восхитительно, что я издаю стон прямо в его губы.

И на этом все кончается...

Почему он отстранился? Нет, не останавливайся, Майлз...

Он опускает мою ногу и тут же упирается ладонью в стену, словно боясь упасть.

Нет, нет, нет... продолжай... вернись к моим губам...

Я хочу заглянуть ему в глаза, но они закрыты, будто жалеют о содеянном...

Только не смотри, Майлз... Не хочу видеть сожаления в твоём взгляде...

Мы оба молчим и пытаемся отдышаться. После нескольких глубоких вдохов Майлз отталкивается от стены и подходит к раковине. Пока он не отвернулся, глаза, к счастью, у него были закрыты. Теперь же Майлз ко мне спиной, и я не наблюдаю сожаления, которое он явно испытывает. Майлз берет ножницы и отрезает полоску бинта.

Я приклеена к стене. Так и останусь тут навсегда, словно кусок обоев.

– Не надо было этого делать.

Голос у Майлза холодный и твердый. Словно металл. Словно меч.

– Я же не возражала.

У меня голос совсем не железный. Он похож на воду. Он сейчас испарится.

Майлз перебинтовывает руку и поворачивается ко мне.

Взгляд у него такой же жесткий, как голос. И холодный. Как сталь. Как кинжал, перерубающий ниточку, на которой держалась смутная надежда – та, которую подарил мне его поцелуй.

– Больше никогда не позволяй мне этого делать.

Но я хочу, чтобы он делал «это» – хочу больше, чем праздничный ужин. Но Майлзу не отвечаю ничего. Не могу говорить, потому что его сожаление комком застряло в горле.

Майлз открывает дверь и выходит.

Я по-прежнему приклеена к стене.

Как...

Это...

Понимать?!

* * *

К стене я больше не приклеена.

Теперь я приклеена к стулу.

За столом я сижу рядом с Майлзом.

С Майлзом, с которым не заговаривала с тех пор, как он назвал себя, нас и наш поцелуй словом «это».

«Больше никогда не позволяй мне этого делать».

Однако я бы не смогла ему помешать, даже если бы попыталась. Я настолько жажду «этого», что даже пропал аппетит, а ведь я так люблю ужин на День благодарения. Иначе говоря, мне ужасно хочется «этого», и я не имею в виду еду на тарелке.

«Это» – значит Майлз. Мы с ним. Я, целующая его. Он, целующий меня.

В горле внезапно пересохло. Я тянусь за стаканом с водой и тремя большими глотками осушаю половину.

– Майлз, у вас есть девушка? – спрашивает мама.

Да, мама, задавай, задавай ему такие вопросы, потому что мне слишком страшно интересоваться таким самой.

Майлз прочищает горло.

– Нет, мэм.

Корбин издает чуть слышный смешок, от которого в груди у меня поднимается облачко разочарования. Видимо, у Майлза такой же взгляд на отношения с женщинами, как и у братца. Оттого Корбину и забавно, что мама могла вообразить, будто его друг способен на верность.

Внезапно наш поцелуй становится гораздо менее значимым.

– Ну, тогда вы завидный жених. Свободный, красивый, обходительный, работаете пилотом...

Майлз молчит – только слегка улыбается и отправляет в рот ложку картофельного пюре. Не хочет говорить о себе.

Жаль...

– У Майлза нет девушки, – подает голос Корбин. – Но это не значит, что он свободен.

Мама растерянно склоняет голову набок. Я тоже. А затем и Майлз.

– Что ты имеешь в виду? – спрашивает мама и тут же широко распахивает глаза. – Ох! Простите, пожалуйста. Так мне и надо – нечего совать нос в чужие дела.

Последнюю фразу мама произносит так, будто осознала нечто такое, чего я еще не поняла.

Она смущена... Извиняется перед Майлзом...

Нет, не могу догадаться.

– Я чего-то не понял? – спрашивает папа.

Мама указывает вилкой на Майлза.

– Милый, он голубой.

Ну и ну...

– Неправда! – уверенно заявляет папа, смеясь над ее предположением.

Я качаю головой.

Не качай головой, Тейт...

– Майлз не голубой, – возмущенно говорю я.

Зачем я произнесла это вслух?..

Теперь и Корбин опешил. Глядит на Майлза, который застыл, не донеся ложку до рта и приподняв одну бровь.

– Черт! – восклицает Корбин. – Не знал, что это секрет. Прости, дружище!

Майлз кладет ложку на тарелку и с недоумением смотрит на Корбина.

– Я не голубой.

– Извини, – одними губами произносит Корбин, как будто не собирался раскрывать такой большой секрет.

– Корбин, я не гомосексуал. Никогда им не был и вряд ли когда-нибудь стану. Что это взбрело тебе в голову?

Корбин с Майлзом таращатся друг на друга, а все остальные уставились на Майлза.

– Но... – бормочет Корбин. – Ты же говорил... Сам как-то сказал...

Майлз прикрывает рот рукой, чтобы заглушить свой раскатистый смех.

Боже, Майлз... Смейся.

Смейся, смейся, смейся. Пусть это покажется тебе самой забавной шуткой на свете, потому что твой смех в тысячу раз прекраснее праздничного ужина.

– И что же я такого сказал? С чего ты решил, что я гей?

Корбин откидывается на спинку стула.

– Точно не помню. Что-то типа того, что больше трех лет не был с девушкой. Я подумал, что это намек.

Теперь смеются все. Даже я.

– Это же было года три назад! И ты все это время считал меня геем?

Корбин по-прежнему в замешательстве.

– Но... – мямлит он.

Слезы. Майлз так громко смеется, что на глазах у него выступили слезы.

Это прекрасно.

Бедный Корбин. Он явно сконфужен. Однако мне нравится, что Майлз находит происходящее забавным. Нравится, что он не смущен.

– Три года? – переспрашивает папа, озадаченный той же мыслью, что и я.

– Три года назад он сказал, что уже три года не был с девушкой, – поясняет Корбин и наконец-то хохочет вместе со всеми. – Значит, теперь уже все шесть.

Все постепенно перестают хохотать, и вот теперь Майлз действительно выглядит смущенным.

Я думаю о нашем поцелуе в ванной. Не может быть, чтобы у Майлза шесть лет не было девушки. Мужчина с таким властным ртом наверняка часто пускает его в дело.

Мне не хочется об этом думать. Не хочется, чтобы об этом думали мои родные.

– У тебя опять кровь, – говорю я, глядя на перевязанную руку Майлза. Затем обращаюсь к маме. – Есть у нас медицинский клей?

– Нет, я этой штуки побаиваюсь.

Снова поворачиваюсь к Майлзу.

– После еды я осматрю твою рану.

Он кивает, даже не глядя в мою сторону. Мама закидывает меня вопросами о работе, и Майлз больше не в центре внимания. Кажется, он этому рад.

* * *

Выключаю свет и забираюсь в постель, совершенно сбита с толку. После ужина мы больше не разговаривали, хотя я потратила целых десять минут, чтобы сменить Майлзу повязку. Все это время мы не обмолвились ни словечком. Наши ноги не соприкасались. Его палец не задевал мое колено. Меня саму Майлз не удостоил и взглядом – он так сосредоточился на своей руке, будто боялся: отвернись он, и она отвалится.

Не знаю, что и думать. Майлза определенно влечет ко мне, иначе он не поцеловал бы меня. Как ни печально, мне и этого достаточно. Неважно, нравлюсь я Майлзу или нет. Главное, его тянет ко мне, а остальное приложится.

В пятый раз пробую уснуть, но тщетно. Переворачиваюсь на бок и замечаю тень чьих-то ног снаружи у моей комнаты. Жду, что дверь откроется, однако тень исчезает и шаги постепенно стихают. Я почти уверена: это Майлз. Просто потому, что ни о ком другом я сейчас и думать не могу. Делаю несколько медленных вдохов и выдохов – надо успокоиться и решить, пойти за ним или нет. Дохожу только до третьего и выскакиваю из постели.

Раздумываю, не почистить ли зубы, хотя уже сделала это всего минут двадцать назад. Поправляю волосы перед зеркалом и как можно тише крадусь на кухню.

Заворачиваю за угол и вижу его. Стоит спиной к столу и лицом ко мне. Точно ждал моего появления.

Вот незадача...

Делаю вид, что мы оба оказались здесь по чистой случайности, хотя на часах уже полночь.

– Не можешь заснуть?

Миную Майлза и подхожу к холодильнику, достаю бутылку апельсинового сока, наливаю его в стакан. Затем встаю напротив. Майлз внимательно смотрит на меня, но мой вопрос остается без ответа.

– Ты что, ходишь во сне?

Он улыбается и оглядывает меня с ног до головы, впитывая каждую деталь, словно губка.

– А ты, похоже, любишь апельсиновый сок, – с легким смешком произносит он.

Майлз указывает на мой сок, и я протягиваю ему стакан. Он подносит его к губам, делает медленный глоток и возвращает. Все это, не отрывая от меня глаз.

Что же, теперь я точно люблю апельсиновый сок...

– Я тоже его люблю, – говорит Майлз, не дождавшись ответа.

Я ставлю стакан рядом, подтягиваюсь и сажусь на стол. Делаю вид, будто Майлз не занимает все мои мысли, хотя на самом деле он везде. Заполнил собой всю кухню.

Весь дом.

Как-то слишком тихо, поэтому я заговариваю:

– У тебя правда шесть лет не было девушки?

Майлз тут же кивает, и я одновременно поражена и довольна его ответом. Не знаю, чему я так рада. Наверное, тому, что его жизнь совсем не похожа на ту, которая мне представлялась.

– Ого... Но ты по крайней мере?..

Не знаю, как завершить фразу.

– ...занимался сексом? – заканчивает он за меня.

Хорошо, что горит только лампочка над плитой, потому что щеки у меня ярко вспыхивают румянцем.

– Не все хотят от жизни одного и того же, – произносит Майлз.

Голос у него мягкий, как пуховое одеяло, в которое так и хочется завернуться.

– Все хотят любви, – возражаю я. – Или хотя бы секса. Люди так устроены.

Поверить не могу, что мы беседуем на такую тему...

Ноги и руки у Майлза скрещены. Я уже поняла – это его способ облечься в броню. Опять возводит между нами невидимую преграду.

– Большинство не способно дарить первое без второго и наоборот, – отвечает Майлз. – Так что мне проще отказаться и от того, и от другого.

Он изучает меня, хочет разгадать мою реакцию. Я стараюсь себя не выдать.

– Чего же именно ты не хочешь, Майлз? – Мой голос звучит совсем слабо. – Любви или секса?

Выражение его лица не изменилось, однако губы тронула едва заметная улыбка.

– Думаю, Тейт, ты и сама знаешь.

Ох...

Не важно, догадался ли он, как действуют на меня его слова, или нет. Интонация, с которой он произнес мое имя, повергла меня в такое же смятение, как и недавний поцелуй. Я закидываю ногу на ногу. Надеюсь, он еще не понял – это мой способ выставить защитный барьер.

Взгляд Майлза опускается на мои ноги, он чуть слышно втягивает ртом воздух.

Шесть лет... Невероятно...

Вслед за ним я тоже опускаю взгляд – у меня есть еще один вопрос, но задать его глаза в глаза я не решаюсь:

– Сколько же прошло времени с тех пор, как ты последний раз целовался?

– Восемь часов.

Он широко улыбается, поскольку отлично понял, что именно я имела в виду. Затем чуть слышно добавляет:

– Столько же. Шесть лет.

Не знаю, что творится со мной, но что-то изменилось.

Когда я осознала, что значил тот поцелуй на самом деле, во мне что-то растаяло. Нечто холодное, твердое, облаченное в броню – обратилось в воду. Я вся обратилась в воду, а вода ведь не может встать и уйти. И я остаюсь.

– Серьезно? – недоверчиво переспрашиваю я.

Кажется, теперь покраснел Майлз.

Я озадачена. Не пойму, как могла настолько в нем ошибиться. Как вообще возможно то, о чем он говорит? Майлз красивый. У него престижная работа. Он умеет целоваться, почему же не целуется?

– Что же с тобой не так? У тебя что, какое-то заболевание?

Дает себя знать медицинское образование. Подобные темы для меня не табу.

– Чист как младенец, – смеется Майлз.

– Если ты шесть лет ни с кем не целовался, почему поцеловал меня? Мне казалось, я тебе не особо нравлюсь. Тебя нелегко понять.

Майлз не интересуется, с чего это я взяла, будто ему не нравлюсь.

Если даже мне очевидно – раз Майлз ведет себя со мной не так, как с другими, значит, это не без причины.

– Дело не в том, что ты мне не нравишься. – С тяжелым вздохом Майлз проводит руками по волосам и сцепляет на затылке пальцы. – Просто я не хочу, чтобы ты мне нравилась. Чтобы мне вообще кто-либо нравился. Не хочу ни с кем встречаться. Не хочу никого любить. Меня просто...

Он снова скрещивает руки на груди и смотрит в пол.

– Просто что? – спрашиваю я, чтобы он закончил фразу.

Майлз медленно поднимает голову. Как бы не упасть со стола, потому что он съедает меня глазами, точно праздничный ужин.

– Меня влечет к тебе, Тейт, – тихо произносит он. – Я хочу тебя, но не хочу всего остального.

Мысли испарились.

Мозг – вода.

Сердце – масло.

Только говорить я еще могу, потому только вздыхаю.

Жду немного, пока не вернется способность думать, и усиленно размышляю.

Майлз признался, что не прочь заняться со мной сексом – просто не хочет серьезных отношений. Не ясно, почему это мне льстит. Стукнуть бы его надо, по-хорошему. Но он же

целых шесть лет не целовался, а меня вот – поцеловал. И это его признание – как Пулитцеровская премия, такое у меня чувство.

Мы опять смотрим друг на друга. Кажется, Майлз немного нервничает. Наверняка решил, что обидел меня. Не хочу, чтобы он так думал, ведь я готова во весь голос кричать: «Победа!»

Понятия не имею, что сказать. С тех пор как мы познакомились, все время ведем какие-то странные и неловкие беседы, и эта среди них на первом месте.

– Ну и темы мы с тобой выбираем! – говорю я наконец.

Майлз облегченно смеется.

– Да уж!

Фраза «да уж» звучит прекрасно, когда исходит из его уст. Наверное, в исполнении Майлза любые слова прекрасны. Пробую вспомнить слово, которое мне не нравится. Пожалуй, «бык». Какое-то оно противное. Слишком короткое, точно обрубленное.

– Скажи «бык».

Майлз выгибает одну бровь, – правильно ли он расслышал.

Я кажусь ему странной, но мне все равно.

– Просто скажи.

– Бык, – произносит он, помедлив.

Обожаю слово «бык». Теперь это оно мое любимое.

– Ты такая странная... – говорит он с улыбкой.

Я больше не скрещиваю ноги, возвращаюсь в прежнюю позу. Майлз это видит.

– Итак, Майлз, давай убедимся, что я поняла правильно. Шесть лет без секса. Восемь часов без поцелуев. Нет – серьезным отношениям. Нет – любви. Но ты – мужчина, а у вас есть определенные потребности.

Майлз внимательно смотрит на меня.

– Продолжай, – говорит он с неумышленно сексуальной усмешкой.

– Ты даже не думал испытывать ко мне влечение, однако испытываешь. Мечтаешь заняться со мной сексом, при этом серьезные отношения тебе не нужны. Ты не хочешь любить меня. И не хочешь, чтобы я тебя любила.

Я его забавляю – он по-прежнему улыбается.

– Не знал, что меня так легко раскусить.

Вовсе нет – поверь мне!

– Если мы на это пойдем, лучше не спешить, – игриво говорю я. – Не хочу втягивать тебя во что-то, к чему ты пока не готов. Ты же все равно что девственник!

Майлз перестает усмехаться и делает три рассчитанно медленных шага в мою сторону. Я тоже перестаю улыбаться – вид у него почти угрожающий. Он упирается руками о столешницу по бокам от меня, склоняется и почти касается лицом моей шеи.

– Шесть лет, Тейт. Поверь... я более чем готов.

Теперь это мои любимые слова. «Шесть», «лет», «Тейт», «поверь», «я», «более», «чем» и «готов». Самые любимые. Все до единого.

Наверняка Майлз заметил, что я не дышу. Он возвращается на прежнее место и качает головой, словно не может осмыслить только что случившееся.

– Поверить не могу, что склоняю тебя к сексу. Какой мужик так поступает?

Я с трудом сглатываю.

– Да практически каждый.

Майлз смеется, однако я вижу: он чувствует себя виноватым. Думает, мне не выдержать. Возможно, он и прав, но сообщать ему об этом я не буду. Если Майлз решит, что мне не выдержать такого, то возьмет свои слова обратно. А если он заберет слова обратно, я больше никогда не испытаю такого поцелуя, как в ванной.

Я готова на все, лишь бы он еще раз меня поцеловал. Особенно если заполучу не просто поцелуй, а гораздо больше.

При этой мысли во рту становится сухо. Я беру стакан и потягиваю сок, все тщательно обдумывая.

Я нужна Майлзу для секса.

У меня давно не было секса, и, пожалуй, мне его недостает.

Меня определенно влечет к Майлзу. Если я и готова заняться с кем-нибудь случайным, ни к чему не обязывающим сексом, то только с моим соседом-пилотом, который так обольстительно сворачивает грязное белье.

Я ставлю стакан на стол, опираюсь на ладони и подаюсь вперед.

– Послушай, Майлз. Ты одинок. Я одинока. Ты слишком много работаешь, а я вся в учебе, и это почти нездорово. Даже если бы мы захотели построить друг с другом отношения, у нас ничего бы не вышло. Серьезные отношения в нашу жизнь не вписываются. Мы не приятели, значит, можно не бояться, что мы разрушим нашу дружбу. Хочешь секса? Я тебе его обеспечу. И много.

Майлз смотрит на мои губы так, словно все мои слова только что стали его любимыми.

– Много? – переспрашивает он.

– Да, много.

Майлз пристально смотрит мне в глаза.

– Ладно, – говорит он так, будто хочет бросить мне вызов. – Хорошо.

Нас все еще разделяет несколько шагов. Я только что сказала этому парню, что готова на секс без обязательств, однако он по-прежнему там, а я – здесь. Я определенно в нем заблуждалась. Майлз нервничает еще больше моего, хотя и по другой причине.

Он не хочет, чтобы это переросло в нечто большее.

А я не уверена, что смогу просто заниматься с ним сексом. Судя по тому, как меня к нему тянет, секс будет наименьшей из наших проблем. Однако я сижу и делаю вид, будто готова на «просто секс». Может, если начать с малого, это, в конце концов, приведет к чему-то большему?

– Ну, прямо сейчас это сделать мы все равно не можем, – говорит Майлз.

Вот черт...

– Почему?

– Единственный презерватив, который у меня был, давно рассыпался в прах.

Я смеюсь. Мне нравится его самоирония.

– Но я хотел бы еще раз тебя поцеловать, – улыбается Майлз с надеждой во взгляде.

По правде говоря, я удивлена, что он до сих пор этого не сделал.

– С удовольствием.

Майлз медленно приближается, пока не подходит вплотную. Взглядом как бы спрашивает – не передумаю ли я? Нет, не передумаю. Вполне возможно, мне этого хочется еще больше, чем ему.

Майлз погружает руки в мои волосы, гладит меня большими пальцами по щекам. Прерывисто вдыхает, глядя на мои губы.

– Рядом с тобой так трудно дышать...

Он оканчивает фразу поцелуем. Все во мне, что еще не растаяло от его присутствия, превращается в воду. Пробую вспомнить, когда мужские губы приносили мне столько наслаждения. Язык Майлза проводит по моим губам и проскальзывает внутрь, пробуя меня на вкус, заполняя меня, овладевая мной.

О боже...

Люблю.

Этот.

Рот.

Я склоняю голову набок, чтобы лучше распробовать губы Майлза на вкус. Майлз тоже наклоняется, чтобы лучше распробовать меня. У его языка отличная память – он прекрасно помнит, что нужно делать. Майлз кладет пораненную руку мне на колено, здоровой придерживает меня за затылок, а наши губы впадают друг в друга. Мои руки больше не держат Майлза за рубашку, они исследуют его плечи, спину, шею, волосы...

Я издаю слабый стон. Майлз подтягивает меня к краю стола и прижимает к себе.

– М-да, ты определенно не голубой, – произносит кто-то позади нас.

Господи...

Папа.

Папа!..

Черт...

Майлз отстраняется.

Я спрыгиваю со стола.

Невозмутимо, словно каждую ночь застает своих гостей за тем, что они лапают его дочь, папа шествует к холодильнику. Поворачивается к нам, медленно отпивает из бутылки с водой. Потом закручивает крышку, ставит бутылку в холодильник. Захлопывает дверцу и проходит между мной и Майлзом, делая расстояние между нами еще больше.

– Тейт, иди спать, – произносит он, прежде чем удалиться.

Я прикрываю рот рукой. Майлз прячет лицо в ладони. Мы оба совершенно сконфужены – он еще больше моего.

– Лучше и правда лечь, – говорит Майлз.

Согласна.

Мы выходим из кухни, даже не касаясь друг друга. Когда добираемся до двери моей спальни, я останавливаюсь.

Майлз тоже. Кидает быстрый взгляд налево, затем направо, – одни ли мы. Затем срывает с моих губ еще один поцелуй. Я прислоняюсь к двери, но Майлз каким-то чудом находит в себе силы от меня оторваться.

– Уверена, что не пожалеешь? – спрашивает он, ища в моих глазах признаки сомнения.

Не знаю, пожалею ли, нет. Мне хорошо, мне нравится его вкус, я хочу быть с ним больше всего на свете.

Правда, непонятно, почему же целых шесть лет он соблюдал воздержание.

– Ты чересчур беспокоишься, – говорю я, заставляя себя улыбнуться. – Тебе будет проще, если мы установим правила?

Майлз молча разглядывает меня, затем отступает.

– Возможно. Прямо сейчас мне в голову приходят только два.

– Какие же?

Он смотрит на меня в упор и твердо произносит:

– Не спрашивай о прошлом и не рассчитывай на будущее.

Оба правила мне совсем не по душе. Внезапно хочется одуматься и сбежать, но вместо этого я киваю, потому что согласна на все. Рядом с ним я больше не Тейт. Я вода, а жидкость не способна проявить твердость. Вода просто течет. Именно этого я и желаю – просто плыть с ним по течению.

– А у меня только одно правило, – тихо выговариваю я.

Майлз ждет, но в голову ничего не приходит. У меня нет правил. Почему у меня их нет?.. Он ждет.

– Я еще не придумала, но когда решу, ты должен будешь ему следовать.

Майлз смеется. Целует меня в лоб и идет к себе в комнату. На пороге быстро оборачивается, прежде чем исчезнуть за дверью.

Не уверена, но, по-моему, на его лице написан испуг. Хотелось бы знать, чего он боится, сама-то я точно знаю, чего страшусь.

Боюсь, все это плохо кончится.

Глава десятая

Майлз

Шестью годами раньше

Иэн знает.

Пришлось ему сознаться. Уже через неделю он был в курсе, что все в этом мире превратилось для меня в Рейчел.

Рейчел знает, что Иэн в курсе.

Рейчел знает, что он никому не скажет.

Когда Рейчел переезжает к нам, отдаю ей свою комнату. Сам перебираюсь в спальню для гостей. Отдельная ванная есть только в моей комнате, а я хочу, чтобы у Рейчел было все самое лучшее.

– Куда поставить эту коробку?

– Что в ней? – спрашивает Рейчел.

Иэн говорит – в ней трусики и лифчики.

– Может, сразу в комнату Майлза?

В ответ Рейчел закатывает глаза.

– Тс-тс! – шепчет она.

Иэн смеется.

Иэну приятно, что ему доверили такую большую тайну. Именно поэтому он никому и не скажет: понимает, в чем сила секретов.

Все вещи разгружены, Иэн уходит домой.

Папа видит меня в коридоре и останавливается. Значит, и я должен остановиться.

– Спасибо, Майлз.

Папа думает, я не против. Не возражаю, что он позволил чужой женщине вытеснить из дома последние воспоминания о маме.

Однако я лишь притворяюсь, что согласен. На самом деле это вообще не имеет значения.

Рейчел – вот что важно. А не папа.

– Не за что, – говорю я.

Папа идет дальше, но опять останавливается. Благодарит за то, что я мил с Рейчел. Жаль, что они с мамой не смогли подарить мне сестренку, когда я был младше. Из меня бы вышел прекрасный брат.

Слова отвратительны, когда исходят из его рта.

Я захожу в комнату к Рейчел и закрываю за собой дверь.

Теперь мы одни.

Мы оба улыбаемся.

Я обнимаю Рейчел, целую в шею. Прошло три недели с тех пор, как я впервые ее поцеловал.

Можно пересчитать по пальцам, сколько раз я целовал ее с тех пор. В школе нельзя. На людях нельзя. При родителях нельзя. Я могу прикасаться к ней, только когда мы одни, а за последние три недели мы одни почти не бывали.

Ну а теперь?..

Теперь я ее целую.

– Нужно ввести кое-какие правила, чтобы не попасть в беду, – говорит Рейчел.

Она садится за мой стол. Сам я опускаюсь на свою кровать.

Вернее, она садится за свой стол, а я опускаюсь на ее кровать.

– Во-первых, не обниматься, когда родители дома. Слишком рискованно.

Я согласен.

– Во-вторых, никакого секса.

На этот раз я не согласен.

– Никогда-никогда? – удивляюсь я.

Рейчел кивает. О, как же я ненавижу этот кивок...

– Почему?

– Так будет гораздо труднее расстаться, когда наше время истечет. Сам знаешь.

Рейчел права и в то же время глубоко ошибается. Думаю, она вскоре сама это поймет.

– Можно узнать, каково третье правило, прежде чем соглашусь на второе?

Рейчел широко улыбается.

– Третьего правила нет.

Я тоже улыбаюсь.

– Значит, под запретом только секс? Мы ведь говорим о проникновении, да? Не об оральном сексе?

Она прячет лицо в ладони.

– Боже, неужели обязательно вдаваться в такие подробности?!

Смущение так ей идет.

– Просто уточнил. Я столько всего хочу с тобой сделать, а у меня на это всего шесть месяцев.

– Давай действовать по ситуации.

– Ладно, – отвечаю я, любуясь ее жарким румянцем. – Рейчел, ты девственница?

Она вспыхивает еще сильнее и говорит, что нет. А разве это имеет для меня значение? Ни малейшего.

Она робко спрашивает, девственник ли я.

– Нет, но теперь, когда мы встретились, мне жаль, что это не так.

Ей нравится мой ответ.

Я поднимаюсь с кровати – надо успеть обставить свою новую комнату. Однако, прежде чем уйти, я запираю дверь изнутри и с улыбкой поворачиваюсь к Рейчел.

Медленно подхожу, беру ее за руки, притягиваю к себе...

И целую.

Глава одиннадцатая

Тейт

- Мне нужно пописать.
- Опять?! – стонет Корбин.
- Прошло уже два часа! – с вызовом отвечаю я.

На самом деле мне не нужно в туалет – просто хочу вырваться из машины. После вчерашнего разговора с Майлзом атмосфера в ней совсем другая. Его словно стало больше, и чем дольше он молчит, тем сильнее меня терзает вопрос, что у него на уме. Вдруг он жалеет о том разговоре? Вдруг сделает вид, что и не было ничего?

А вот кто уж точно не станет притворяться, будто ничего не было, так это папа. Утром, когда мы с ним сидели за столом, в кухню вошел Майлз.

- Хорошо спалось? – поинтересовался папа.
- Я думала, Майлз смутится, но он лишь покачал головой.
- Не очень. Ваш сын разговаривает во сне.

Папа поднял стакан и наклонил его в сторону Майлза.

- Рад слышать, что прошлую ночь вы провели в комнате Корбина.

К счастью, брата на кухне не было. До конца завтрака Майлз больше не сказал ни слова, и лишь перед самым отъездом, когда мы с Корбином уже сидели в машине, он подошел к отцу, пожал ему руку и что-то негромко произнес. Я попыталась прочесть что-нибудь по выражению папиного лица, но оно осталось непроницаемым. Папа умеет скрывать свои мысли не хуже Майлза.

Хотелось бы знать, что же такое сказал ему Майлз.

Еще хотелось бы узнать ответы на добрый десяток вопросов о самом Майлзе.

В детстве мы с Корбином думали, что из всех возможных сверхспособностей выбрали бы умение летать.

А теперь, познакомившись с Майлзом, я предпочла бы телепатию.

Я бы забралась к нему в голову, чтобы увидеть все его мысли.

Проникла бы к нему в сердце и захватила его, словно вирус.

А звалась бы я Проникающая.

Да, хорошо звучит.

- Иди писай, – с раздражением бросает Корбин, останавливая машину.

Жаль, что я уже не школьница, иначе непременно назвала бы его козлом.

Взрослые женщины братьев козлами не обзывают.

Я выхожу из машины. Дышать стало немного легче, но вслед за мной наружу выбирается Майлз. Теперь он кажется еще больше, а мои легкие – еще меньше. Мы вместе идем к заправочной станции, оба и рта не раскрываем.

Забавно. Иногда молчание способно выразить больше любых слов.

Мое молчание значит:

«Я не знаю, как с тобой общаться. Не знаю, о чем ты думаешь. Поговори со мной. Расскажи обо всем, что когда-либо произносил – начиная с самого первого слова».

Интересно, а что значит его молчание?

Когда входим в здание, Майлз первым видит указатель с надписью «Туалет» и направляется в ту сторону. Он прокладывает путь, а я следую за ним, потому что он – твердое, а я – жидкое, кильватерная струя за кораблем.

Майлз тут же исчезает за дверью мужского туалета, не останавливаясь и даже не взглянув на меня – не дожидаясь, пока я войду в женский. Я проскальзываю в дверь, но писать не

хочется. Я просто хотела вздохнуть полной грудью, а Майлз мне не дает. Он вторгается. Вряд ли нарочно, но он внедряется в мои мысли, в живот, в легкие – в мой мир.

Такова его сверхспособность. Вторжение.

Вторженец и Проникающая. Практически одно и то же. Из нас вышла бы неплохая чокнутая парочка.

Я мою руки. Тяну время, дабы Корбин убедился, что не зря сделал остановку. Потом распахиваю дверь и вижу перед собой Майлза. Он опять вторгается. Стоит в дверном проеме, через который я хочу пройти.

Майлз не двигается. Я не против, поэтому не возражаю.

– Пить хочешь? – интересуется он.

– Нет, в автомобиле есть вода.

– А перекусить?

Тоже нет. Кажется, Майлз немного разочарован. Может, не хочет возвращаться в машину?

– А вот от леденцов я бы не отказалась.

На лице Майлза – одна из редких и столь дорогих мне улыбок.

– Тогда куплю тебе леденцов.

Он подходит к прилавку с конфетами. Я стою рядом и изучаю ассортимент. Мы долго глазеем на разные вкусности. На самом деле не хочу я никаких сладостей, но мы продолжаем делать вид, будто они действительно нам нужны.

– Все это как-то странно... – шепчу я.

– Что именно? Выбирать конфеты? Или изображать, что мы оба не мечтаем сейчас оказаться на заднем сиденье?

Ух ты... Похоже, мне таки удалось проникнуть в его мысли.

Едва он произнес эти слова, как настроение у меня поднялось.

– И то и другое, – ровным голосом выговариваю и оборачиваюсь к нему. – Ты куришь?

Майлз опять глядит на меня так, будто хочет сказать: «Какая же ты странная!»

Мне все равно.

– Нет, – небрежно отвечает он.

– Помнишь леденцы в виде сигарет, которые продавались в нашем детстве?

– Помню. Довольно гнусная штука, если задуматься.

– Мы с Корбином все время их сосали. В жизни не позволила бы своему ребенку покупать нечто подобное.

– Вряд ли их все еще производят.

Мы поворачиваемся к прилавку.

– А ты? – спрашивает Майлз.

– Что я?

– Куришь?

– Нет.

Смотрим на конфеты еще немного. Наконец Майлз поворачивается ко мне.

– Ты правда хочешь леденцов?

– Не-а.

Он смеется.

– Тогда вернемся лучше в машину.

Я соглашаюсь, но ни он, ни я не двигаемся с места.

Майлз дотрагивается до моей руки – так бережно, словно он сделан из раскаленной лавы, а я – нет. Берет меня за два пальца и легонько ведет за собой.

– погоди, – говорю я и тоже слегка тяну его за руку. – Что ты сказал отцу перед отъездом?

Он стискивает мою ладонь, но выражение его лица остается прежним.

– Извинился.

Майлз разворачивается к выходу, и на этот раз я следую за ним. Он держит меня за руку почти до самой двери наружу.

А когда выпускает ее, я вновь превращаюсь в пар.

Следую за ним к машине. Главное, не уверовать, будто я на самом деле способна проникать в чужие мысли. Напоминаю себе, что Майлз сделан из брони.

Он непроницаем.

Не знаю, смогу ли я, Майлз. Смогу ли соблюдать правило номер два, потому что я хочу проникнуть в твое будущее еще сильнее, чем забраться с тобой на заднее сиденье.

– Большая очередь, – говорит Майлз брату, когда мы садимся в машину.

Корбин заводит двигатель и переключает радиостанцию. Ему все равно, какая была очередь. Он ни о чем не догадывается, иначе точно сказал бы что-нибудь. Да и не о чем пока догадываться.

Проходит минут пятнадцать, прежде чем я осознаю, что не думаю о Майлзе. Все это время я была погружена в воспоминания.

– Помнишь, как в детстве мы мечтали о сверхспособностях?

– Помню, – отвечает Корбин.

– Ты обрел свою – научился летать.

Корбин улыбается мне в зеркале заднего вида.

– Ну да. Похоже, я супергерой.

Я откидываюсь и смотрю в окно. Немного завидую им с Майлзом. Они столько всего видели. Много где побывали.

– Каково это – любоваться восходом на такой высоте?

Корбин пожимает плечами.

– Да я не особо люблюсь. Слишком поглощен работой.

Мне становится грустно от этих слов. Не надо воспринимать это как должное, Корбин...

– А я люблюсь, – говорит Майлз. Он тоже глядит в окно, и его голос звучит так тихо, что я едва различаю слова. – Каждый раз, как поднимаюсь в воздух.

Майлз не рассказывает, каково это. Голос у него далекий, словно он хочет сохранить это ощущение для себя одного. Я не настаиваю.

– Летая, вы обходите законы вселенной. Преодолеваете силу тяготения. Смотрите на закаты и восходы оттуда, откуда человеку не положено их видеть. Это удивительно. Вы и правда супергерои, если задуматься.

Корбин смеется.

Не надо воспринимать это как должное, Корбин...

Майлз не смеется. Продолжает глядеть в окно.

– Ты спасаешь людям жизнь, – говорит он. – Это еще удивительнее.

Его слова проникают мне в самое сердце.

Правило номер два выглядит сейчас не лучшим образом.

Глава двенадцатая

Майлз

Шестью годами ранее

В правило номер один – не обниматься, когда родители дома, – внесена поправка.

Теперь обниматься можно, но только за закрытой дверью.

Правило номер два, к сожалению, осталось без изменений. Никакого секса.

А недавно было введено еще и правило номер три: не бегать друг к другу с наступлением темноты. Бывает, что Лиса до сих пор заглядывает к Рейчел среди ночи. Все правильно – она мать.

Но мне все равно это не нравится.

Мы прожили в одном доме почти месяц. Мы не говорим о том, что нам осталось чуть больше пяти. Не говорим о том, что будет, когда мой отец женится на ее матери. О том, что после их свадьбы мы окажемся связаны не на полгода, а на гораздо больший срок.

Праздники.

Выходные.

Семейные встречи.

Нам обоим придется посещать каждое важное событие, и мы будем присутствовать на них как родственники.

Мы это не обсуждаем, ибо чувствуем: то, что мы делаем, нехорошо.

А еще потому, что трудно говорить об этом. Когда я думаю о том дне, когда Рейчел уедет в Мичиган, а я останусь в Сан-Франциско, я не вижу впереди ничего. Ничего, кроме одного: Рейчел уже не будет для меня всем.

– Вернемся в воскресенье, – сообщает папа. – Дом в полном твоём распоряжении. Рейчел будет у подружки, так что можешь пригласить Иэна.

– Уже, – вру я.

Рейчел тоже соврала: она остается дома на все выходные. Мы не хотим давать родителям повода для подозрений. Мне и так тяжело не обращать на нее внимания в их присутствии. Трудно изображать, будто между нами ничего нет, хотя на самом деле мне хочется улыбаться всему, что она говорит. Восхищаться всем, что она делает. Хвастать перед папой ее умом, отметками, добротой, находчивостью. Сказать ему, что у меня потрясающая девушка, я непременно их познакомлю и он сразу ее полюбит.

Папа уже ее любит – просто не так, как мне хотелось бы.

Я бы предпочел, чтобы он любил ее ради меня.

Мы прощаемся с родителями. Лиса велит Рейчел вести себя хорошо. На самом деле она за нее спокойна. Лиса знает: Рейчел – послушная девочка. Рейчел всегда ведет себя хорошо. Рейчел не нарушает правил.

Если не считать правила номер три. В эти выходные Рейчел обязательно нарушит правило номер три.

Мы играем в семью. Рейчел делает вид, будто кухня принадлежит нам, и готовит для меня. Я делаю вид, будто Рейчел принадлежит мне: хожу за ней по пятам, прикасаюсь, целую в шею. Постоянно отвлекаю от готовки, чтобы прижать к себе. Ей приятно, хоть она и прикидывается недовольной.

После еды Рейчел садится рядом со мной на диван. Мы включаем фильм, но на экран не смотрим. Все время целуемся и никак не можем остановиться. Целуемся так долго, что губы болят, руки болят, животы болят, потому что нашим телам отчаянно хочется нарушить правило номер два.

Похоже, выходные будут длинными.

Мне срочно надо в душ, иначе придется умолять об отмене второго правила.

Я принимаю душ в ванной у Рейчел. Мне нравится эта ванная. Гораздо больше, чем когда она принадлежала только мне. Приятно, что повсюду вещи Рейчел. Приятно смотреть на бритву и представлять, как выглядит Рейчел, когда ею пользуется. Разглядывать бутылочки с шампунями и воображать, как она стоит под струей воды, запрокинув голову, и смывает пену с волос.

Я рад, что моя ванная теперь и ее тоже.

– Майлз...

Рейчел стучится, хотя уже вошла. Вода горячая, но от ее голоса она становится еще горячее. Я отодвигаю штору. Возможно, слишком резко – в надежде, что Рейчел захочет нарушить правило номер два.

Она делает медленный вдох и смотрит именно туда, куда я и рассчитывал.

– Рейчел, – говорю я. Ее смущение вызывает у меня улыбку.

Рейчел заглядывает мне в глаза.

Ей хочется принять душ вместе со мной – она просто стесняется об этом сказать.

– Присоединяйся.

Голос у меня делается хриплым, как от крика.

А ведь еще пять секунд назад звучал нормально.

Я задерживаю штору, чтобы Рейчел не видела, как ее присутствие на меня действует. А еще чтобы она могла спокойно раздеться. Я не видел Рейчел без одежды, но мои руки уже знают, что под ней скрывается.

Внезапно я начинаю нервничать.

Рейчел гасит свет.

– Ничего? – робко спрашивает она.

Говорю, что ничего, а сам хочу, чтобы она вела себя раскованней. Нужно помочь ей раскрепоститься.

Рейчел отодвигает штору. Я вижу ее ногу и нервно сглатываю, когда вслед за ножкой появляется и все остальное.

К счастью, ночник отбрасывает достаточно света, чтобы я мог ее всю разглядеть.

Я вижу хорошо. Вижу прекрасно.

Рейчел вновь смотрит мне в глаза и придвигается ближе. Интересно, она уже принимала когда-нибудь душ вместе с парнем? Но я не спрашиваю – просто делаю шаг ей навстречу. Кажется, ей страшно. А я не хочу, чтобы ей было страшно.

Мне самому страшно...

Я аккуратно беру Рейчел за плечи и завожу под струю воды. Не прижимаюсь к ней, хотя отчаянно этого хочу. Держу дистанцию.

Так надо.

Соприкасаются только наши рты. Я нежно целую Рейчел, едва дотрагиваясь до ее губ, но мне больно. Гораздо больнее, чем от всех прочих поцелуев. Поцелуев, во время которых наши губы вжаты друг в друга, а зубы бьются о зубы. Неистовых поцелуев – поспешных до неряшливости. Поцелуев, которые всегда заканчиваются тем, что я прикусываю ей губу или она мне.

Ни один из тех поцелуев не причинял столько боли, сколько этот, и я не могу понять почему.

Приходится отстраниться. Попросить Рейчел подождать немного. Она кивает и прижимается щекой к моей груди. Не открывая глаз, я прислоняюсь к стене и притягиваю к себе Рейчел.

Слова хотят проломить ту преграду, которую я выстроил. Каждый раз, когда я с Рейчел, они рвутся наружу, но я упрямо укрепляю окружающую их стену.

Рейчел не должна их услышать.

Я не должен их произносить.

Однако слова пробивать барьер. Они рвутся наружу так сильно, что все наши поцелуи кончаются одинаково: я прошу Рейчел подождать немного, и она послушно ждет. Но сейчас они вырываются настойчивее обычного.

Им нужен воздух. Они требуют, чтобы их услышали.

Рано или поздно стена рухнет.

Рано или поздно слова хлынут через край, просочатся сквозь щели, поднимутся в моей груди, и я прижму ладони к ее щекам, загляну ей в глаза и позволю им смести все преграды, стоящие между неизбежной болью и нами.

И они вырываются наружу...

– Я ничего не вижу.

Рейчел не понимает, что я имею в виду. Я не хочу объяснять, но остановиться не могу. Я уже не властен над своими словами.

– Когда ты уедешь в Мичиган, а я – в Сан-Франциско... дальше этого я ничего не вижу. Раньше я видел все что хотел, любое будущее, а теперь – ничего.

Я целую слезу, которая катится по ее щеке.

– Мне этого не вынести. Ты – единственное, что я хочу знать. Без тебя ничто не стоит усилий. Рядом с тобой все становится прекраснее. Абсолютно все.

Я страстно целую Рейчел, и теперь, когда слова наконец-то вырвались на свободу, поцелуй больше не приносит мне боли.

– Я люблю тебя, – говорю я, окончательно освобождаясь от гнета.

Я снова целую Рейчел – даже не даю ей ответить. Не хочу, чтобы она отвечала, пока сама не будет готова. А еще – не хочу услышать, что я не должен ее любить.

Рейчел притягивает меня ближе. Ее ноги обвиваются вокруг моих, как будто она хочет в меня врасти.

Уже выросла.

Мы целуемся неистово, нетерпеливо, ударяясь зубами, прикусывая губы, тяжело дыша и неистово лаская друг друга.

Рейчел стонет и хочет высвободиться, но я держу ее за затылок и с безумной силой припадаю к ее губам, надеясь, что она никогда не отстранится.

Рейчел отталкивает меня.

Я прислоняюсь лбом к ее лбу. Пробую отдышаться и не позволить эмоциям хлынуть через край.

– Майлз, – произносит Рейчел. – Майлз, я люблю тебя. Мне так страшно... Не хочу, чтобы все кончилось.

Ты любишь меня, Рейчел...

Я заглядываю ей в глаза.

Она плачет.

Я не хочу, чтобы Рейчел боялась. Обещаю, что все будет в порядке. Мы подождем, пока не окончим колледж, и тогда уже скажем родителям. Им волей-неволей придется это принять. Когда мы уедем из дома, все изменится. Все будет хорошо.

Мы справимся.

– Да, мы справимся, – повторяет она мои мысли.

Я снова прижимаюсь к ее лбу.

– Мы справимся, Рейчел.

– Я не расстанусь с тобой. Ни за что на свете.

Она обхватывает мое лицо руками и целует.

Ты влюбилась в меня, Рейчел...

Ее поцелуй снял с меня тяжкий груз, и мне чудится, что я парю, и она летит вместе со мной.

Я ставлю Рейчел спиной к стене.

Завожу ей руки за голову и прижимаю их к кафельной плитке.

Мы смотрим друг другу в глаза... и нарушаем правило номер два.

Глава тринадцатая

Тейт

– Спасибо, что убедил меня съездить с вами, – говорит Майлз Корбину. – Не считая порезанной руки и известия о том, что ты принимал меня за гея, я замечательно провел время.

Корбин смеется и отпирает дверь нашей квартиры.

– Я в этом не виноват. Ты никогда не говоришь о девушках, а последние годы секс в твою программу вообще не входит.

Корбин распахивает дверь и идет в свою комнату.

Я стою на пороге лицом к Майлзу.

Он смотрит на меня в упор. Вторгается в меня.

– Теперь секс входит в мою программу, – произносит он с улыбкой.

Программа – это я. Не желаю быть программой. Лучше быть планом. Картой. Хочу, чтобы Майлз нанес меня на карту своего будущего.

Но это противоречит правилу номер два.

Майлз заходит к себе и наклоном головы указывает на дверь спальни.

– После того как Корбин ляжет спать? – шепотом предлагает он.

Ладно, Майлз. Так и быть. Я буду твоей программой.

Я киваю и захлопываю дверь.

Принимаю душ, сбрываю лишнее, чищу зубы, мурлычу себе под нос, наношу косметики ровно столько, чтобы не было заметно, что я делала макияж. Укладываю волосы так, чтобы не было заметно, что я к ним вообще притрагивалась. Одеваюсь в то же самое, чтобы казалось, будто я вообще не меняла одежду. Хотя нижнее белье переодеваю, чтобы лифчик с трусиками были одного цвета. И меня сразу охватывает волнение: сегодня вечером Майлз увидит меня в белье.

Будет к нему прикасаться.

Возможно, даже снимет – если это входит в программу.

Пищит телефон. Я вздрагиваю от неожиданности, потому что в одиннадцать вечера эсэмэски уж точно программа не предусматривает. Номер незнакомый. В сообщении сказано только:

«Он уже у себя?»

Я: «Откуда у тебя мой номер?»

Майлз: «Подсмотрел в телефоне у Корбина, пока мы ехали в машине».

Придурковатый голос у меня в голове поет: «Тра-ля-ля-ля, он украл мой номер!»

Боже, ну и ребенок же я...

Я: «Нет. Смотрит телик».

Майлз: «Хорошо. Мне нужно сбегать в магазин. Вернусь минут через двадцать. Оставлю дверь открытой на случай, если Корбин ляжет спать до моего возвращения».

В магазин? В одиннадцать вечера?..

Я: «До скорого».

Смотрю на свое последнее сообщение и морщусь. Слишком уж оно обыденное. Майлз может решить, что я постоянно занимаюсь чем-то подобным.

Он, наверное, думает, что каждый мой день проходит примерно так:

Случайный знакомый:

– Тейт, хочешь заняться сексом?

Я:

– Разумеется! Дай закончу с этими двумя – и сразу к тебе. Кстати, у меня нет никаких правил, так что со мной можно все.

Случайный знакомый:

– Отлично!

Проходит минут пятнадцать, прежде чем телевизор наконец смолкает.

Как только дверь в комнату Корбина захлопывается, я тут же распахиваю свою. Крадусь через гостиную, выскальзываю из квартиры и налетаю в коридоре на Майлза.

– Как нельзя более кстати, – заключает он.

В руке у Майлза пакет. Он перекладывает его в другую руку, чтобы не так бросался в глаза.

– Только после тебя, – говорит Майлз, придерживая дверь.

Нет, Майлз. Это я должна следовать за тобой. Так уж у нас повелось: ты твердый, я жидкая. Ты разрезаешь волны, а я – всего лишь след твоего корабля.

– Пить хочешь?

Майлз идет в кухню. Не уверена, что сумею пойти за ним на этот раз. Не знаю, как себя вести. Боюсь, он обнаружит, что мне раньше не доводилось выполнять правила номер один и два. Если прошлое и будущее под запретом, остается только настоящее, а я понятия не имею, что делать в настоящем.

В настоящем я прохожу в кухню.

– А что у тебя есть?

Майлз замечает, что я смотрю на пакет, который уже на столе, и сдвигает его подальше.

– Скажи, чего бы тебе хотелось. Посмотрим, есть ли это у меня.

– Апельсинового сока.

Майлз расплывается в улыбке и достает из пакета бутылку. То, что он это предусмотрел, говорит о его заботливости. А еще о том, как легко меня растрогать. Надо заявить ему: мое правило – «Перестань делать то, от чего мне хочется нарушить твои правила».

Я с улыбкой беру у него сок.

– А что еще у тебя в пакете?

– Всякие мелочи.

Он наблюдает за тем, как я откручиваю крышку и делаю глоток. Как закрываю бутылку и ставлю ее на стол. Однако он не настолько внимателен, чтобы предугадать мой рывок в сторону пакета.

Я хватаю его за секунду до того, как руки Майлза обвиваются вокруг моей талии.

– Тейт, поставь на место! – смеется он.

Заглядываю внутрь.

Презервативы.

Со смехом бросаю пакет на стол и поворачиваюсь к Майлзу. Его руки все еще у меня на талии.

– Хочется сказать что-нибудь неприличное или глупое, но ничего не приходит в голову. Так что просто сделай вид, будто я уже сказала, и засмейся.

Майлз не смеется, продолжает меня обнимать.

– Какая же ты странная...

– Мне все равно.

– Вообще вся эта история довольно странная.

Майлз называет происходящее странным. А мне нравится. Интересно, с его точки зрения, «странно» – это хорошо или плохо?

– Странно – это хорошо или плохо?

– И то и другое, – отвечает Майлз. – Ни то ни другое.

– Ты тоже странный.

– Мне все равно, – улыбается он.

Майлз медленно гладит меня по спине и плечам, затем по рукам, пока не сжимает мои ладони в своих.

– Как твоя рука? – спохватываюсь я и поднимаю ее к глазам.

– Нормально.

– Пожалуй, завтра я ее осмотрю.

– Завтра меня здесь не будет. Через несколько часов мне улетать.

В голове две мысли. Первая: «Как жаль, что ему скоро на работу!» Вторая: «Что я здесь делаю, если ему скоро на работу?»

– А разве тебе не нужно выспаться?

– Все равно не усну.

– Ты даже не пытался. Нельзя же управлять самолетом, не поспав!

– Первый перелет короткий. К тому же я второй пилот. Выплюсь в самолете.

Сон в программу не входит. Тейт – вот что сегодня в программе.

Тейт для него важнее сна.

Интересно, чего еще она важнее?

– Тогда... – шепчу я.

Мне нечего добавить к этому «тогда». Совсем нечего.

Молчание становится неловким.

– Тогда... – произносит он и переплетает свои пальцы с моими. Моим пальцам нравятся его пальцы.

– Хочешь, скажу, как давно у меня никого не было? – предлагаю я. – Раз уж мне известны о тебе такие интимные подробности.

Это по-честному, если вспомнить, что уже вся моя семья в курсе, что у Майлза давно нет девушки.

– Нет, не хочу, – просто говорит Майлз. – Зато хочу тебя поцеловать.

Хм... не уверена, как это воспринимать. Однако не собираюсь анализировать его «нет», если за ним следует подобное признание.

– Тогда целуй...

Он сжимает ладонями мои виски.

– Надеюсь, у тебя опять будет вкус апельсинового сока.

Раз, два, три, четыре, пять, шесть, семь, восемь. Я пересчитываю его слова и отыскиваю у себя в голове местечко, где можно навсегда их сохранить. Хочется спрятать их в ящичек и подписать: «Доставать и перечитывать, когда его дурацкое правило номер два станет моим печальным и одиноким настоящим».

Майлз захватил мой рот. Опять он вторгается. Я захопываю воображаемый ящичек и возвращаюсь к Майлзу.

Вторгайся в меня, вторгайся, вторгайся...

Должно быть, я и правда напоминаю апельсиновый сок. По крайней мере, Майлз ведет себя так, словно наслаждается моим вкусом. А я наслаждаюсь вкусом Майлза: лгну к нему, целую, делаю все возможное, чтобы проникнуть в него и заполнить одной лишь Тейт.

Майлз отстраняется, чтобы перевести дыхание.

– Я и забыл, как это прекрасно.

Он меня сравнивает. Мне не нравится, что он меня сравнивает с тем, с кем ему было так же хорошо.

– Хочешь кое-что узнать?

Хочу. Хочу узнать все, но почему-то выбираю именно этот момент, чтобы отомстить Майлзу за его «нет».

– Не-а.

Я снова целую его в губы. Он откликается не сразу – не может сообразить, как воспринимать происходящее – однако довольно быстро приходит в себя и отвечает на мой поцелуй.

Похоже, Майлзу не понравился мой ответ, и теперь он хочет взять реванш. Пускает в ход руки, но я не могу понять, где они. Едва коснувшись одного места, они тут же находят другое. Майлз ласкает меня везде, нигде, повсюду и сразу.

Меня волнуют звуки наших поцелуев. Звук, с которым губы Майлза смыкаются с моими. Звук, с которым мы плотеем дыхание друг друга. Обожаю, как он постанывает, прижимаясь ко мне всем телом. Обычно мужчины ведут себя тише, чем женщины. Но только не Майлз. Он хочет меня, хочет, чтобы я знала об этом, – и мне это нравится.

О, как же мне это нравится...

– Тейт, – шепчет Майлз мне в губы. – Пойдем в кровать.

Я киваю. Майлз берет со стола презервативы и направляется в спальню, и тут же – назад, чтобы взять сок. Поравнявшись со мной, подмигивает.

Это вызывает во мне бурю эмоций. Каково же будет, когда он окажется внутри? Не уверена, что смогу это пережить.

Едва мы попадаем в спальню, меня охватывают сомнения.

В основном потому, что мы на территории Майлза. Здесь он диктует условия, и я чувствую себя в менее выгодном положении.

– Что случилось? – спрашивает Майлз, стягивая ботинки.

– Просто немного нервничаю.

Я стою посреди комнаты и точно знаю, что сейчас будет.

Обычно такое не обсуждают и не планируют заранее. Все случается спонтанно, в порыве чувств, и оба участника не догадываются, что происходит, пока все не произойдет.

Но мы с Майлзом прекрасно знаем, что сейчас начнется.

Он присаживается на край кровати.

– Иди сюда.

С улыбкой подхожу. Он обхватывает меня за бедра и целует в живот поверх футболки. Я кладу руки ему на плечи и смотрю на него сверху вниз. Майлз тоже смотрит на меня. Спокойствие в его глазах заразительно.

– Можем не спешить, – говорит он. – Необязательно, чтобы все случилось именно сегодня. В правилах ничего такого не сказано.

– Да нет, все в порядке. Ты улетаешь через несколько часов и вернешься только... когда? Дней через пять?

– На этот раз – девять.

Ненавижу это число...

– Не хочу, чтобы ты ждал девять дней после того, как я обнадежила тебя.

Его руки скользят по моим бедрам – сначала вверх, затем вперед – к застёжке на джинсах.

– Представлять, что я могу сделать с тобой, для меня далеко не пытка.

Майлз дотрагивается до молнии и медленно ее расстегивает. Сердце у меня в груди колотится так, словно вбивает гвозди на стройке. Может, возводит себе лестницу от земли до неба? Ведь оно в курсе, что скоро взорвется и умрет.

– Зато для меня – пытка, – шепчу я.

Молния расстегнута. Рука Майлза начинает снимать с меня джинсы.

Я плотно сжимаю веки и стараюсь не потерять равновесие. Второй рукой Майлз задирает на мне футболку ровно настолько, чтобы прижаться губами к животу. Это неопишимо.

Он медленно тянет вниз джинсы, пока они не сползают до колен. Его язык дотрагивается до моего живота, а мои руки тонут в его волосах.

Наконец я вышагиваю одновременно из джинсов и из туфель. Руки Майлза обхватывают меня за талию, он притягивает меня и усаживает себе на колени.

Такое впечатление, что из нас двоих неопытная – я. Не ожидала, что Майлз будет действовать так решительно. Впрочем, я не возражаю.

Совсем не возражаю.

Я поднимаю руки, помогая Майлзу снять с меня футболку. Он кидает ее на пол, прижимается губами к моим губам и расстегивает лифчик.

Так нечестно. На мне осталась всего одна вещь, а Майлз еще даже не начал раздеваться.

– Ты такая красивая... – шепчет Майлз. Его пальцы проскальзывают под бретельки, и он медленно стягивает их с моих плеч. Я не дышу и жду. Я так хочу его губ, что не могу соображать.

Лифчик окончательно соскальзывает с моей груди, я полностью обнажена.

– Боже... – бормочет Майлз, прерывисто дыша.

Он бросает бюстгальтер на пол и смотрит на меня. Улыбается и целует в губы – коротко и нежно. Затем обхватывает мое лицо руками и заглядывает в глаза.

– Тебе хорошо?

Чтобы сдержать улыбку, я закусываю нижнюю губу. Майлз наклоняется и хватается ее ртом.

– Больше так не делай. Люблю, когда ты улыбаешься.

Естественно, я тут же улыбаюсь.

Мои ладони на плечах у Майлза. Я веду ими по спине и тяну за футболку. Майлз поднимает руки, чтобы я могла ее снять. Я оглядываю его – точно так же, как он меня. Провожу руками по груди, обводя по контуру каждый мускул.

– Ты тоже красивый...

Майлз прижимается губами к моей груди и осторожно проводит языком по соску. Я начинаю стонать, и он берет его в рот целиком.

Рука Майлза проскальзывает под мои трусики.

– Хочу, чтобы ты лежала на спине, – шепчет он и ловко укладывает меня на кровать. Склоняется надо мной, легонько тянет трусики вниз и проникает языком в мой рот.

Я расстегиваю пуговицу его джинсов, но он поспешно отодвигается.

– Лучше не надо, иначе все кончится гораздо быстрее, чем началось.

Вообще-то мне неважно, насколько быстро все кончится, лишь бы он поскорее разделся.

Майлз сгибает сначала одну мою ногу, затем другую и стягивает с меня трусики.

Затем встает и отходит на два шага назад.

– Боже... – шепчет Майлз, глядя на меня.

Он стоит и смотрит, как я лежу, обнаженная, на его постели, а сам все еще в джинсах...

– По-моему, это немного нечестно, – протестую я.

Майлз подносит кулак ко рту и покусывает костяшки пальцев. Встает ко мне спиной и делает глубокий медленный вдох. Снова поворачивается, проводит взглядом по всему моему телу, пока не встречается со мной глазами.

– Тейт, это выше моих сил.

Меня охватывает разочарование, но Майлз берет с тумбочки пачку презервативов, достает один и рвет зубами фольгу.

– Прости, – говорит он, поспешно стягивая джинсы. – Я хотел, чтобы тебе понравилось. Чтобы это было незабываемо.

Майлз смотрит мне в глаза, но мне трудно сохранять с ним зрительный контакт, потому что он уже без боксеров.

– Но если через две секунды я не окажусь у тебя внутри, все кончится большим конфузом.

Майлз быстро подходит к кровати и как-то умудряется одной рукой натянуть презерватив, а другой раздвинуть мои ноги.

– Заглажу свою вину через несколько минут. Обещаю.

– Майлз, мне ничего такого не надо. Я просто хочу, чтобы ты был во мне.

– Слава богу...

Майлз берет меня правой рукой под колено и целует в губы. Входит так быстро и резко, что я едва не вскрикиваю. Он даже не останавливается, чтобы спросить, не больно ли мне. Не замедляет ритма. Его толчки становятся все сильнее и глубже, и вот уже просто невозможно стать еще ближе, чем мы сейчас.

Мне действительно больно, но в лучшем смысле этого слова.

Я стону ему в губы, он стонет мне в шею, и его поцелуи повсюду. Это грубый секс. Страстный, жесткий, знойный и далеко не молчаливый. Майлз двигается быстро, и по тому, как напряжена его спина под моими руками, мне ясно, что он прав: долго это не продлится.

– Тейт... – шепчет он. – Боже, Тейт...

Ноги у Майлза напрягаются, и все тело сотрясает дрожь.

– Твою мать... – рычит он.

Майлз находит губами мои губы и больше не двигается. Потом тяжело выдыхает и кладет голову рядом с моей.

– Господи боже... – произносит он, все еще напряженный, все еще содрогающийся, все еще у меня внутри.

Как только Майлз выходит из меня, он прикивает губами к моей шее и спускается ниже. Целует меня в грудь и тут же возвращается к губам.

– Хочу попробовать тебя на вкус. Можно?

Я киваю.

Энергично киваю.

Он встает с кровати, выбрасывает презерватив и садится рядом. Я не свожу с него глаз, потому что, хотя Майлз и не пожелал об этом узнать, с тех пор как я в последний раз была с мужчиной, прошел почти год. Не шесть лет, конечно, однако тоже немало, и я не хочу упускать ни секундочки.

Особенно теперь, когда могу без всякого смущения смотреть на его пояс Адониса.

Майлз разглядывает мое тело с восхищением. Его рука скользит вниз по животу и разводит мне ноги. Он увлечен тем, что со мной делает, и мне нравится на это смотреть. Одно то, как я действую на него, меня волнует – даже без прикосновений.

Майлз вводит в меня два пальца, и наблюдать за ним становится гораздо труднее. Его большой палец ласкает меня. Я стону и прячу руки за голову.

Лишь бы он не останавливался... Не хочу, чтобы он останавливался...

Майлз прикивает к моим губам, и этот нежный поцелуй резко контрастирует с давлением его руки. Губы Майлза медленно скользят по моему подбородку, по шее, к ямочке у основания горла, затем к соску, по животу, все ниже... и ниже... и ниже...

Майлз оказывается между моих ног. Его пальцы все еще внутри, а язык касается моей плоти, разделяя ее надвое.

Моя спина выгнута, мысли исчезли.

Я даю волю чувствам.

Неважно, что мои стоны такие громкие, что наверняка перебудили весь этаж.

Неважно, что я упираюсь пятками в матрас и хочу отползти подальше, потому что больше не могу этого выносить.

Неважно, что Майлз вынимает пальцы, чтобы схватить меня за бедра и не дать отстраниться... слава богу.

Неважно, что ему почти наверняка больно, ведь я тяну его за волосы, вжимаю в себя, делаю все возможное, лишь бы достичь пика – такого высокого, какого еще никогда не достигала.

Мои ноги дрожат. Пальцы Майлза снова у меня внутри, и я едва не душу себя подушкой: боюсь, как бы его не выгнали из квартиры, если я буду кричать, не сдерживаясь.

Внезапно мне чудится, будто я лечу, лечу высоко, и если посмотрю вниз, то увижу восход. Я парю в небесах.

Я...

О боже мой...

Я...

О господи...

Я падаю.

Плыву по воздуху.

Вот это да...

Вот это да...

Не хочу возвращаться на землю...

Когда же я водой растекаюсь по кровати, Майлз жадно целует все мое тело, отбрасывает подушку, которой я закрывала лицо, и коротко чмокает меня в губы.

– Еще раз, – говорит Майлз, встает с кровати и тут же возвращается. И вот он уже у меня внутри, но на этот раз я даже не делаю попытки открыть глаза. Мои руки снова за головой. Майлз переплетает свои пальцы с моими и движется, ходит, живет во мне. Оба мы не издаем ни звука – у нас просто нет сил.

Майлз поворачивает голову, его губы касаются моего уха, он замедляет ритм – входит в меня и затем полностью выходит. Остановка. Потом входит и опять выходит. А я могу только лежать и чувствовать его в себе.

– Тейт... – шепчет он и выходит из меня. – Могу сказать со стопроцентной уверенностью.

Входит.

– Ничего...

Выходит.

– Подобного...

И снова...

– В жизни...

И снова...

– Не...

И снова...

– Испытывал...

Он замирает и тяжело дышит мне в ухо. До боли стискивает мои руки, однако на этот раз не издает ни звука.

Мы оба лежим без движения.

Лежим долго.

Я не в силах стереть с лица изможденную улыбку. Видимо, она приклеилась к нему навсегда.

Приподнявшись на локте, Майлз смотрит на меня. Ухмыляется в ответ. Я вдруг осознаю, что пока он был во мне, ни разу не встретился со мной взглядом.

Интересно, намеренно или случайно?..

– Замечания? – насмешливо спрашивает он. – Предложения?

Я смеюсь.

– Извини... Я... Просто... нет... слов...

– Нет слов? Еще лучше.

Он целует меня в щеку, встает с кровати, идет в ванную. Я закрываю глаза и гадаю, чем же все это закончится.

Ничем хорошим, скорее всего.

Потому что я больше ни с кем не хочу заниматься любовью.

Только с ним. Только с Майлзом.

Он возвращается и подбирает свои боксеры, а заодно и мои трусики с джинсами.

Видимо, это намек, что мне пора одеваться.

Я сажусь и смотрю, как Майлз подхватывает с пола лифчик с футболкой и протягивает мне. Всякий раз, встречая мой взгляд, он улыбается, однако я не могу заставить себя ответить ему тем же.

Наконец я одета, Майлз целует меня и притягивает к себе.

– Я передумал. После такого девять дней покажутся сплошной пыткой.

Я закусываю губу, чтобы подавить улыбку. Майлз не видит, ведь я у него в объятиях.

– Да уж...

Он целует меня в лоб.

– Можешь запереть за собой дверь?

Я проглатываю готовое нахлынуть разочарование и даже нахожу в себе силы улыбнуться.

– Конечно.

Выходя из спальни, слышу, как он валится на кровать.

Даже не знаю, что и думать. Майлз не обещал ничего сверх того, что между нами произошло. Мы делали то, на что я подписалась добровольно, – занимались сексом.

Но я не ожидала, что на меня накатит такой невыносимый стыд.

Не из-за того, что Майлз сразу же выпроводил меня, а из-за чувств, которые это во мне пробудило. Я хотела свести все просто к сексу, как и он. Но мое сердце с тоской подсказывает, что на такое я не способна.

Тихий голос в голове шепчет: лучше порвать с ним, пока все не стало слишком сложно. К сожалению, другой, гораздо более громкий голос призывает броситься вперед сломя голову. В конце концов, я столько работаю, что заслужила немного отдыха.

Одной мысли о том, какое наслаждение принес мне этот вечер, достаточно, чтобы я смирилась с нашим небрежным прощанием.

Возможно, если немного потренироваться, я научусь вести себя так же небрежно.

Перед дверью в квартиру я замираю и прислушиваюсь. В гостиной Корбин разговаривает по телефону.

Я не могу просто взять и войти – брат уверен, что я уже сплю.

Оглядываюсь на дверь Майлза. Нет, стучаться к нему не буду. Во-первых, неудобно, а во-вторых, времени на сон у него и так немного.

Лучше провести полчаса в вестибюле – в надежде, что Корбин скоро отправится спать.

Глупо скрывать наши отношения от брата, но я не хочу, чтобы он злился на Майлза, а это неизбежно.

Спускаюсь на первый этаж, выхожу из лифта. Не понимаю, что делать. Наверное, можно подождать в машине...

– Ты что, заблудилась?

Я оглядываюсь на Кэпа, который сидит на обычном месте, хотя на часах уже почти полночь. Он похлопывает по соседнему креслу.

– Присаживайся.

Принимаю приглашение.

– На этот раз я с пустыми руками. Извини.

– Тейт, ты мне нравишься не из-за еды. Не настолько ты хороший повар.

Я смеюсь. На душе становится легче, а напряжение последних двух дней отступает.

– Как прошел День благодарения? – спрашивает Кэп. – Малыш хорошо провел время?

– Малыш?..

– Мистер Арчер. Он ведь отмечал вместе с вами?

– Да. – Хочется добавить, что для мистера Арчера это был лучший День благодарения за последние шесть лет, но я сдерживаюсь. – По-моему, он прекрасно отдохнул.

– А почему ты улыбаешься?

Я поспешно стираю с лица блаженную улыбку, о существовании которой и не догадывалась.

– А разве я улыбаюсь?

Кэп смеется.

– Ах вот оно что! Ты и малыш... У вас что, любовь?

– Нет, дело не в этом, – поспешно говорю я.

– В чем же тогда?

Чувствую, как все лицо заливают краской, и быстро отвожу взгляд. Кэп смеется, потому что щеки у меня такие же красные, как и кресла, в которых мы сидим.

– Может, я и старик, но язык тела понимать не разучился. То есть вы с мальчиком... Как бишь это теперь называется?.. Замутили друг с другом? Перепихнулись?

Я прячу лицо в ладони. Поверить не могу, что разговариваю о таких вещах с восьмидесятилетним дедушкой.

– Не буду отвечать!

– Ясно, – понимающе кивает Кэп.

С минуту мы оба молчим и обдумываем то, в чем я практически призналась.

– Что же, хорошо, – наконец произносит Кэп. – Возможно, малыш начнет хотя бы изредка улыбаться.

Я тоже не против, чтобы Майлз улыбался почаще.

– Может, сменим тему?

Кэп поворачивается ко мне и поднимает седую косматую бровь.

– А я еще не рассказывал, как обнаружил труп на третьем этаже?

Я отрицательно качаю головой. Рада, что он заговорил о другом, хотя странно, что беседа о трупах приносит мне радость.

Я такая же извращенка, как и Кэп.

Глава четырнадцатая

Майлз

Шестью годами ранее

– Думаешь, нам это нравится, потому что нельзя?

Рейчел имеет в виду поцелуи.

Мы целуемся много. Всякий раз, когда подворачивается возможность, и даже когда возможности нет.

– Нельзя, потому что наши родители вместе?

– Да, – отвечает Рейчел.

У нее перехватывает дыхание оттого, что я касаюсь губами ее шеи. Мне нравится, что от меня у Рейчел перехватывает дыхание.

– Помнишь, как я увидел тебя впервые?

Она издает невнятный стон, который должен означать «да».

– А как провожал в класс к мистеру Клейтону?

Еще одно нечленораздельное «да».

– Мне уже тогда хотелось тебя поцеловать. – Я провожу дорожку поцелуев по ее шее, дохожу до губ и заглядываю в глаза. – А тебе хотелось того же?

Рейчел произносит «да», и по ее взгляду я вижу, что она думает о том дне.

О дне

Когда

Стала

Для меня

Всем.

– Тогда мы еще не знали про наших родителей, – поясняю я, – но нам все равно хотелось целоваться. Так что вряд ли нам нравится целоваться именно поэтому. Вот видишь?.. – Я нежно дотрагиваюсь губами до ее губ, чтобы показать ей, как это прекрасно.

– А может, мы просто любим целоваться? – говорит Рейчел, приподнявшись на локте. – Может, ты и я тут вообще ни при чем?

Опять она за свое. Ей бы стать юристом, так она любит изображать из себя адвоката дьявола. Впрочем, мне это нравится, и я всегда ей подыгрываю.

– Хорошее замечание. Я и правда люблю целоваться. А кто же не любит? Но между нашими поцелуями и просто поцелуями есть большая разница.

– И в чем же она? – с любопытством спрашивает Рейчел.

Я снова нахожу губами ее губы.

– В тебе... – шепчу я. – Я люблю целовать именно тебя.

Видимо, мой ответ удовлетворил Рейчел, потому что она замолкает и отвечает на поцелуй.

Хорошо, что Рейчел ставит все под сомнение.

Это заставляет меня взглянуть на вещи по-новому.

Мне всегда нравилось целоваться с девушками, но только потому, что я испытывал к ним влечение. К ним самим это никак не относилось.

Когда я целовал других, то получал удовольствие. Именно поэтому людям и нравится целоваться: это приятно.

Но когда тебе нравится целовать девушку ради нее самой, разница тут не в удовольствии.

Разница в боли, которую испытываешь, когда ее не целуешь.

Мне не было больно, когда я не целовал всех прочих девушек.

Но мне больно, когда я не целую Рейчел.
Может быть, именно поэтому любовь причиняет такую чертовски сильную боль.
Мне нравится целовать тебя, Рейчел...

Глава пятнадцатая

Тейт

Майлз: «Ты занята?»

Я: «Как всегда. А что?»

Майлз: «Мне нужна твоя помощь. Это не займет много времени».

Я: «Буду минут через пять».

Надо было дать себе не пять минут, а десять. Я еще не успела помыться, а после вчерашней десятичасовой смены это было бы не лишне. Если бы знала, что Майлз дома, приняла бы душ первым же делом, но я думала, он вернется только завтра.

Собираю волосы в небрежный узел и переодеваюсь из пижамных штанов в джинсы. Еще нет и полудня, но все равно неловко признаться, что я до сих пор валялась в постели.

В ответ на мой стук Майлз кричит, чтобы я входила, и я распахиваю дверь. Он стоит на стуле у окна.

– Возьми второй стул и поставь вон туда, – он указывает на место в нескольких шагах от себя. – Хочу измерить. Никогда не покупал шторы – не знаю, что именно мерить: рамы или только стекла.

Ну ничего себе! Он собрался купить шторы!

Я подтаскиваю стул к окну и встаю на него. Майлз подает мне конец рулетки и принимает ее разматывать.

– Все зависит от того, какие шторы тебе нужны, так что я бы измерила и то и другое.

Одет Майлз буднично: в джинсы и темно-синюю футболку. По сравнению с цветом футболки его глаза кажутся не голубыми, а почти прозрачными. Однако это невозможно: глаза у Майлза какие угодно, только не прозрачные, ведь за ними – стена.

Он вносит результат в телефонные заметки, и мы измеряем рамы. Когда и этот результат записан, спускаемся на пол и задвигаем стулья под стол.

– А как насчет ковра? – спрашивает Майлз, рассматривая голый пол под ногами. – Думаешь, стоит купить и его?

– Смотря что тебе больше нравится.

– Сам не знаю, что мне теперь нравится, – тихо произносит он по-прежнему в пол. Затем бросает рулетку на диван и переводит взгляд на меня. – Хочешь пойти со мной?

Я борюсь с желанием тут же кивнуть.

– Куда?

Майлз откидывает волосы со лба и берет с дивана куртку.

– Туда, где покупают шторы.

Нужно ответить «нет». Шторы покупают влюбленные. Шторы покупают друзья. Майлз и Тейт не должны покупать шторы, если хотят соблюсти свои правила. Однако мне определенно, несомненно, абсолютно точно хочется с ним пойти.

Я пожимаю плечами, чтобы мой ответ прозвучал небрежной.

– Конечно. Только дверь закрою.

* * *

– Какой твой любимый цвет? – интересуюсь я в лифте.

Пробую сконцентрироваться на покупке штор, а сама только и мечтаю, чтобы Майлз ко мне прикоснулся. Поцелуй, объятия... что угодно. Мы не дотрагивались друг до друга с той ночи, когда впервые занимались сексом. Даже не разговаривали по телефону, ни одной эсэмэской не обменялись.

– Черный? – неуверенно отвечает Майлз. – Мне вроде нравится.

– Нельзя же повесить на окна черные шторы. Нужно что-нибудь цветное. Или хотя бы близкое к черному.

– Темно-синий?..

Майлз больше не смотрит мне в лицо. Его взгляд скользит по моему телу – от шеи до самых стоп. На чем бы ни задержались его глаза, я это чувствую.

– Темно-синий пойдет, – тихо соглашаюсь я.

Мы ведем этот разговор, только чтобы не молчать. Поведение Майлза ясно говорит, что мы оба меньше всего думаем сейчас о цветах, шторах и коврах.

– Тейт, ты сегодня работаешь?

Киваю. Приятно, что Майлз думает о вечере. А еще мне нравится, что почти все его вопросы начинаются с моего имени. Люблю слушать голос Майлза, когда он произносит его. Надо потребовать, чтобы все вопросы он задавал только так.

– Да, но мне только к десяти.

Лифт останавливается, и мы одновременно двигаемся к выходу. Я чувствую руку Майлза на моей спине – по телу проходит волна электрического тока.

Я и раньше влюблялась, но прежде никто своими прикосновениями не вызывал у меня такую сильную реакцию.

Когда выходим из лифта, Майлз сразу отдергивает руку.

Я чувствую ее отсутствие еще острее, чем до того, как он ко мне прикоснулся. Чем меньше я получаю, тем сильнее мой голод.

Кэпа нет на месте. Ничего удивительного: сейчас только полдень, а он тоже не любитель ранних подъемов.

Может, поэтому мы с ним так легко нашли общий язык?

– Не хочешь прогуляться?

Я соглашаюсь, хотя на улице холодно. Люблю ходить пешком. К тому же поблизости от дома есть несколько мест, где можно купить все необходимое. Предлагаю заглянуть в магазин, мимо которого случайно проходила пару недель назад. Это всего в двух кварталах отсюда.

– После тебя, – говорит Майлз, придерживая дверь.

Я выхожу на улицу и плотнее запахиваю пальто. Вряд ли Майлз из тех, кто любит ходить на людях за ручки, а потому я даже не забочусь о том, чтобы предоставить ему такую возможность. Обхватываю себя покрепче, чтобы согреться, и иду с ним рядом.

Почти всю дорогу мы молчим. Это меня устраивает. Я не из тех, кто испытывает потребность болтать без умолку. Майлз, судя по всему, тоже.

– Нам туда, – говорю я, указывая направо.

На тротуаре сидит старик в рваном пальто. Глаза закрыты, руки в дырявых перчатках дрожат.

Всегда жалела тех, у кого ничего нет и кому некуда идти. Корбина бесит, что я не могу спокойно пройти мимо нищего, не подав ему денег или еды. Брат считает, что большинство из них зависимы от чего-либо и, жертвуя им деньги, я лишь подкармливаю эту зависимость.

Честно говоря, мне все равно, прав он или нет. Если человек оказался на улице, потому что потребность в алкоголе или наркотиках у него сильнее, чем потребность в жилье, меня это не остановит. Может, дело в том, что я медсестра, но не думаю, что зависимость – всего лишь вопрос свободного выбора. Зависимость – это болезнь, и мне горько видеть, что людям приходится вести подобную жизнь, потому что они не могут сами себе помочь.

Будь у меня с собой кошелек, я бы дала старику денег.

Я осознаю, что остановилась, только когда Майлз впереди косится на меня. Я нагоняю его. Ничего не говорю – не пробую оправдать беспокойство на своем лице. Все равно бесполезно. Слишком часто я проходила через это с Корбином. Не хочу даже и пытаться переубедить тех, кто со мной не согласен.

– Пришли, – говорю я, останавливаясь перед магазином.

Майлз изучает интерьер в витрине.

– Нравится? – спрашивает он.

Я подхожу поближе и тоже разглядываю интерьер. Это спальня, а не гостиная, но есть тут и кое-что подходящее. На полу – серый ковер с геометрическим рисунком в черных и синих тонах. По-моему, вполне в его стиле.

Шторы не темно-синие, а шиферно-серые с широкой белой полосой по левому краю.

– Нравится, – отвечаю.

Майлз придерживает дверь, чтобы пропустить меня вперед. Дверь еще не успела захлопнуться, а к нам уже спешит продавщица. Спрашивает, не может ли чем-то помочь. Майлз указывает на витрину.

– Я бы хотел купить эти шторы. Два комплекта. И ковер.

Продавщица, улыбаясь, делает знак следовать за ней.

– Какие длина и ширина вам необходимы?

Майлз достает телефон и зачитывает размеры. Продавщица помогает ему выбрать гардины, затем обещает скоро вернуться и уходит. Мы у кассы одни. Я оглядываюсь по сторонам, охваченная внезапным желанием подобрать что-нибудь для своей будущей квартиры. Я проведу у Корбина еще месяца два, так что не помешает прикинуть, что мне может понадобиться, когда я обзаведусь собственным жильем.

Надеюсь, когда это случится, мой поход в магазин окажется таким же коротким, как сегодня.

– Впервые вижу, чтобы человек так быстро определился с выбором.

– Разочарована?

Я поспешно качаю головой. В отличие от большинства девушек, я не люблю долго ходить по магазинам. Слава богу, у Майлза ушла на это всего минута.

– Думаешь, стоило посмотреть еще что-нибудь?

Майлз стоит, облокотившись на прилавок, и не сводит с меня глаз. Мне приятно, как он смотрит – будто я самый интересный предмет во всем магазине.

– Когда нравится то, что выбрал, зачем искать что-то другое? Если чувствуешь, что это твое, значит, оно твое.

Он глядит на меня так внимательно и серьезно, что мне становится неуютно, и в то же время я чувствую себя особенной. Майлз отталкивается от прилавка и делает шаг в мою сторону.

– Иди сюда.

Хватает меня за руку и тянет куда-то.

Мой пульс ведет себя до смешного нелепо. Ужас какой-то.

Тейт, это же просто пальцы! Не позволяй им так на тебя действовать!

Мы подходим к деревянной трехстворчатой ширме, украшенной восточными узорами. Такие обычно ставят в углу спальни. Никогда не понимала, зачем они. У мамы есть похожая, но вряд ли она хотя бы раз в жизни заходила за нее, чтобы переодеться.

– Что ты делаешь? – спрашиваю я.

Майлз затаскивает меня за ширму. Я невольно смеюсь: мы как будто старшеклассники и прячемся от учителя.

Майлз прижимает палец к моим губам.

– Тс-тс... – шепчет он, с улыбкой глядя на меня.

Я мгновенно перестаю смеяться, но не потому, что не смешно. Просто я забыла, как это делать.

Забыла обо всем.

Сейчас я могу думать только о кончике его пальца, который осторожно проводит линию от моих губ к подбородку. Взгляд Майлза следует за его же пальцем, который медленно скользит по моей шее, по груди – вниз, вниз, вниз к животу...

Такое ощущение, что Майлз гладит меня тысячью рук одновременно, доказательство тому – мои разучившиеся дышать легкие.

Взгляд Майлза по-прежнему сосредоточен на пальце, который замирает прямо над пуговицей моих джинсов. Он даже не касается тела, но по моему пульсу этого не скажешь. Майлз медленно ведет ладонью по моему животу, затем перемещает ее на талию и в следующий миг берет меня обеими руками за бедра и притягивает к себе.

На секунду он закрывает глаза, а когда снова их открывает, то смотрит уже не вниз, а прямо мне в лицо.

– Я мечтал поцеловать тебя с тех пор, как ты зашла ко мне.

– Ты невероятно терпелив!

Майлз бережно дотрагивается до моих волос.

– Будь я невероятно терпелив, ты не была бы сейчас со мной.

Я цепляюсь за последнее предложение и пробую разгадать его смысл, но едва наши губы встречаются, как я утрачиваю интерес к словам, которые произнес его рот. Теперь меня интересует только сам этот рот.

Наш поцелуй – медленный и спокойный, не то что мой пульс. Правой рукой Майлз придерживает меня за голову, левой – за талию. Он исследует мой рот так неторопливо, словно намерен провести за ширмой весь день.

Остатки моей воли уходят на то, чтобы не обвиться вокруг Майлза руками и ногами. Пробую проявлять терпение, как и он, но это нелегко, когда его пальцы, руки и губы вызывают во мне такую бурю.

Дверь в подсобку открывается, слышен стук каблуков. Майлз перестает меня целовать, и мое сердце возмущенно кричит. К счастью, крик этот можно только почувствовать, но не услышать.

Вместо того чтобы отстраниться и пойти к прилавку, Майлз берет мое лицо в ладони и несколько мгновений молча смотрит. Легонько гладит большими пальцами по щекам и тихо вздыхает. Морщит лоб и смыкает веки. Потом прижимается лбом к моему лбу, и я чувствую его внутреннюю борьбу.

– Тейт... – Майлз тихо шепчет мое имя, но я отчетливо слышу сожаление в тех словах, которые он еще не произнес. – Мне нра... – он открывает глаза и смотрит на меня. – Мне нравится тебя целовать.

Не знаю, почему Майлзу так трудно было произнести это вслух, но к концу фразы голос у него оборвался, точно он не хотел договаривать до конца.

Как только слова слетают с его губ, Майлз отстраняется и быстро выходит из-за ширмы, будто хочет убежать от собственного признания.

«Мне нравится тебя целовать...»

Кажется, он жалеет, что произнес эти слова, а я почти уверена, – до самого вечера буду повторять их про себя.

Минут десять бесцельно брожу по магазину, снова и снова прокручивая в голове эту фразу, и жду, пока он оформит покупку. Когда возвращаюсь к прилавку, Майлз уже протягивает продавщице кредитную карточку.

– Мы все доставим в течение часа, – сообщает продавщица и хочет убрать покупки за прилавок.

Майлз берет у нее один из пакетов.

– Этот я возьму с собой, – поясняет он и оборачивается ко мне. – Готова?

Чувствую, что температура на улице упала градусов на двадцать. Хотя, возможно, после жарких объятий в магазине мне это только кажется.

Доходим до угла. Я продолжаю путь к дому, а Майлз вдруг останавливается. Он достает что-то из пакета, рвет полоску бумаги, и в руках его разворачивается одеяло.

Нет, не может быть...

Майлз протягивает одеяло старику, который все еще сидит, скрючившись от холода, на тротуаре.

Ни тот, ни другой не произносят ни слова.

Пустой пакет отправляется в урну, и Майлз догоняет меня, уставившись в землю. Пока шагаем к дому, он на меня не смотрит.

Хочу сказать ему спасибо, но молчу. Иначе получится, будто я думаю, что он сделал это для меня.

А я знаю, что не для меня, а ради замерзающего нищего.

* * *

Едва мы вернулись, Майлз попросил меня уйти – не хотел, чтобы я видела квартиру, пока он все не обустроит. Оно и к лучшему: у меня полно домашних заданий. Развешивание штор в мой график никак не вписывается, и я благодарна Майлзу, что он не стал рассчитывать на мою помощь.

Похоже, мысль о новых шторах Майлзу приятна: вид у него довольный, насколько Майлз вообще может быть довольным.

Прошло уже несколько часов. Меньше чем через три нужно быть на работе. Закрадывается мысль, что Майлз и не собирался приглашать к себе. Как вдруг от него приходит эсэмэска.

Майлз: «Ты уже поела?»

Я: «Да».

Обидно, что я поужинала, но мне надоело ждать. К тому же насчет ужина он не говорил.

Я: «Корбин соорудил мясной рулет вчера. Принести тебе?»

Майлз: «Давай. Умираю с голоду. Приходи».

Я оборачиваю фольгой тарелку с рулетом и выхожу из квартиры. Не дождавшись даже стука, Майлз открывает дверь и берет из моих рук тарелку.

– Подожди здесь.

Он проскальзывает в дверной проем и тут же возвращается – уже без рулета.

– Готова?

Сама не пойму, как я догадалась, что Майлз обрадован: он даже не улыбается. Услышала новую интонацию в его голосе. Как здорово, что Майлза радует такая простая вещь, как новые шторы. По-моему, мало что в жизни приносит ему удовольствие, и мне приятно видеть его таким.

Майлз распахивает дверь настежь, и я вхожу внутрь. Шторы уже на окнах – перемена маленькая, но кажется огромной. Когда знаешь, что Майлз прожил здесь четыре года и только теперь обзавелся шторами, вся квартира воспринимается иначе.

– Отличный выбор, – хвалю я, удивляясь, как эти шторы подходят к характеру Майлза, насколько я вообще его знаю.

Затем смотрю на ковер и прихожу в недоумение.

– Да, он будет располагаться под столом, – говорит Майлз, тоже глядя на ковер. – Туда я его и постелю, но позже.

Ковер лежит как-то непонятно – не в центре комнаты и даже не перед диваном. Странно, что Майлз разложил его здесь, зная, где он будет смотреться лучше всего.

– Я оставил ковер тут, потому что сначала хотел бы обновить его вместе с тобой.

На лице Майлза – трогательное выражение надежды, это заставляет меня невольно улыбнуться.

– Прекрасная идея.

Долгая пауза. Не уверена, хочет ли Майлз обновить ковер прямо сейчас или предпочитает сначала поесть. Я согласна и на то и на другое, лишь бы улечься в три часа.

– Поем потом, – наконец произносит Майлз как бы в ответ на мой мысленный вопрос.

Он стягивает с себя футболку, я сбрасываю туфли, и вскоре вся наша одежда валяется рядом с ковром.

Глава шестнадцатая

Майлз

Шестью годами ранее

Теперь, когда у меня есть Рейчел, жизнь гораздо прекраснее.

Прекрасно засыпать и думать, что в комнате напротив засыпает Рейчел.

Прекрасно просыпаться по утрам, зная, что через коридор от меня просыпается Рейчел.

Прекрасно ехать в школу, когда едешь вместе с Рейчел.

– Давай прогуляем, – предлагаю я, тормозя на парковке перед школой.

Уверен: прогуливать вместе с Рейчел прекрасно вдвойне.

– А что, если нас поймают?

Непохоже, чтобы ее в самом деле это беспокоило.

– Надеюсь, так и будет. Потому что тогда нам запретят выходить из дома. Обоим.

Рейчел улыбается и обнимает меня за шею. Люблю, когда она так делает.

– Звучит заманчиво. Давай прогуливать!

Она быстро чмокает меня в губы.

Даже такие мимолетные поцелуи прекрасны, когда это поцелуи Рейчел.

– С тобой все становится прекраснее, – говорю я. – Вся моя жизнь прекрасна оттого, что в ней есть ты.

Рейчел снова улыбается. Она об этом не подозревает, но каждое свое слово я произношу с одной-единственной целью – заставить ее улыбнуться.

Я разворачиваю машину и говорю, что мы отправимся на пляж. Рейчел нужно взять купальник, и мы заезжаем за ним домой, прихватив заодно одеяло и что-нибудь перекусить.

Мы едем на пляж.

Рейчел хочется читать, загорая на солнце.

Мне хочется смотреть, как Рейчел читает, загорая на солнце.

Она лежит на животе, опершись на локти. Я кладу голову на руки и смотрю на нее.

Мой взгляд скользит по плавным линиям ее плеч... по изгибу спины... по согнутым в коленях ногам и поднятым вверх и скрещенным стопам.

Рейчел счастлива.

Я делаю Рейчел счастливой.

Рядом со мной ее жизнь тоже преображается.

Ее жизнь прекрасна, потому что в ней есть я.

– Рейчел... – шепчу я.

Она кладет между страниц закладку и захлопывает книгу, но не смотрит на меня.

– Я хочу кое-что тебе сказать.

Рейчел кивает и зажмуривается, как будто хочет полностью сосредоточиться на моем голосе.

– Когда умерла моя мама, я перестал верить в Бога.

Она кладет голову на руки, ее глаза по-прежнему закрыты.

– Я не мог поверить, что Бог способен послать человеку подобную боль. Заставить страдать так сильно, как страдала мама. Принудить пройти через нечто настолько ужасное.

Из-под опущенных век Рейчел выкатывается слеза.

– А потом я встретил тебя, и каждый день с тех пор меня мучил вопрос, как можно быть настолько красивой, если Бога не существует. Как я могу быть так счастлив, если Бога не существует. И вот я понял... только что понял... Бог посылает нам что-то уродливое, чтобы мы не воспринимали прекрасное как должное.

Рейчел не улыбается.

Она хмурит брови.

Она плачет.

– Майлз...

Рейчел произносит мое имя так тихо, словно не хочет, чтобы я услышал.

Я осознаю, что для нее этот момент вовсе не прекрасен. Не то что для меня.

– Майлз... у меня задержка...

Глава семнадцатая

Тейт

Корбин: «Хочешь поужинать вместе? Когда освободишься?»

Я: «Через десять минут. Где?»

Корбин: «Мы недалеко. Встретимся у выхода».

Мы?..

Меня охватывает волнение. Наверняка «мы» значит Корбин с Майлзом. Кто еще может с ним прийти? К тому же я знаю, что Майлз вернулся вчера вечером.

Я заканчиваю с бумагами, заскакиваю в туалет, чтобы поправить прическу, – как ни печально, мне не все равно – и выхожу на улицу.

Они уже у выхода. Иэн, Майлз и Корбин. При виде меня Иэн улыбается – он единственный повернут ко мне лицом.

– Готова? – спрашивает брат, когда я к ним подхожу. – Пойдем в «Джекс».

Они классно смотрятся вместе. Все трое хороши собой, каждый по-своему. Особенно в форме. Среди них я одна в своей медицинской блузе кажусь замарашкой.

– Пошли, – соглашаюсь. – Страшно хочу есть.

Я смотрю на Майлза. Он едва заметно кивает, но не улыбается. Всю дорогу Майлз идет на шаг впереди, засунув руки в карманы и не глядя на меня.

– Что празднуем? – интересуюсь. – Ваш общий выходной?

Между моими спутниками происходит безмолвный разговор. Иэн смотрит на Майлза. Корбин смотрит на Иэна. Майлз ни на кого не смотрит. Его взгляд направлен вперед.

– Помнишь, в детстве родители как-то водили нас в «Ла Капрезе»? – спрашивает Корбин.

Отлично помню. Никогда не видела родителей такими счастливыми, как в тот вечер.

Мне тогда было лет пять-шесть, не больше, и это одно из немногих воспоминаний, которые сохранились у меня с тех пор. В тот день мой отец стал капитаном.

Я останавливаюсь как громом пораженная и во все глаза смотрю на Корбина.

– Тебя что, повысили? Но ты не можешь стать капитаном! Ты слишком молод!

Я отлично знаю, как трудно дослужиться до капитана и сколько часов нужно для этого налетать. Большинство летчиков до тридцати работают вторыми пилотами.

– Нет, меня не повысили: я слишком часто менял место работы. – Корбин переводит взгляд на Майлза. – А вот мистер Назначьте-Мне-Больше-Рейсов и правда получил сегодня повышение. Побил рекорд компании.

Майлз кидает на брата укоризненный взгляд. Он явно смущен тем, что его секрет раскрыли, но такая скромность мне по душе. Вот если бы их приятель Диллон стал капитаном, то наверняка протрубил бы об этом всему миру в мегафон на барной стойке.

– Не бог весть какое достижение, – роняет Майлз. – Это же всего лишь местная авиакомпания. Выбирать особо не из кого.

– Меня же почему-то не повысили, – возражает Иэн. – И Корбина не повысили. И Диллона. А ты работаешь в компании на год меньше нашего. Не говоря уже о том, что тебе всего двадцать четыре. – Он поворачивается и идет спиной вперед. – Хватит скромничать, приятель. Позлорадствуй над нами немного. Мы бы на твоём месте именно так и поступили.

Иэн мне определенно нравится. Не знаю, давно ли они знакомы, но у них явно близкие отношения. Иэн искренне гордится Майлзом и совсем не завидует. Здорово, что у Корбина есть такие друзья. Мне всегда представлялось, что брат живет один, вдали от семьи, слишком много трудится и все свободное время проводит в одиночестве. Сама не понимаю, с чего я это

взяла. Папа тоже работал пилотом, но дома бывал довольно часто, так что у меня не должно быть подобных иллюзий.

Похоже, беспричинно волноваться за близких свойственно не только брату.

Мы пришли, и Корбин распахивает перед нами дверь ресторана. Иэн входит первым. Майлз пропускает меня вперед.

– Я в туалет, – говорит Иэн. – Потом вас найду.

Корбин подходит к стойке администратора, а мы с Майлзом останавливаемся позади. Я украдкой бросаю на него взгляд:

– Мои поздравления, капитан.

Я шепчу – сама не пойму отчего. Вряд ли Корбин что-то заподозрил бы, даже если бы слышал. Наверное, так мои слова звучат более интимно.

Майлз с улыбкой смотрит на меня, косится в сторону брата, который все еще стоит к нам спиной, и быстро целует в висок.

Мне должно быть стыдно за свою слабость. Нельзя позволять мужчине делать со мной такое. У меня чувство, что я плыву, тону или лечу. В любом случае ног под собой не ощущаю.

– Спасибо, – тоже шепчет Майлз.

На лице у него ослепительная и в то же время смущенная улыбка. Он слегка пихает меня плечом:

– Классно выглядишь, Тейт.

Вот бы приклеить эти три слова на рекламный щит и каждый день проезжать мимо него на работу... Ради такого я согласна вкалывать без выходных!

Хотелось бы верить, что Майлз сказал это искренне, вот только на мне форменные брюки с блузой, в которых я провела последние двенадцать часов.

– На мне же медицинская форма с Минни Маус...

– Всегда был неравнодушен к Минни Маус.

Корбин поворачивается к нам, и я поспешно стираю с лица улыбку.

– Столик или отдельная кабинка?

Мы оба пожимаем плечами.

– Все равно, – говорит Майлз.

Иэн присоединяется к нам, когда администратор ведет нас к столику. Корбин с Иэном шагают впереди, Майлз следует за мной – почти вплотную. Он кладет руку мне на талию и наклоняется к моему уху.

– К медсестрам тоже неравнодушен.

Я тру плечом ухо, в которое он прошептал это признание. Вся шея в мурашках. Подходим к кабинке, Майлз отдергивает руку и отступает на приличествующее расстояние. Корбин с Иэном садятся по разные стороны столика. Майлз устраивается рядом с Иэном. Мне осталось место возле Корбина – прямо напротив Майлза.

Корбин с Иэном заказывают пиво, мы с Майлзом – газировку. Еще одна загадка. Пару недель назад он сказал, что почти не пьет. Однако в тот день, когда мы познакомились, Майлз был мертвецки пьян, и я бы не удивилась, если бы сегодня он заказал хотя бы стаканчик спиртного – ему есть что отметить.

Когда приносят напитки, Иэн провозглашает тост:

– За то, что ты нас обскакал.

– И притом не в первый раз, – добавляет Корбин.

– За то, что я работаю в два раза больше вашего, – с шутливым вызовом произносит Майлз.

– Мы с Корбином ведем половую жизнь, так что нам некогда работать сверхурочно, – парирует Иэн.

– Ни слова о моей сексуальной жизни при сестре, – вмешивается Корбин.

– Почему? – спрашиваю я. – Будто я не в курсе, что ты почти не ночуешь дома!

– Я серьезно! Давайте сменим тему.

Я с удовольствием исполняю его желание:

– Давно вы трое знакомы?

Мой вопрос обращен ко всем, однако меня интересует только то, что касается Майлза.

– С твоим братом мы встретились в летной школе, – рассказывает Иэн. – А с Майлзом дружим лет с девяти-десяти.

– С одиннадцати, – поправляет Майлз. – Мы познакомились в пятом классе.

Не знаю, не противоречит ли эта беседа правилу номер один – не расспрашивать о прошлом, однако непохоже, что Майлз против.

Официантка приносит корзинку с хлебом, но мы еще даже не открыли меню, и она говорит, что подойдет позже.

– До сих пор не могу поверить, что ты не гей, – произносит Корбин, снова меняя тему, и разворачивает меню.

Майлз тоже берет со стола меню и смотрит на Корбина поверх страницы.

– Мы же вроде решили не обсуждать сексуальную жизнь.

– Мою сексуальную жизнь. Хотя у тебя ее все равно нет, так что и обсуждать нечего. – Корбин кладет меню на стол и смотрит в упор на Майлза. – Нет, серьезно, почему ты ни с кем не встречаешься?

Майлз пожимает плечами. Его больше интересует стакан, который он держит в руках, чем переглядки с моим братом.

– По-моему, отношения не стоят того, чтобы их заводить.

Что-то у меня в груди разбивается, и я боюсь, как бы остальные не услышали звон осколков.

Корбин откидывается назад.

– М-да, ну и стервой, наверное, она была!

Я впиваюсь глазами в Майлза в надежде, что он как-то отреагирует на эту догадку. Однако он лишь слегка качает головой, отрицая предположение Корбина. Иэн откашливается, и его неизменная улыбка меркнет. Что бы ни случилось с Майлзом, его старый друг точно это знает.

– У Майлза нет времени на девушек, – говорит Иэн, с вымученной улыбкой поднимая стакан. – Он слишком занят тем, чтобы побить все рекорды и стать самым молодым капитаном в истории компании.

Мы понимаем намек и чокаемся.

От меня не ускользнуло, что Майлз бросил на Иэна благодарный взгляд, а вот Корбин, похоже, ничего не заметил. Теперь меня мучит еще большее любопытство. А заодно и беспокойство, что наше соглашение мне не по силам. Чем больше времени я провожу с Майлзом, тем больше хочу все о нем знать.

– Нужно отпраздновать, – говорит Корбин.

Майлз кладет меню на стол.

– Я думал, именно этим мы и занимаемся.

– Имею в виду, потом. Давайте сходим куда-нибудь. Надо найти девушку, которая положит конец твоему воздержанию.

Я едва не захлебываюсь газировкой, но мне все-таки удается сдержать смех. Майлз ногой касается меня под столом.

– Мне и так хорошо, – заявляет он. – К тому же капитану нужен отдых.

Буквы в меню пляшут перед глазами, потому что мое воображение заменило их на слова «положить конец», «воздержание» и «отдых».

Иэн поворачивается к Корбину.

– Я с тобой, а капитан пусть идет домой и проспится после выпитой колы.

Майлз украдкой смотрит на меня и загребает мою ногу своей.

– Проспать – дело хорошее. – Он снова берет меню. – Давайте уже закажем что-нибудь, а потом я домой и спать. Чувствую себя так, будто дней девять глаз не смыкал, всю дорогу только об этом и думал.

К щекам приливает кровь, к некоторым частям моего тела – тоже.

– С удовольствием уснул бы прямо сейчас. – Майлз ловит мой взгляд. – Прямо здесь, за столом.

Теперь уже все мое тело пылает огнем, не только щеки.

– Ну ты и слабак! – хохочет Корбин. – Надо было позвать вместо тебя Диллона.

– Ну уж нет! – стонет Иэн, картинно закатывая глаза.

– А что не так с Диллоном? – спрашиваю я. – Чем он вам досадил?

– Да в общем-то, ничем, – пожимает плечами Корбин. – Просто мы его на дух не переносим. А поняли это только после того, как пригласили посмотреть с нами футбол. Диллон бабник. – Корбин бросает на меня очень хорошо знакомый взгляд. – Никогда не оставайся с ним наедине, слышишь? Если Диллон женат, это еще не значит, что он порядочный человек.

Вот она, деспотичная братская любовь, которой мне так не хватало все эти годы...

– Он что, опасен?

– Нет, просто я в курсе, как Диллон относится к своему браку, и не хочу, чтобы ты впуталась в историю. Я уже дал ему понять, чтобы он держался от тебя подальше.

Я смеюсь над его нелепыми словами.

– Корбин, мне двадцать три! Перестань вести себя как папа.

Брат поджимает губы и на мгновение действительно становится похож на отца.

– Не перестану! – ворчит он. – Ты моя младшая сестра, и у меня есть определенные стандарты, которым должен отвечать твой парень. А Диллон им даже с натяжкой не соответствует.

Нисколько не изменился. В школе такое поведение меня бесило, да и сейчас раздражает, и все же приятно, что брат хочет для меня самого лучшего. Боюсь только, что такого просто не существует.

– Корбин, ни один мужчина не тянет на твои стандарты.

– Ты совершенно права!

Если Корбин предупредил Диллона держаться от меня подальше, не было ли у него такого же разговора с Иэном и Майлзом? С другой стороны, еще недавно брат считал Майлза голубым, а значит, вряд ли в чем-то его подозревал.

Интересно, соответствует ли Майлз стандартам Корбина?

Страшно хочется взглянуть на Майлза, но я опасаясь выдать себя, поэтому лишь принужденно улыбаюсь.

– И почему я не родилась первой?

– Это ничего бы не изменило, – резюмирует Корбин.

* * *

Иэн улыбается официантке и делает знак.

– Сегодня за мой счет.

Он кладет на стол плату и чаевые. Мы все встаем и потягиваемся.

– Ну что, кто куда? – спрашивает Майлз.

– В бар, – выпаливает Корбин, словно боится, как бы его кто-нибудь не опередил.

– Я только что отработала двенадцатичасовую смену и еле держусь на ногах, – говорю я.

– Не возражаешь, если я поеду с тобой? – спрашивает Майлз, когда мы все выходим на улицу. – Не хочу никуда идти. Хочу только спать.

Мне приятно, что Майлз так явно подчеркивает слово «спать», даже несмотря на присутствие Корбина. Будто хочет убедиться, что я поняла: как раз спать он и не намерен.

– Не вопрос. Моя машина рядом с больницей. – Я машу рукой в нужном направлении.

– Ну хорошо, – произносит Корбин, сцепляя руки в замок. – Вы, слабаки, – спать, а мы с Иэном – веселиться.

И, не теряя ни минуты, они оба направляются в противоположную сторону.

На ходу Корбин разворачивается и какое-то время идет лицом к нам, не отставая от Иэна.

– Мы выпьем бокал в вашу честь, эль, капитан!

Мы с Майлзом стоим в свете уличного фонаря и смотрим им вслед. Я выставляю ногу к краю светящегося круга и наблюдаю, как она растворяется в темноте. Фонарь льет на нас свет, словно прожектор.

– Мы как будто на сцене, – говорю я.

Майлз запрокидывает голову и тоже изучает странное освещение:

– «Английский пациент».

Я вопросительно поднимаю на него глаза.

– Если бы мы играли на сцене, то это была бы постановка «Английского пациента». Мы даже одеты соответственно: пилот и медсестра.

Я обдумываю его слова – возможно, излишне серьезно. Конечно, Майлз пилот, однако в «Английском пациенте» он, скорее, играл бы солдата. Это ведь у солдата сексуальная связь с медсестрой.

С другой стороны, у пилота таинственное прошлое...

– Из-за этого фильма я и стала медсестрой, – с серьезным видом выдаю я.

– Правда?

Я хихикаю.

– Неправда.

Майлз улыбается.

Хм, похоже на начало стихотворения...

Мы поворачиваемся одновременно и шагаем в сторону больницы.

Я пользуюсь заминкой в разговоре, чтобы сочинить довольно бездарное стихотворение:

Майлз улыбается
Средь бела дня –
Майлз улыбается
Лишь для меня!

– Почему ты ухмыляешься? – спрашивает Майлз.

Потому что придумываю про тебя дурацкие стишки на уровне детского сада...

Я сжимаю губы. Жду, пока не исчезнет улыбка, и только потом говорю:

– Просто думаю о том, как сильно я устала. Хочу хорошенько... – Ловлю его взгляд и заканчиваю: – ...выспаться.

Теперь ухмыляется Майлз.

– Как же я тебя понимаю! В жизни так не уставал. Боюсь, что усну прямо в машине.

Было бы неплохо...

Я не в состоянии продолжать эту иносказательную беседу. День выдался долгий, я и вправду утомлена. Замолкаем, продолжаем путь. Майлз держит руки в карманах куртки, словно хочет уберечь меня от них... или их от меня.

Примерно в квартале от больницы Майлз постепенно замедляет шаг и совсем останавливается. Естественно, я тоже останавливаюсь и смотрю на него. Он стоит, глядя в небо, и мой взгляд упирается в шрам на его подбородке. Я хочу спросить про шрам. Хочу спросить про

все. Задать миллион вопросов: когда у него день рождения и каков был его первый поцелуй. А потом разузнать про его родителей, детство и первую любовь.

Хочу спросить про Рейчел: что между ними произошло и почему после этого Майлз отказался от любого намека на близость.

А главное – хочу спросить, что же такое во мне заставило Майлза положить конец этому воздержанию.

– Майлз... – произношу я, а на языке вертятся все вопросы сразу.

– На меня капнуло, – говорит он.

Прежде чем Майлз успевает окончить фразу, на меня тоже капает. Мы оба смотрим в небо. Свои вопросы я сглатываю вместе с комком в горле. Капли падают все чаще, но мы стоим, запрокинув головы. Отдельные капли превратились в струйки, а струйки – в настоящий дождь, а мы все не двигаемся с места – не бежим, сломя голову, к машине. Вода течет по коже, по шее, забирается в волосы и пропитывает одежду. Я не опускаю лицо, только крепко сжимаю веки.

Ничто на свете не сравнится с ощущением, с запахом только что начавшегося дождя.

Едва эта мысль приходит мне в голову, как теплые ладони касаются моих щек, потом скользят к шее. Колени подгибаются, дыхание перехватывает. Телом Майлз загораживает меня от дождя, но я все равно держу глаза закрытыми, а лицо – обращенным к небу. Его губы нежно прижимаются к моим, и я невольно сравниваю ощущение от дождя с его поцелуем.

Поцелуй в сто, в тысячу раз лучше.

Губы Майлза мокрые и прохладные, а язык теплый. Дождь, темнота и этот поцелуй создают ощущение, что мы действительно на сцене и наша история достигла кульминации. Сердце и душа рвутся из меня к Майлзу. Если построить график моей жизни, этот момент станет его наивысшей точкой.

По-хорошему при этой мысли мне должно стать грустно. У меня и раньше бывали романы, но ни один поцелуй не вызывал таких сильных чувств. Между мной и Майлзом нет серьезных отношений, а он так на меня действует. О чем-то это говорит, но я слишком занята поцелуем, чтобы размышлять, о чем именно.

Дождь превратился в ливень, но мы не обращаем на это внимания. Майлз кладет руки мне на талию. Я дергаю его за рубашку и еще ближе притягиваю к себе. Наши губы идеально подходят друг к другу, словно две детали одной головоломки.

Единственное, что может нас разделить нас, – удар молнии.

Или опасность утонуть под дождем. Даже не думала, что одежда может прилипать к тем частям тела, к которым прилипла сейчас. Волосы полностью пропитаны влагой и не могут вобрать больше ни капли.

Я отталкиваю Майлза и утыкаюсь макушкой ему в подбородок, чтобы перевести дух и при этом не захлебнуться. Он обнимает меня за плечи и ведет к стоянке, держа надо мной свою куртку. Быстрее, быстрее, и вот мы уже бежим.

Он ждет, пока я запрыгну на место водителя, и лишь затем обегает машину и тоже садится. Мы захлопываем дверцы, в тишине салона особенно громко слышно наше тяжелое дыхание. Я поднимаю руки, чтобы выжать мокрые волосы. Вода течет по шее, спине и сиденью. Хорошо, что в машине кожаные кресла.

Откидываю голову назад, глубоко вздыхаю и смотрю боковым зрением на Майлза.

– Ух, какая же я мокрая!

На лице Майлза широченная улыбка. Он явно подумал не о том.

– Извращенец! – игриво шепчу я.

Он усмехается.

– Сама виновата! – он тянет меня за руку. – Иди сюда!

Я быстро оглядываюсь по сторонам. Дождь льет стеной, снаружи ничего не видать. Значит, и внутри никто не сможет заглянуть.

Я сажусь на Майлза верхом. Он до предела откидывает спинку сиденья, но не целует меня. Его руки скользят вниз по моим рукам, пока не доходят до бедер.

– Никогда не занимался сексом в машине.

В этом признании слышна робкая надежда.

– Никогда не занималась сексом с капитаном.

Майлз запускает руки мне под блузу. Проводит ими по животу, берет мою грудь в ладони, целует в губы. Наш поцелуй длится недолго, потому что Майлз опять заговаривает:

– Никогда не занимался сексом в качестве капитана.

– Никогда не занималась сексом в медицинской форме.

Руки Майлза скользят по моей спине, проныривают под пояс штанов и ложатся на бедра. Он притягивает меня к себе и одновременно слегка приподнимается. Я беззвучно охаю и крепче стискиваю его плечи.

Майлз опять притягивает меня к себе, задавая чувственный ритм, и шепчет в ухо:

– В форме ты ужасно обольстительна, но я бы предпочел, чтобы сейчас ты была без нее.

Мне неловко оттого, что Майлз одними словами может вызвать у меня стон. Неловко, что его голос так быстро способен меня взволновать. Не уверена, кому сильнее хочется, чтобы я оказалась без одежды: мне или ему.

– Скажи, что ты подготовился, – молю я голосом, хриплым от желания.

– Если я заранее знал о нашей встрече, это еще не значит, что я на что-то рассчитывал.

Какое разочарование...

Майлз приподнимается на сиденье и сует руку в задний карман.

– Не рассчитывал, но надеялся.

Он с улыбкой достает из бумажника презерватив, и мы оба переходим к решительным действиям. Я нащупываю пуговицу на его брюках прежде, чем встречаются наши губы. Майлз запускает руки мне под блузу и хочет расстегнуть лифчик.

– Оставь, – тяжело дыша, говорю я.

Чем меньше одежды мы снимем, тем быстрее сможем одеться, если нас застукают.

Несмотря на мои возражения, Майлз по-прежнему возится с застежкой.

– Не хочу входить в тебя, если не буду чувствовать тебя всем телом.

Ого... Тогда ладно.

Справившись с застежкой, он стягивает с меня блузу, затем поддевает пальцами бюстгалтера и снимает лифчик. Забрасывает его на заднее сиденье и стаскивает рубашку. Она летит вслед за лифчиком, и наши обнаженные тела соприкасаются.

Мы оба судорожно вдыхаем. Его теплая кожа будит во мне такие ощущения, что не хочется отстраняться.

Он целует меня в шею, обдавая ее жарким дыханием.

– Ты даже не представляешь, что со мной делаешь, – шепчет Майлз, припав губами к моему горлу.

Я невольно улыбаюсь: в голове у меня та же мысль.

– Думаю, представляю, – говорю я вслух.

Левой рукой Майлз обхватывает мою грудь, правую со стоном запускает мне в штаны.

– Сними, – просто говорит он, дергая за резинку.

Меня не нужно просить дважды. Я перебираюсь на водительское сиденье и стягиваю оставшуюся одежду, наблюдая за тем, как Майлз расстегивает ширинку. Он, не сводя с меня глаз, рвет зубами упаковку с презервативом. Когда единственной преградой между нами остаются его брюки, я пересаживаюсь к нему поближе.

Меня почему-то ужасно смущает, что я голая сижу в машине перед собственной работой. В жизни ничего похожего не делала. Да и не хотела. Мне нравится, как отчаянно мы друг друга желаем. К другим я не испытывала ничего подобного.

Я кладу руки на плечи Майлзу и усаживаюсь на него верхом, он меж тем натягивает презерватив.

– Постарайся вести себя тихо, – насмешливо велит Майлз. – Не хочу, чтобы тебя выгнали с работы по моей вине.

Я смотрю на окно: за стеклом по-прежнему ничего не видно.

– Дождь слишком сильный – никто не услышит. К тому же в прошлый раз от тебя шуму было гораздо больше.

В ответ Майлз только смеется и снова начинает меня целовать. Берет меня за бедра и готовится войти. Обычно я бы уже застонала, но его слова вызвали во мне упрямый протест.

– Неправда, что от меня больше шуму, – произносит Майлз, касаясь губами моих губ. – Счет был как минимум равный.

– Равный счет – это не по мне. Ничья – просто увертка для тех, кто боится проиграть.

Мы в таком положении, что стоит мне только захотеть, и он окажется внутри. Однако я медлю – просто потому, что люблю состязания.

Майлз приподнимается, явно готовый начать. Я напрягаю ноги и слегка отодвигаюсь.

Он смеется над моим упрямством.

– Что, Тейт, испугалась? Боишься, если я окажусь внутри, мы сразу выясним, от кого из нас больше шуму?

Глаза у Майлза вызывающе блестят. Вслух я на вызов не отвечаю – просто медленно опускаюсь на него. У нас обоих перехватывает дыхание, но это единственный звук, который мы издаем.

Мы оба молчим – только тяжело дышим и ловим ртом воздух. Дождь, бьющий по окнам, лишь подчеркивает царящую в машине тишину.

Чем больше мы сдерживаемся, тем острее потребность еще крепче прижаться друг к другу. Майлз обхватывает меня за талию – с такой силой, что почти невозможно пошевелиться. Мои руки обвивают его шею, глаза закрыты. Мы практически не двигаемся, но мне это нравится. Нравится, какой медленный и ровный ритм мы задаем, изо всех сил подавляя стоны.

Несколько минут мы продолжаем в том же темпе – двигаемся как раз достаточно и в то же время совсем недостаточно. Кажется, мы оба боимся совершить лишнее движение, чтобы не проиграть.

Одну руку Майлз кладет мне на поясницу, другой придерживает за затылок. Он осторожно тянет меня за волосы, чтобы я подставила шею под поцелуй. Когда его губы касаются моего горла, я вздрагиваю. Соблюдать тишину гораздо сложнее, чем я ожидала. Тем более что преимущество на стороне Майлза. В этой позе его руки вольны перемещаться по всему моему телу, что они сейчас и делают: гладят, ласкают, скользят вниз по животу, чтобы заставить меня отказаться от победы.

По-моему, он жульничает.

Когда пальцы Майлза находят ту точку, от прикосновения к которой я обычно выкрикиваю его имя, я сильнее стискиваю его плечи и сажусь таким образом, чтобы двигаться свободнее. Хочу подвергнуть Майлза такой же пытке.

Стоило мне поменять позу и глубже опуститься на него, как медленный и ровный ритм тут же исчез. Наши губы слились в неистовом поцелуе, в котором больше желания и страсти, чем во всех предыдущих. Мы словно хотим заглушить этим поцелуем потребность выразить наслаждение стонами и криками.

Мое тело сотрясает дрожь. Я слегка приподнимаюсь и замираю, чтобы не проиграть. Мне необходимо сбавить темп, но Майлз делает ровно наоборот и надавливает сильнее. Я утыкаюсь лицом ему в шею и легонько покусываю его за плечо, чтобы не застонать. Когда мои зубы касаются кожи Майлза, он задерживает дыхание и напрягает ноги.

Он почти проиграл.

Почти.

Если сделает хотя бы одно движение, то выиграет. Не хочу, чтобы Майлз выиграл. С другой стороны, в каком-то смысле именно этого я и хочу. Майлз и сам настроен победить, судя по тому, как он дышит мне в шею и осторожно опускает меня на себя.

Майлз, Майлз, Майлз...

Он чувствует, что дело ничьей не кончится, и надавливает еще сильнее, одновременно касаясь языком моего уха.

О господи...

Сейчас проиграю...

Уже вот-вот...

О, боже мой...

Майлз подается вперед и одновременно притягивает меня к себе.

Я выкрикиваю его имя, стону и ловлю ртом воздух.

Хочу приподняться, но едва Майлз осознает, что победил, как шумно выдыхает и с еще большей силой прижимает меня к себе.

– Наконец-то... – бормочет он, уткнувшись лицом мне в шею. – Вряд ли я продержался бы еще хоть секунду.

Теперь, когда состязание окончено, мы наконец даем себе волю так, что приходится заглушать стоны поцелуями. Наши тела движутся синхронно, быстрее и быстрее, сливаясь друг с другом все сильнее и сильнее. Этот безумный ритм продолжается несколько минут, нарастая, и вот я чувствую, что не вынесу больше ни секунды.

– Тейт, – шепчет Майлз мне в губы, придерживая за бедра, чтобы замедлить ритм моих движений. – Хочу, чтобы мы кончили вместе.

О боже...

Если нужно, чтобы я продержалась еще хоть немного, нельзя говорить таких слов!

Я киваю, не в силах ответить ничего внятного.

– Ты уже близко? – спрашивает Майлз.

Я снова киваю и пытаюсь что-то выговорить, но у меня получается лишь стон.

– Это было «да»?

Майлз перестает меня целовать и ждет ответа. Я кладу руки ему на затылок и прижимаюсь щекой к его щеке.

– Да... – шепчу я. – Да, Майлз... Да...

Мое тело начинает напрягаться, и в тот же миг он судорожно втягивает ртом воздух.

Я думала, мы и так крепко сжимали друг друга в объятиях, но это не шло ни в какое сравнение с тем, что происходит сейчас. Наши чувства слились воедино, мы ощущаем одно и то же, издаем одни и те же звуки, испытываем одинаково острое наслаждение.

Понемногу ритм становится медленнее, а дрожь проходит. Мы ослабляем хватку. Майлз зарывается лицом мне в волосы.

– Продула! – шепчет он.

Я смеюсь и игриво покусываю его шею.

– Ты жульничал! Пользовался запрещенными приемами – пускал в ход руки!

– Руки – вполне законное средство. Но если считаешь, что я жульничал, можно устроить матч-реванш.

– Две победы из трех?

Майлз приподнимает меня за талию и усаживает на сиденье, а сам перебирается за руль. Подает мне одежду, натягивает рубашку, застегивает брюки. Когда он заканчивает одеваться, я уже привела себя в порядок. Майлз дает задний ход и выезжает со стоянки.

– Пристегнись, – велит он и подмигивает.

* * *

Мы едва успели выйти из лифта, не говоря уже о том, чтобы добраться до кровати. Майлз чуть не взял меня прямо в коридоре. Самое печальное, что я была бы не против.

Он снова выиграл. Не слишком-то умно устраивать подобные состязания с самым тихим из всех моих знакомых.

Отыграюсь в третьем раунде. Только не сегодня, потому что Корбин может скоро вернуться.

Майлз пронзительно смотрит на меня. Он лежит на животе, обняв подушку и положив голову на руки. Я одеваюсь. Хочу вернуться в квартиру раньше брата, чтобы не пришлось объяснять, где я была.

– По-моему, твой лифчик остался в коридоре, – со смехом говорит Майлз. – Лучше подбери, пока Корбин его не обнаружил.

При одной только мысли об этом я морщусь нос.

– Так и сделаю!

Я коленями упираюсь в постель и чмокаю Майлза в щеку. Он переворачивается на спину, притягивает меня к себе и целует.

– Можно спросить тебя кое о чем?

Майлз кивает, но неохотно. Мой интерес его настораживает.

– Почему ты никогда не смотришь мне в глаза, когда мы занимаемся сексом?

Мой вопрос застал его врасплох, и несколько секунд он молча смотрит на меня. Я отстраняюсь и сажусь рядом.

Майлз тоже садится и прислоняется к спинке кровати.

– Во время секса люди уязвимы, – говорит он, глядя на свои руки. – В такие минуты легко принять чувства и эмоции за то, чем они на самом деле не являются, особенно если смотреть человеку в глаза. Тебе это неприятно?

Я отрицательно качаю головой, хотя мое сердце кричит: «Да!»

– Просто спросила. Со временем привыкну.

Мне нравится быть с Майлзом, но с каждой новой ложью, которую я произношу, я все больше себя ненавижу.

Майлз улыбается и притягивает меня к себе для прощального поцелуя.

– Спокойной ночи, Тейт.

Я выхожу из комнаты, чувствуя на себе его взгляд. Странно, что Майлз не смотрит на меня, когда мы занимаемся сексом, а все остальное время не может оторвать от меня глаз.

Домой идти не хочется, а потому, когда нахожусь в коридоре лифчик, спускаюсь на первый этаж, чтобы проверить, на месте ли Кэп. Я едва успела помахать ему, прежде чем Майлз втолкнул меня в лифт и начал раздевать.

Разумеется, Кэп по-прежнему сидит на месте, хотя уже одиннадцатый час.

– Ты вообще когда-нибудь спишь? – спрашиваю я, приближаясь к соседнему креслу.

– По вечерам люди гораздо интереснее. К тому же я люблю поспать подольше, чтобы не встречаться с теми дураками, которые куда-то спешат по утрам.

Я откидываю голову на спинку кресла и вздыхаю – гораздо громче, чем собиралась. Кэп с любопытством поглядывает на меня.

– О нет... Ты что, поссорилась с малышом? Пару часов назад у вас вроде бы все шло отлично. Мне даже показалось, я заметил на его лице намек на улыбку.

– У нас все хорошо.

Несколько мгновений я молчу, чтобы собраться с мыслями.

– Кэп, ты когда-нибудь был влюблен?

Лицо старика расплывается в улыбке.

– О да. Ее звали Ванда.

– Сколько вы прожили в браке?

– Сам я никогда не был женат. А брак Ванды продлился, наверное, лет сорок – до самой ее смерти.

Я недоуменно склоняю голову набок:

– Придется тебе рассказать поподробнее.

Кэп выпрямляется. Улыбка не сходит с его лица.

– Ванда жила в одном из тех многоквартирных зданий, обслуживанием которых я занимался. Ее муж, тот еще мерзавец, бывал дома не больше двух недель в месяц. Я влюбился в Ванду, когда мне было лет тридцать, а ей – двадцать пять. В те времена люди не разводились, если уж однажды вступили в брак. Особенно женщины, выросшие в семье, как у нее. Поэтому следующие двадцать пять лет я любил ее так сильно, как только мог – по две недели в месяц.

Я молча смотрю на Кэпа, не зная, что ответить. Такие любовные истории не принято рассказывать посторонним. Не уверена, можно ли вообще считать это любовной историей.

– Догадываюсь, о чем ты думаешь. Звучит удручающе. Больше похоже на трагедию.

Я утвердительно киваю.

– Любовь не всегда выглядит привлекательно, – говорит Кэп. – Иногда надеешься, что в итоге она превратится во что-то большее. Что-то лучшее. Но не успеваешь оглянуться, как опять стоишь на исходной позиции, потеряв где-то по дороге сердце.

Я отвожу взгляд и смотрю прямо перед собой. Не хочу, чтобы Кэп заметил, как я хмурюсь.

Может, именно этим я и занимаюсь? Жду, что наши отношения с Майлзом превратятся во что-то другое? Что-то лучшее? Я обдумываю слова Кэпа слишком долго. Так долго, что в итоге слышу храп. Поворачиваюсь и вижу, что старик крепко спит, уронив голову на грудь и широко открыв рот.

Глава восемнадцатая

Майлз

Шестью годами ранее

Я глажу ее по спине.

– Еще две минуты.

Она не отнимает рук от лица. Не хочет смотреть.

Я не говорю, что ждать две минуты не обязательно – результат и так яснее ясного.

Не говорю, что она беременна, потому что у нее осталось еще две минуты надежды.

Я продолжаю гладить Рейчел по спине. Когда срабатывает таймер, она не двигается с места. Не смотрит. Я прижимаюсь щекой к ее щеке и шепчу ей на ухо:

– Прости меня, Рейчел. Прости.

Рейчел плачет.

При звуке ее рыданий мое сердце разбивается.

Это я виноват. Это я во всем виноват.

Единственное, что можно теперь сделать, – как-то загладить свою вину.

Я поворачиваю ее лицом к себе и обнимаю.

– Я скажу им, что ты плохо себя чувствуешь и не пойдешь сегодня в школу. Оставайся дома, пока я не вернусь.

Рейчел даже не кивает в ответ. Она все еще плачет, поэтому я отношу ее в постель. Вернувшись в туалет, упаковываю тест на беременность и прячу под раковину, к самой стене. Потом бегу к себе в комнату, поспешно переодеваюсь и ухожу.

Я отсутствую почти целый день – заглаживаю свою вину.

Когда останавливаю машину перед домом, до возвращения отца с Лисой остается еще почти час. Я беру в охапку вещи с переднего сиденья и спешу к Рейчел. Впопыхах я забыл дома телефон, так что не мог даже позвонить. Я бы солгал, если бы сказал, что мысль об этом не сводила меня с ума.

Вхожу в дом.

Приближаюсь к ее комнате.

Хочу повернуть ручку, но дверь заперта изнутри.

Стучу.

– Рейчел?..

Какое-то движение. Что-то ударяется о дверь, и я отскакиваю назад.

– Рейчел! – отчаянно кричу я. – Открой!

В ответ слышу ее рыдания.

– Убирайся!

Я отступаю на два шага, бросаюсь вперед и плечом врезаюсь в дверь, она распадается. Рейчел лежит на постели, скорчившись и закрыв лицо руками.

Подбегаю к ней.

Она меня отталкивает.

Снова приближаюсь.

Она бьет меня по щеке, потом вскакивает с кровати и толкает в грудь.

– Ненавижу тебя! – кричит Рейчел сквозь слезы.

Я хватаю ее за руки и пробую успокоить, но она еще больше разъяряется.

– Уйди! Если не хочешь иметь со мной ничего общего, просто уйди!

Ее слова меня ранят.

– Рейчел, перестань! – молю я. – Я здесь и никуда не уйду.

Рейчел заходится от рыданий. Кричит на меня. Говорит, что я ее бросил. Уложил в постель и ушел, потому что не выдержал. Разочаровался в ней.

Я люблю тебя, Рейчел... Больше, чем себя самого...

– Нет, детка, – говорю я, притягивая ее к себе. – Я тебя не бросил. Я же сказал, что вернусь.

Как же она не поняла, зачем я уехал?

Как же я ей не объяснил?

Я усаживаю ее на кровать.

– Рейчел, – продолжаю я, дотрагиваясь до ее мокрой от слез щеки. – Я в тебе не разочарован. Нисколько. Я разочарован в себе, поэтому хочу сделать все что могу. Для тебя. Для нас. Этим я сегодня и занимался – искал способ изменить все к лучшему.

Я беру папки и раскладываю их на кровати. Демонстрирую взятые в университете проспекты о жилье для молодых семей, бланки, которые необходимо заполнить, чтобы получить бесплатное место в детском саду кампуса, рассказываю о денежных пособиях, вечерних лекциях, онлайн-курсах, консультантах по планированию учебной программы, а также о том, как это все будет сочетаться с расписанием моих занятий в летной школе. Все возможные варианты лежат у Рейчел перед глазами, и я хочу, чтобы она поняла: пусть мы этого не желали, не планировали... но мы справимся.

– Знаю, с ребенком будет трудно. Но ничего невозможного тут нет.

Рейчел смотрит на бумаги. Внезапно плечи у нее начинают содрогаться, из глаз катятся крупные слезы. Она пододвигается ближе и обвивает мою шею руками.

Говорит, что любит меня.

Как же ты любишь меня, Рейчел...

Целует снова и снова.

– Мы справимся, – шепчет она.

Я обнимаю ее в ответ.

– Мы справимся, Рейчел.

Глава девятнадцатая

Тейт

Четверг.

Корбин с друзьями смотрит футбол.

Обычно шум телевизора действует мне на нервы. Сегодня он – музыка для моих ушей, ибо это значит, что Майлз у нас дома. Понятия не имею, чего ожидать от него и от нашего соглашения. Все те пять дней, что Майлз отсутствовал, мы не перезванивались и даже не переписывались.

Я слишком много думаю о Майлзе. Именно поэтому следовало бы остановиться. Для мимолетной связи все серьезно, даже слишком. С той ночи под дождем все мои мысли только о нем. Когда собираюсь открыть дверь и войти в квартиру, рука у меня дрожит, потому что Майлз, возможно, уже там.

Захожу. Первым поднимает голову Корбин. Кивает, но даже не здоровается. Иэн машет рукой и тут же снова поворачивается к экрану. Диллон словно сканирует меня, и я собираю всю свою волю в кулак, чтобы не закатить глаза.

Майлз не делает ничего, потому что Майлза попросту нет.

Тут же сникаю от разочарования. Бросаю сумочку на свободное кресло и мысленно твержу себе, что это даже к лучшему, потому что все равно мне надо заниматься.

– В холодильнике есть пицца, – сообщает Корбин.

– Ага.

Иду в кухню и открываю шкаф. Слышу шаги, сердце начинает биться быстрее.

Кто-то дотрагивается до моей спины. Я невольно улыбаюсь и поворачиваюсь к Майлзу.

Это не Майлз. Это Диллон.

– Привет, Тейт, – говорит он и тянется в шкаф поверх моего плеча.

Руку не убирает. Но, когда я поворачиваюсь, она соскальзывает мне на талию.

– Просто хочу взять стакан для пива, – произносит Диллон в качестве оправдания.

Он стоит вплотную. Касается меня. Его лицо всего в нескольких дюймах от моего.

И зачем я улыбнулась, прежде чем повернуться? Теперь он точно подумает что-нибудь не то.

– У меня в кармане стаканов нет, – отвечаю я, отталкивая его руку.

И в это самое мгновение на кухню входит Майлз. Его глаза сверлят дыру там, куда прикоснулся Диллон.

Майлз все видел, и теперь он смотрит на Диллона так, словно тот совершил убийство.

– С каких это пор ты пьешь пиво из стакана? – спрашивает Майлз.

Диллон оборачивается к нему, потом, с откровенно игривой улыбкой, ко мне.

– С тех пор как Тейт стоит рядом со шкафом.

Проклятье... Он даже не пытается скрыть своих намерений. Думает, я на него запала.

Майлз подходит к холодильнику и открывает дверцу.

– Послушай, Диллон, а как дела у твоей жены?

Майлз даже не делает вид, будто хочет что-то достать. Просто стоит и смотрит в холодильник, сжимая ручку с такой силой, с какой ее еще никогда не сжимали.

Диллон по-прежнему пялится на меня.

– Жена на работе, – с ударением произносит он. – Вернется только часа через четыре.

Майлз захлопывает холодильник и делает два шага к Диллону. Диллон выпрямляется, а я отскакиваю в сторону.

– Корбин прямым текстом просил тебя не подходить к его сестре. Прояви же к нему хоть немного уважения, черт тебя подери!

Диллон стискивает зубы. Он не отступает назад и не отводит взгляда. Наоборот, делает шаг навстречу Майлзу, сокращая расстояние между ними.

– По-моему, Корбин вообще тут ни при чем, – злобно цедит он.

Сердце так и колотится. Я чувствую себя виноватой в том, что невольно обнадежила Диллона, и еще более виноватой в их с Майлзом ссоре. Но, черт побери, мне нравится, что Майлз так на него взъелся. Знать бы еще, за что. За то, что Диллон флиртует с девушкой, несмотря на жену? Или за то, что он заигрывает именно со мной?

На пороге возникает Корбин.

Черт...

– Как это Корбин ни при чем? – спрашивает он, наблюдая за тем, как Майлз и Диллон глазами мечут друг в друга молнии.

Майлз отступает и поворачивается так, чтобы видеть и Диллона, и Корбина.

– Он хочет трахнуть твою сестру.

Господи, Майлз, выбирай выражения!

Корбин даже не вздрагивает.

– Возвращайся к женошке, Диллон, – твердо произносит он.

Мне ужасно неловко, но я даже не пытаюсь вмешаться и выступить в защиту Диллона: по-моему, Корбин с Майлзом давно уже искали повод его выставить. К тому же я не собираюсь защищать человека, который не питает ни малейшего уважения к собственной супруге. Несколько мучительно долгих мгновений Диллон молча смотрит на Корбина, затем обращается ко мне.

Этому парню что, жить надоело?!

– Номер моей квартиры 1012, – шепчет Диллон и подмигивает. – Заходи в гости. По вечерам жена на работе. – Он проходит между Корбином и Майлзом. – Что же до вас двоих... да пошли вы!

Корбин бросается на Диллона, но Майлз хватает его за руку и удерживает, пока не хлопает входная дверь.

Корбин поворачивается ко мне, стиснув кулаки до хруста. Вид у него разъяренный, лицо красное. Разве что пар из ушей не идет. А я и забыла, как неистово он меня оберегает.

Такое чувство, что мне снова пятнадцать. Только теперь у меня не один, а целых два не в меру заботливых братца.

– Тейт, немедленно забудь номер его квартиры!

Немного обидно, что брат решил, будто меня интересует адрес Диллона.

– Корбин, у меня тоже есть определенные принципы.

Он кивает и пробует успокоиться: делает глубокий вдох, сжимает челюсти и уходит в гостиную.

Майлз стоит, прислонившись к столу и глядя в пол.

Я молча смотрю на него, пока он не поднимает голову. Он кидает в сторону гостиной быстрый взгляд, потом подходит ко мне. С каждым его шагом я все сильнее вжимаюсь в стол, чтобы скрыться от его глаз, хотя бежать, собственно, некуда.

От Майлза хорошо пахнет. По-моему, яблоками. Запретный плод...

– Спроси, можно ли тебе позаниматься у меня, – шепчет он.

Странная просьба после только что случившегося. Однако я повинуюсь.

– Можно мне позаниматься у тебя?

Он с улыбкой прижимается головой к моей голове и с тихим смешком говорит:

– Я имел в виду, спроси при брате. Чтобы у тебя был предлог пойти ко мне.

Надо же, как неловко...

Теперь Майлз в курсе, что рядом с ним я – не Тейт, а просто вода. Податливая. Исполняющая все, о чем он попросит. Все, что скажет. Все, что пожелает.

– А-а... – тяну я. – Теперь понятно.

Майлз по-прежнему улыбается. Я только сейчас поняла, как соскучилась по его улыбке. Вот бы он улыбался всегда. Не переставая. Глядя на меня.

Майлз уходит в гостиную, а я спешу к себе в комнату и принимаю душ в рекордно короткий срок.

* * *

Даже не подозревала, что я такая хорошая актриса.

Впрочем, я репетировала. Целых пять минут. Стояла у себя в комнате и пыталась придумать наиболее естественную фразу, чтобы попросить у Майлза ключ. В итоге дождалась особенно шумного момента в игре, влетела в гостиную и закричала:

– Или сделайте тише, или уходите в соседнюю квартиру! Я пытаюсь заниматься, черт побери!

Майлз попытался скрыть улыбку. Иэн бросил на меня косой взгляд, а Корбин только закатил глаза.

– Вот сама и уходи в соседнюю квартиру. Не мешай смотреть матч. Ей ведь можно позаниматься у тебя? – добавил он, повернувшись к Майлзу.

– Конечно. Я ей открою.

Я хватаю книги, выхожу вслед за Майлзом, и вот – мы почти у него.

Майлз открывает дверь, хотя она и не заперта. Корбин, Впрочем, об этом не догадывается. Майлз заходит, я проскальзываю следом, и мы разворачивается лицом друг к другу.

– Мне и правда нужно заниматься.

Не знаю, какие у Майлза ожидания, но хочу дать ему понять: если его не было несколько дней, это еще не значит, что он на первом месте в моем списке приоритетов.

Хотя именно так и есть.

– А мне и правда хочется посмотреть футбол.

Он берет у меня книги, относит их на стол и идет на меня, пока наши губы не встречаются. Дальше идти некуда – я уперлась спиной в дверь.

Майлз обхватывает меня за талию, я его за плечи. Его язык проскальзывает мне в рот, и я с готовностью принимаю его.

Внезапно Майлз отстраняется и смотрит на меня так, словно это я виновата, что ему нужно уходить. Он проводит руками по лицу и тяжело вздыхает.

– Ты не успела поесть. Сейчас принесу тебе пиццы.

Майлз опять идет прямо на меня, но я молча уступаю дорогу. Он исчезает за дверью.

Какой же он странный...

Я раскладываю на столе книги. Собираюсь сесть и позаниматься, как распахивается дверь, и Майлз проходит на кухню с тарелкой в руках. Ставит ее в микроволновку, нажимает несколько кнопок и идет напрямик ко мне. Вид у него такой решительный, что хочется попятиться назад, но там стол, отступить некуда.

Майлз торопливо целует меня в губы.

– Я должен вернуться. Все в порядке?

Я киваю.

– Тебе что-нибудь нужно?

Я качаю головой.

– В холодильнике есть сок и вода.

– Спасибо.

Он еще раз быстро целует меня, прежде чем уйти.
Я падаю на стул.
Какой же он милый...
К такому обращению легко привыкнуть.
Достаю блокнот и берусь за учебники. Через полчаса приходит эсэмэска.

Майлз: «Как учеба?»

Я улыбаюсь как идиотка. Он отсутствовал девять дней и не прислал ни одного сообщения, а теперь переписывается со мной из соседней квартиры!

Я: «Хорошо. А как игра?»

Майлз: «Объявили перерыв. Наши проигрывают».

Я: «Облом».

Майлз: «Ты знала, что у меня нет кабельного».

Я: «???»

Майлз: «Ты велела нам отправляться в соседнюю квартиру и смотреть игру там, хотя знала, что у меня нет кабельного. По-моему, Иэн что-то заподозрил».

Я: «Ой... как-то не подумала».

Майлз: «Все в порядке. Он только многозначительно на меня смотрит, как будто о чем-то догадывается. Если честно, мне не важно, в курсе Иэн или нет. Все остальное ему обо мне уже известно».

Я: «Странно, что ты до сих пор ему не рассказал. Разве не все мужчины хвастаются своими победами?»

Майлз: «Я – нет».

Я: «Видимо, ты исключение. А теперь не мешай – мне нужно заниматься».

Майлз: «Не возвращайся, пока не приду и не скажу, что игра окончена».

Я кладу телефон на стол, не в силах стереть с лица улыбку.

* * *

Через час Майлз входит в квартиру, захлопывает за собой дверь и небрежно к ней прислоняется.

– Игра окончена.

Я кладу ручку на стол.

– Отлично. Как раз покончила с домашкой.

Майлз глядит на разложенные на столе книги.

– Корбин, наверное, тебя ждет.

Намек, что мне пора на выход? Или просто констатация факта? На всякий случай встаю и начинаю собирать вещи, стараясь скрыть разочарование.

Майлз приближается, забирает у меня книги и кладет их на прежнее место. Потом обхватывает меня за талию и усаживает на стол.

– Это не значит, что я тебя выпроваживаю, – твердо произносит он, глядя мне прямо в глаза.

Я не улыбаюсь, потому что вновь нервничаю. Всякий раз, как он смотрит на меня так пристально, мне не по себе.

Майлз пододвигает меня к самому краю и устраивается между моих колен. Его руки на моей талии, а губы касаются щеки.

– Я думал о сегодняшнем вечере, – негромко произносит он. Его дыхание щекочет мне шею, отчего кожа покрывается мурашками. – О том, что ты весь день на занятиях. – Он подсовывает под меня руки. – О том, что каждую неделю работаешь по выходным.

Я обвиваю его ногами, и он относит меня в спальню.

Кладет на кровать.

Ложится сверху, убирает волосы с моего лица, ловит мой взгляд.

– И вдруг я осознал, что ты совсем не отдыхаешь.

Между фразами Майлз нежно целует меня в щеку.

– У тебя не было выходных с самого Дня благодарения, так ведь?

Непонятно, зачем он столько говорит, но мне это нравится.

Рука Майлза проскальзывает под мою футболку – вверх по животу, пока не находит грудь.

– Наверняка ужасно устала.

– Вовсе нет.

Я лгу.

Я совершенно вымотана.

Майлз заглядывает мне в глаза.

– Неправда, – говорит он, проводя большим пальцем по соску, прикрытому только тонкой тканью лифчика. – Я вижу, что устала.

Он дотрагивается губами до моих губ – так нежно, что я едва их чувствую.

– Я просто тебя поцелую, хорошо? А потом ты вернешься к себе и как следует отдохнешь. Не хочу, чтобы ты думала, будто я чего-то от тебя жду только потому, что мы оба дома.

Он снова целует меня, но прикосновение его губ не идет ни в какое сравнение с тем, что делают со мной его слова.

Никогда не думала, что забота так возбуждает.

Еще как.

Он запускает руку мне под лифчик и целует меня уже по-настоящему.

Каждый раз, как наши языки соприкасаются, голова идет кругом. Неужели это может когда-нибудь надоесть?..

Майлз обещал, что просто меня поцелует, но у нас явно разные представления о поцелуях.

Его губы повсюду.

Руки тоже.

Он задирает на мне футболку и стягивает с одной груди лифчик. Дразняще прикасается к ней языком. Губы у него теплые, язык – еще теплее, и я постанываю от наслаждения.

Приподнявшись на локте, Майлз скользит ладонью по моему животу, затем по джинсам, пока не доходит до бедер. Когда начинает водить рукой по ткани между ног, я откидываю голову назад и зажмуриваюсь.

Боже мой, мне определенно нравятся его представления о поцелуях...

Майлз ласкает меня между ног, с силой надавливает на ткань, и вот уже все мое тело молит о большем. Его губы перешли от груди к шее, и он целует, покусывает и посасывает меня в одном и том же месте, словно хочет оставить метку.

Пробую вести себя тихо, но когда Майлз создает между нашими телами такое восхитительное трение, это невозможно. Сам он тоже не молчит. Всякий раз, как я стону, Майлз тоже вздыхает или шепчет мое имя. Потому что я и не сдерживаюсь – обожаю его стоны.

Не меняя положения и не отрывая губ от моей шеи, Майлз быстро расстегивает пуговицу моих джинсов. Он дергает за молнию, просовывает руку между джинсами и трусиками и возобновляет те же движения, только теперь ощущения в тысячу раз ярче, и я уже чувствую, что долго это не продлится.

Необходима вся моя выдержка, чтобы не отстраниться, ведь Майлз точно знает, где именно прикоснуться, чтобы свести меня с ума.

– Господи, Тейт, ты такая мокрая... – он двумя пальцами оттягивает трусики в сторону. – Хочу тебя чувствовать...

Все.

Я обречена.

Его указательный палец проскальзывает в меня, большой остается снаружи, и я снова и снова повторяю «боже мой» и «не останавливайся», словно заевшая пластинка. Он целует меня, чтобы заглушить мои стоны, а мое тело содрогается под его рукой.

Кульминация такая мощная и долгая, что, когда все проходит, я боюсь отстраниться. Не хочу, чтобы Майлз убирал руку. Хочу так и уснуть.

Лежу совершенно неподвижно. Мы оба тяжело дышим, нам трудно пошевелиться. Наши губы все еще соприкасаются, глаза закрыты. Через несколько мгновений Майлз убирает руку и застегивает на мне джинсы. Я распахиваю глаза и вижу, как он с улыбкой достает из рта пальцы.

Проклятье...

Хорошо, что я не на ногах, а то рухнула бы на пол.

– Да, ты чертовски в этом хорош!

Майлз улыбается еще шире.

– Благодарю.

Затем целует меня в лоб.

– А теперь возвращайся домой и хорошенько выпись.

Он хочет встать, но я беру его за руки и снова укладываю.

– Подожди, – переворачиваю его и ложусь сверху. – А то получится нечестно.

– Я счет не веду, – отвечает Майлз и перекашивает меня обратно на спину. – Корбин наверняка в недоумении, почему ты до сих пор не вернулась.

Он встает и тянет меня за руки, привлекает к себе – так близко, что я чувствую: он не готов меня отпустить.

– Если Корбин спросит, просто скажу, что не хотела уходить, пока не доделаю задание.

– Тейт, тебе правда лучше уйти. Корбин поблагодарил меня за то, что я защитил тебя от Диллона. Каково ему будет, если он узнает, что я просто не хотел ни с кем тебя делить?

– Мне все равно. Его это не касается.

– Зато мне не все равно. Корбин мой друг. Не хочу, чтобы он узнал, какой я лицемер.

Он целует меня в лоб и выводит из спальни. Берет со стола и подает мне книги. Я уже готова выйти за дверь, но он хватает меня за локоть. В его взгляде видно нечто новое. Не желание, голод, разочарование или вызов, а нечто невысказанное. Нечто такое, что он хочет, но боится выразить вслух.

Майлз обхватывает ладонями мое лицо и прижимается губами к моим губам – так порывисто, что я ударяюсь о дверной косяк.

Он целует меня так властно и отчаянно, что мне стало бы грустно, не будь это настолько восхитительно. Майлз делает глубокий вдох, отстраняется и медленно выдыхает, глядя мне в глаза. Затем отходит и ждет, пока я выйду, чтобы закрыть дверь.

Понятия не имею, что это было, но хочу еще.

Заставляю ноги сдвинуться с места, захожу в свою квартиру и кладу книги на стол.

В гостиной Корбина нет, в ванной шумит вода.

Корбин в душе...

Я тут же оказываюсь на противоположной стороне коридора и стучу к Майлзу. Дверь распахивается так быстро, словно все это время он стоял на том же месте.

– Корбин в душе, – сообщаю я.

Я думала, Майлз еще не успел осмыслить, что я сказала, а он уже затаскивает меня внутрь. Захлопывает дверь, прижимает меня к ней, и вновь его губы повсюду...

Не теряя ни минуты, я расстегиваю на нем джинсы и тяну вниз. Майлз не отстаёт: стягивает с меня брюки вместе с трусиками, высвобождает из них мои ноги и тут же подталкивает меня к кухонному столу. Поворачивает так, чтобы я легла животом на стол. Одновременно раздвигает мне ноги и стягивает с себя джинсы. Потом крепко берет меня за талию и осторожно входит.

– О боже... – стонет он.

Я вдавливаю ладони в стол. Ухватиться не за что, а мне отчаянно необходимо за что-нибудь держаться.

Майлз ложится на меня грудью. Его тяжелое прерывистое дыхание обжигает мне спину.

– Мне нужно сходить за презервативом.

– Хорошо, – шепчу я.

Но он стоит, не двигаясь, а мое тело хочет вобрать его в себя до конца. Я лгну к нему бедрами. Он входит глубже и с такой силой впивается в меня пальцами, что я вздрагиваю.

– Не надо, Тейт.

Звучит как предостережение...

Или вызов.

Я проделываю то же самое еще раз. Он стонет и поспешно выходит.

Все еще держит меня за бедра и прижимается к моей спине – но уже не внутри меня.

– Я принимаю противозачаточные, – шепчу я.

Майлз не двигается.

Я крепко сжимаю веки. Он должен что-нибудь сделать. Что угодно. Иначе я умру.

– Тейт... – шепчет Майлз, но по-прежнему ничего не делает.

Мы стоим молча и неподвижно – все в том же положении.

– А, черт с ним...

Он нащупывает мои руки, лежащие на столе ладонями вниз. Сжимает их и утыкается лицом мне в шею.

– Приготовься.

Майлз входит так резко и неожиданно, что я вскрикиваю.

– Тс-тс, – шепчет он, зажимая мне рот рукой.

Минуту он стоит неподвижно, чтобы я успела привыкнуть.

Затем со стоном отстраняется и с силой входит так, что я снова вскрикиваю, но на этот раз ему в руку.

Майлз проделывает это снова и снова.

Сильнее.

Быстрее.

С каждым толчком он коротко стонет, а я издаю такие звуки, на которые никогда не считала себя способной. В жизни не испытывала ничего подобного.

Даже не представляла, что секс может быть настолько неистовым. Настолько грубым. Настолько животным.

Я ложусь щекой на стол.

Зажмуриваюсь.

И позволяю ему себя трахать.

* * *

Тихо.

Очень тихо. Не знаю почему: потому ли, что всего несколько мгновений назад мы оба так громко кричали, или же просто потому, что Майлз еще не пришел в себя.

Майлз у меня внутри, но он уже кончил – просто не двигается.

Одной рукой он еще зажимает мне рот, другой стискивает мои пальцы, а лицом утыкается в шею.

Майлз неподвижен, и я боюсь пошевелиться. Не слышно даже его дыхания.

Первое, что он делает – отводит руку, закрывающую мне рот.

Затем медленно расцепляет наши пальцы. Опирается на стол и выходит из меня без единого звука.

По-прежнему слишком тихо, я не шевелюсь.

Слышу, как Майлз натягивает штаны и застегивает молнию.

Слышу его удаляющиеся шаги.

Он уходит...

Дверь спальни с грохотом захлопывается, и я содрогаюсь. Мои живот, щека и ладони по-прежнему прижаты к столу, но теперь по его поверхности текут мои слезы.

Они льются.

Льются, льются, льются, и я не могу их остановить.

Как же неловко... Как стыдно... Не понимаю, что, черт побери, с ним такое, но во мне много гордости и мало смелости, чтобы пойти и выяснить.

Похоже, это конец, а я не была готова, что он наступит так скоро, – что он вообще когда-нибудь наступит. Ненавижу себя за то, что позволила чувствам завести себя слишком далеко.

А еще я злюсь, потому что стою посреди квартиры, высматриваю свои джинсы и пытаюсь остановить дурацкие слезы, чувствуя, как по ноге стекают его соки, и не могу понять, зачем он взял и все уничтожил.

Уничтожил меня.

Одеваюсь и ухожу.

Глава двадцатая

Майлз

Шестью годами ранее

– У тебя появился животик. – Я провожу рукой по голому животу Рейчел и целую его. – Смотрится очень мило, – прижимаю к нему ухо и закрываю глаза. – Наверняка ему там одиноко. Тебе же одиноко, приятель?

– Ты все-таки считаешь, что это мальчик? – смеется Рейчел. – А если девочка?

Я говорю, что буду любить нашего ребенка, кем бы он ни был. Уже его люблю.

Или ее.

Наши родители опять уехали. Мы опять играем в семью, только на сей раз это взаправду.

– И как же нам быть, если он все-таки сделает ей предложение? – спрашивает Рейчел.

Волноваться не о чем: папа не позовет Лис замуж. Он бы сообщил мне заранее – я слишком хорошо его знаю.

– Нужно им сказать, – говорю я.

Прошло три месяца. Еще через два мы окончим школу. Беременность Рейчел начинает бросаться в глаза.

У нее появился животик, и это очень мило.

– Нужно завтра же им сказать.

Рейчел согласна.

Я ложусь рядом и притягиваю ее к себе. Касаюсь ее лица.

– Я люблю тебя, Рейчел.

Рейчел уже не так напугана. Она говорит, что тоже меня любит.

– У тебя отлично получается.

Она не может понять, о чем я, и я с улыбкой дотрагиваюсь до ее живота.

– Отлично получается его вынашивать. Уверен: ты родишь такого ребенка, какого не рожала еще ни одна женщина.

Она смеется над тем, какой я глупый.

Как же ты любишь меня, Рейчел...

Я смотрю на нее – на девушку, которой отдал свое сердце, – и недоумеваю, почему мне так повезло.

Недоумеваю, почему она любит меня так же сильно, как я ее.

А еще пытаюсь представить, что скажет папа.

Не возненавидит ли меня Лиса? Не захочет ли увезти Рейчел обратно в Феникс?

Как убедить их, что мы справимся?

– Как мы его назовем? – спрашиваю я.

Рейчел оживает. Она обожает обсуждать имена.

Если родится девочка, Рейчел назовет ее Клэр – в честь своей бабушки.

Жаль, что я не знал ее бабушку – женщину, в честь которой назовут мою дочь.

Рейчел говорит, что бабушка меня бы полюбила. А я говорю, что мне нравится имя Клэр.

– А если родится мальчик? – спрашиваю я.

– Для мальчика можешь сам выбрать имя.

Слишком большая ответственность – ему ведь жить с этим именем до конца своих дней.

– Так постарайся подобрать хорошее.

Хорошее...

– Которое для тебя что-то значит.

Что-то значит...

У меня есть на примете идеальное имя.

Рейчел хочет его услышать, но я не скажу. Сообщу ей, когда это имя уже станет его именем.

Когда он появится на свет.

Рейчел говорит, что я ненормальный и она отказывается рожать нашего ребенка, пока я не назову имя.

Я отвечаю, что у нее нет выбора.

Она заявляет, что я сумасшедший.

За это ты и любишь меня, Рейчел...

Глава двадцать первая

Тейт

Все выходные я проработала в больнице, поэтому не видела Майлза с четверга. Упрямо твержу себе, что все к лучшему, хотя по мне этого не скажешь. Сегодня понедельник – первый из трех дней, когда Корбин на работе, а Майлз дома. Майлз в курсе, что Корбина нет, но, судя по тому, как мы расстались в четверг, вряд ли ему есть до этого дело. В глубине души я ждала, что Майлз объяснит, чем я провинилась, скажет, что его так раздосадовало. Однако последнее, что я от него слышала, – стук захлопнувшейся двери.

Теперь понятно, почему он шесть лет ни с кем не встречался.

Майлз явно понятия не имеет, как обращаться с женщиной. Странно, ведь он производит впечатление человека порядочного. Поведение Майлза во время и после секса идет вразрез с его характером. Такое чувство, что осколки того, кем он был когда-то, проглядывают сквозь того, кем он пытается стать.

Если бы любой другой мужчина так со мной обошелся, это было бы в первый и последний раз. Я не согласна терпеть то, что терпят многие мои подруги. Однако по-прежнему ищу Майлзу оправдание, как будто подобное можно чем-то оправдать.

Боюсь, я далеко не такая бескомпромиссная, как о себе думала.

Подозрение это тут же подтверждается. Едва я выхожу из лифта, как сердце подпрыгивает, потому что к двери скотчем приклеена записка. Я подбегаю и рассматриваю ее. Просто свернутый лист бумаги. Снаружи – ничего. Разворачиваю.

«Мне нужно кое-куда съездить. Если хочешь присоединиться, зайду за тобой в семь».

Я несколько раз перечитываю записку. Она явно от Майлза и явно адресована мне, но звучит настолько буднично, что на секунду я начинаю сомневаться, действительно ли в четверг произошло то, что произошло.

Однако Майлз тоже был там и знает, чем все закончилось. Знает, что я либо обижена, либо рассержена.

Поскорее захожу в квартиру, пока не начала ломиться к Майлзу и орать на него.

Складываю вещи и еще раз перечитываю записку, анализируя все – от почерка до выбора слов. Потом, вне себя от злости, комкаю бумагу и швыряю в сторону кухни.

Я злюсь, потому что знаю, что поеду с ним.

Я просто не в состоянии отказаться.

* * *

Ровно в семь раздается тихий стук в дверь. Его пунктуальность меня злит, хотя вообще я не против пунктуальности. Похоже, сегодня меня злит все, что бы он ни сделал.

Майлз стоит в коридоре в нескольких шагах от порога – ближе к своей двери, чем к моей. Руки – в карманах куртки, голова опущена. Похоже на проявление покорности, хотя, скорее всего, это не так.

– Поедешь со мной?

Голос Майлза окружает меня. Делает меня слабой. Превращает в воду. Я киваю, выхожу в коридор и поворачиваю ключ в замке. Майлз указывает подбородком в сторону лифта, как бы говоря, что последует за мной. Я пытаюсь прочесть что-нибудь по его глазам, хотя давно пора понять, что это бесполезно.

Жму на кнопку вызова. Майлз молчит рядом.

Проходит целая вечность. Лифт наконец-то приезжает, и мы облегченно переводим дыхание. Однако, оказавшись в кабине, вновь не можем дышать.

Уверена, что Майлз на меня смотрит, но глаз не поднимаю.

Не могу поднять.

Чувствую себя глупо. Вот-вот расплачусь. Теперь, когда я стою рядом с Майлзом и даже не догадываюсь, куда мы направляемся, я мысленно корю себя за то, что согласилась поехать с ним.

– Прости меня.

Голос Майлза звучит еле слышно и на удивление искренне.

Я не смотрю на него. Не говорю ни слова.

Майлз в три шага оказывается рядом со мной и жмет на «стоп». Мое лицо на уровне его груди, зубы сжаты. Я отказываюсь на него смотреть.

Отказываюсь и все.

– Тейт, прости меня.

Майлз даже не дотронулся до меня, но все равно вторгается. Он так близко, что я чувствую его самого, ощущаю его дыхание. Понимаю, что он действительно сожалеет. Хотя не уверена, что вообще должна его прощать. За что? Майлз никогда не обещал мне ничего, кроме секса, а именно это он мне и давал.

Секс.

Ни больше, ни меньше.

– Прости меня, – в третий раз просит Майлз. – Ты этого не заслужила.

На этот раз он касается пальцами моего подбородка и заставляет меня поднять голову.

Я еще крепче стискиваю зубы и изо всех сил стараюсь укрепить свою броню, чтобы не расплакаться.

Я снова замечаю в глазах Майлза то, что видела в четверг, когда он целовал меня на прощание. Нечто невысказанное. Но единственное, что слетает с его губ, это «прости меня».

Майлза передергивает, словно от боли, и он прикивает лбом к моему лбу.

– Прости меня...

Он кладет ладони на стенку лифта по бокам от меня и прижимается ко мне грудью. Мои руки безвольно висят, глаза закрыты. Хочется плакать, но я отказываюсь плакать при Майлзе. До сих пор не понимаю, за что именно он извиняется, да это и не важно. Видимо, за все. За то, что вовлек меня в отношения, которые, как нам обоим известно, ничем хорошим не кончатся. За то, что не может открыться и рассказать о прошлом. За то, что не может рассказать о будущем.

За то, что уничтожил меня, когда ушел, хлопнув дверью.

Одной рукой Майлз притягивает мою голову к своей груди, другой крепко обнимает за плечи, прижавшись щекой к моей макушке.

– Не понимаю, что со мной было. Клянусь, что не хотел сделать тебе больно.

Одного раскаяния в голосе достаточно, чтобы мне захотелось его обнять. Я хватаю его за рукава рубашки, прячу лицо на его груди. Так мы и стоим несколько минут, оба совершенно потерянные. Совершенно не привыкшие ни к чему подобному. Совершенно сбитые с толку.

Наконец Майлз отстраняется и жмет на кнопку первого этажа. Я все еще не проронила ни слова, потому что не понимаю, что надо говорить в такой ситуации. На выходе из лифта Майлз берет меня за руку и не выпускает ее до самой машины.

Я впервые в его автомобиле, и его простота меня удивляет. Корбин, например, неплохо зарабатывает и любит тратить деньги на дорогие вещи, но эта машина столь же непритязательна, как и ее владелец.

Какое-то время едем молча. Я устала от тишины, устала от неизвестности, поэтому первое, что я говорю с тех пор, как он меня уничтожил, это:

– Куда мы направляемся?

Звук моего голоса моментально рассеивает неловкость, и Майлз облегченно переводит дыхание.

– В аэропорт, но не по работе. Я иногда езжу туда, чтобы посмотреть на самолеты.

Он берет меня за руку. Это одновременно и успокаивает, и пугает. Его руки теплые, хочется, чтобы они обнимали все мое тело, хотя мне и страшно от того, насколько сильно во мне это желание.

До самого аэропорта мы молчим. На обочине стоят знаки с надписью «Зона ограниченного доступа», Майлз уверенно их минует, он знает, куда ехать. Наконец мы останавливаемся на парковке с видом на взлетно-посадочную полосу.

Несколько самолетов выстроилось в ряд в ожидании взлета. Майлз указывает налево, где один из них начал разгоняться. Он проносится мимо нас, и машину заполняет рев двигателей. Мы смотрим, как судно набирает высоту, пока его шасси не исчезают и ночь не проглатывает его.

– Часто сюда приезжаешь? – спрашиваю я, продолжая смотреть в окно.

Майлз смеется – так непринужденно, что я оборачиваюсь.

– Похоже на попытку познакомиться, – говорит он с улыбкой.

От его смеха я тоже улыбаюсь. От моей улыбки Майлз прекращает смеяться.

– Да, часто, – говорит он, отворачиваясь к окну и наблюдая, как следующий самолет готовится к взлету.

Я чувствую: что-то изменилось. Произошла какая-то огромная перемена, и я не могу понять, к лучшему или к худшему.

Майлз привез меня сюда, чтобы поговорить.

Беда в том, что я не знаю о чем.

– Майлз... – зову я, потому как хочу, чтобы он на меня посмотрел.

Майлз не оборачивается.

– Это не шутки, – тихо произносит он. – То, что между нами происходит.

Эти слова мне не нравятся. Лучше б он взял их обратно, они меня ранят. Однако Майлз прав.

– Знаю, – говорю я.

– Если не остановиться сейчас, будет только хуже.

На этот раз я не соглашаюсь. Майлз опять прав, но я не хочу останавливаться. Одна лишь мысль о том, что нашим встречам придет конец, вызывает ощущение пустоты где-то в районе живота.

– Чем я тебя так обидела?

Майлз быстро переводит взор на меня, и я едва узнаю его глаза – такая за ними ледяная стена.

– Ты тут ни при чем, – решительно произносит он. – Даже не думай, что мое поведение как-то связано с тем, что ты делаешь или не делаешь.

Мне уже чуть легче, однако я по-прежнему не понимаю, что произошло в четверг. Мы оба не отводим глаз и ждем, чтобы другой нарушил молчание.

Не знаю, что там пережил Майлз, но, судя по всему, нечто ужасное, раз не может забыть об этом спустя целых шесть лет.

– Можно подумать, друг другу нравиться – это плохо.

– Может, и так.

А сейчас я хочу, чтобы он замолчал, потому что его слова приносят мне еще большее страдание.

– Так ты привез меня сюда, чтобы расстаться?

Майлз тяжело вздыхает.

– Я всего лишь хотел, чтобы мы оба получили удовольствие... но, по-моему, у тебя другие ожидания. Я не хочу делать тебе больно, а если мы не расстанемся... непременно сделаю.

Майлз опять отворачивается к окну.

Хочется стукнуть кулаком по чему-нибудь, вместо этого я провожу руками по лицу и тяжело откидываюсь назад. В жизни не встречала человека, чьи слова говорили бы так мало. Майлз прекрасно освоил науку уклоняться от ответов.

– Майлз, этого недостаточно. Как насчет того, чтобы просто все объяснить? Что, черт побери, с тобой произошло?

Он стискивает челюсти так же крепко, как руку, которой до сих пор держит руль.

– Я поставил два условия: не спрашивай о прошлом и не рассчитывай на будущее. А ты делаешь и то и другое.

– Да, ты прав. Делаю. Потому что ты мне нравишься и я знаю, что я тоже тебе нравлюсь. Когда мы вместе, это потрясающе, чему тут удивляться? Если нормальный человек встречает того, с кем ему хорошо, он ему доверяет, открывается, хочет быть с ним. Нормальный человек не станет трахать женщину на кухонном столе, а потом уходить, как будто она полное ничтожество.

Ничего.

Вообще ничего.

Никакой реакции.

Майлз просто заводит двигатель.

– Ты была права. – Он включает обратную передачу и готовится выехать со стоянки. – Хорошо, что мы с тобой не друзья. Иначе все было бы намного сложнее.

Стыдно от того, в какую ярость приводят меня его слова. От того, что мне так больно. Хотя с Майлзом всегда так. Больно при мысли, что нам чудесно вместе, когда все идет хорошо, и как легко можно было бы избежать плохого, если б только Майлз перестал бороться с собой.

– Тейт... – с раскаянием произносит Майлз.

Мне хочется вырвать голос у него из глотки.

Он кладет руку мне на плечо, и машина останавливается.

– Тейт, я совсем не то хотел сказать.

Сбрасываю его руку.

– Прекрати. Или признайся, что я не только для секса тебе нужна, или отвези меня домой.

Майлз молчит. Возможно, обдумывает мой ультиматум.

Признайся, Майлз... признайся... пожалуйста...

Но машина трогается с места.

* * *

– А чего ты ожидала? – спрашивает Кэп, подавая мне очередную бумажную салфетку.

Когда мы с Майлзом вернулись домой, я не смогла заставить себя зайти с ним в лифт и села рядом с Кэпом – ждала, пока Майлз уедет. При нем я старалась держать себя твердо и невозмутимо, а перед Кэпом даю волю чувствам и вываливаю на него все в мельчайших деталях. Неважно, хочет он слушать или нет.

Я сморкаюсь и бросаю салфетку на пол, где уже скопилась их целая куча.

– Я обманывала себя. Думала, смирюсь, даже если Майлз так и не захочет большего. Надеюсь, если не торопить события, он отгадает, рано или поздно.

Кэп ставит между нами мусорную корзину для моих салфеток.

– Если малыш не видит, как ему с тобой повезло, не стоит тратить на него время.

Согласна. У меня есть дела поважнее – я найду, как использовать свободное время. И все же мне кажется, что Майлз понимает, как повезло ему со мной, что он тоже хочет серьезных

отношений. Но что-то его удерживает – нечто большее, чем он, я или мы оба, вместе взятые. Знать бы, что именно...

– Я еще не рассказывал тебе свой любимый анекдот? – интересуется Кэп.

Я качаю головой и беру у него еще одну салфетку, радуясь, что он сменил тему.

– Тук-тук...

Не ожидала, что это будет детский анекдот, но подыгрываю.

– Кто там?

– Перебивающая корова.

– Перебива...

– Му-у! – ревет Кэп, оборвав меня на полуслове.

Я в недоумении смотрю на него, а потом начинаю хохотать.

Так безудержно, как давно уже не смеялась.

Глава двадцать вторая

Майлз

Шестью годами ранее

Папа объявляет, что им с Лисой нужно с нами поговорить.

Просит позвать Рейчел и прийти в столовую.

Я признаюсь, что нам тоже нужно с ними побеседовать.

На миг в его взгляде вспыхивает и тут же гаснет любопытство. Он снова думает о Лисе – ему не до нас.

Лиса – его единственная.

А я иду к своей единственной и сообщаю, что родители зовут нас на важный разговор.

Мы рассаживаемся за обеденным столом.

Ясно, что хочет сказать папа. Он сделал Лисе предложение. Я бы предпочел оставаться безучастным, но не могу. Почему он не сообщил заранее? Мне грустно, но лишь самую малость. Когда мы им скажем, все это будет уже не важно.

– Я сделал Лисе предложение.

Лиса улыбается папе.

Папа улыбается Лисе.

Мы с Рейчел не улыбаемся.

– И мы поженились, – добавляет Лиса, демонстрируя обручальное кольцо.

И.

Мы.

Поженились...

Рейчел беззвучно охает.

Они уже женаты...

Оба сияют счастьем и смотрят на нас, ожидая нашей реакции.

Лиса беспокоится. Ей не нравится, что у Рейчел такой несчастный вид.

– Дорогая, все произошло спонтанно. Мы были в Вегасе. Пышной свадьбы мы оба в любом случае не хотели... Пожалуйста, не сердись...

Рейчел плачет, закрыв лицо руками. Я обнимаю ее. Мне хочется ее утешить – хочется поцеловать, но папа с Лисой не поймут.

Я должен им сообщить...

Папа растерянно смотрит на Рейчел.

– Не ожидал, что вы будете против. Вам же так и так уезжать в колледж.

Он думает, мы злимся.

– Папа, – говорю я, по-прежнему обнимая Рейчел. – Лиса...

И тут я порчу им весь праздник.

– Рейчел беременна.

Тишина.

Тишина.

Тишина.

ОГЛУШИТЕЛЬНАЯ ТИШИНА.

Лиса в шоке.

Папа старается ее утешить, обнимает, гладит по спине.

– Ты ведь даже ни с кем не встречаешься... – бормочет Лиса.

Рейчел смотрит на меня.

– Кто он?! – в ярости кричит папа. – Кто он, Майлз? Кем надо быть, чтобы сделать девушке ребенка и даже не иметь смелости сообщить ее матери? Кем надо быть, чтобы свалить ответственность на брата?

– Я ей не брат, – вмешиваюсь я, но папа не слышит.

Он мерит шагами кухню. Он ненавидит того, кто это сделал.

– Папа...

Я тоже встаю на ноги.

Он поворачивается ко мне.

– Папа...

Внезапно вся моя решимость куда-то исчезает.

Я справлюсь...

– Папа, это я сделал. Она от меня беременна.

Он не верит своим ушам.

Лиса смотрит то на меня, то на Рейчел и тоже не может поверить.

– Это невозможно! – кричит папа, пытаюсь отделаться от мысли, что это реальность.

Я жду, чтобы он полностью осмыслил случившееся.

Растерянность у него на лице сменяется гневом. Он смотрит на меня так, словно я ему не сын. Словно я – просто парень, который сделал ребенка его падчерице.

Папа меня ненавидит.

Папа меня ненавидит!

По-настоящему ненавидит.

– Убирайся из этого дома!

Я смотрю на Рейчел. Она стискивает мою руку – беззвучно просит не уходить.

– Убирайся!

Он меня ненавидит.

Я убеждаю Рейчел, что мне лучше уйти – на время.

Рейчел молит меня остаться. Отец подталкивает меня к двери, и я выпускаю ее руку.

– Побуду пока у Иэна. Я люблю тебя.

Мои слова окончательно выводят папу из себя, и он бьет меня кулаком в лицо. Отдергивает руку и смотрит на нее, словно не меньше моего потрясен тем, что сделал.

Я выхожу за порог, и папа захлопывает за мной дверь.

Отец меня ненавидит.

Я сажусь в машину. Смотрю в зеркало. Из губы сочится кровь.

Ненавижу отца!

Вылезаю из машины и иду к дому.

Папа бросается к двери. Я поднимаю перед собой руки. Не хочу его бить, но непременно ударю, если он еще раз до меня дотронется.

Рейчел за столом больше нет. Она у себя в комнате.

– Мне очень жаль, – говорю я папе с Лисой. – Мы не хотели, чтобы так вышло, но ничего не изменить, и нужно как-то с этим жить.

Лиса плачет. Папа обнимает ее.

– Я люблю ее. Люблю вашу дочь. Я позабочусь о ней и о ребенке.

Мы справимся...

Лиса не в состоянии поднять на меня глаза.

Они оба меня ненавидят.

– Лиса, все началось еще до того, как мы с вами познакомились. Я встретил Рейчел прежде, чем папа рассказал мне о вас. Мы пытались остановиться.

Это, естественно, ложь.

Папа делает шаг вперед.

– То есть это продолжалось все то время, что Рейчел жила в моем доме?

– Все началось еще до того, как она сюда переехала.

Теперь папа ненавидит меня еще больше. Он хочет меня ударить, но Лиса его удерживает. Говорит, они что-нибудь придумают. Она обо всем позаботится. Все будет хорошо.

– Поздно, – подаю голос я. – Срок слишком большой.

Я не жду, пока папа ударит меня снова. Бегу прочь – в комнату к Рейчел – и запираю за собой дверь.

Она кидается мне навстречу. Обвивает мою шею руками и плачет у меня на груди.

– Ну что ж, – говорю я. – Самое трудное позади.

Рейчел смеется сквозь слезы.

– Самое трудное не позади. Самое трудное – родить ребенка.

Я тоже смеюсь.

– Я так люблю тебя, Рейчел...

– Я так люблю тебя, Майлз... – шепчет она в ответ.

Глава двадцать третья

Тейт

Я так соскучилась по тебе, Майлз...

Я заедаю эти горькие мысли шоколадом. Миновало три недели с тех пор, как Майлз отвез меня домой. Три недели с тех пор, как я видела его последний раз. Рождество пришло и ушло, а я едва его заметила, потому что весь день была на работе. Позади осталось два четверговых матча, Майлз их пропустил. Наступил новый год. Начался очередной семестр.

А Тейт по-прежнему скучает по Майлзу...

Я беру со стола чипсы со вкусом шоколада и шоколадно-молочный коктейль и отношу на кухню, чтобы спрятать от того, кто стучит в мою дверь.

Это не Майлз. Это Чад и Таррин. Единственные, с кем я при своем сумасшедшем графике успела подружиться. Впрочем, общаемся мы больше из-за совместных занятий.

Я открываю, но в коридоре только Чад.

– А где Таррин?

– Ее попросили подменить кого-то в больнице. Она сегодня не придет.

Как только Чад входит в квартиру, дверь напротив открывается. На пороге возникает Майлз. Он видит меня и застывает как вкопанный.

На несколько мгновений его взгляд приковывает меня к месту, затем вливается в Чада у меня за спиной.

Чад многозначительно смотрит на меня и вежливо уходит вглубь квартиры со словами:

– Я подожду в спальне.

Очень мило с его стороны оставить меня наедине с парнем из квартиры напротив... Однако известие о том, что Чад будет ждать меня в спальне, – явно не то проявление вежливости, на которое рассчитывал Майлз. Он делает шаг назад, опускает глаза и захлопывает дверь.

Лицо при этом у него такое, что в желудке у меня все переворачивается. Приходится напомнить себе, что это его выбор. Мне не в чем себя упрекнуть, даже если он неправильно понял происходящее. Однако моя беззвучная проповедь не избавляет от вины.

Я иду в спальню, опускаюсь на кровать. Чад садится за стол.

– Станный какой-то, – замечает он, взглянув на меня в упор. – Прямо страшно выходить из квартиры.

– Не беспокойся. У Майлза свои тараканы в голове, но меня это уже не касается.

Чад кивает и больше вопросов не задает. Кладет себе на колени методичку и забрасывает ноги на кровать.

– Таррин уже сделала выписки из второй главы, так что, если возьмешь третью, я займусь четвертой.

– Договорились.

Я откидываюсь на подушку и делаю конспект нужной главы. Сама не понимаю, как мне удастся сосредоточиться, ведь в голове у меня лишь Майлз и то выражение, которое застыло на его лице, когда он захлопнул дверь.

Я причинила ему боль.

Значит, теперь мы квиты.

* * *

Мы с Чадом обменялись конспектами и ответили на вопросы к каждому параграфу, потом сделали копии. Конечно, когда три студента распределяют между собой задания и делятся ответами, это жульничество, но какая, на фиг, разница? Я и не утверждала никогда, что идеальна.

Чад немного нервничает из-за Майлза, я стою на пороге и провожаю его до прибытия лифта. Если честно, я тоже немного переживаю.

Потом иду на кухню и выгружаю из холодильника все, что там осталось.

Готовить не хочу, потому что Корбин вернется только ночью. Не успеваю выложить на тарелку еду, как раздается стук и входная дверь распахивается.

Только Майлз стучит и входит одновременно...

Спокойно...

Спокойно, спокойно, спокойно...

Спокойно, черт побери!

– Кто это был? – вопрошает Майлз у меня за спиной.

Я не оборачиваюсь и продолжаю накладывать еду, словно появление Майлза после трех недель молчания не вызвало во мне бурю чувств, главным образом гневных.

– Однокурсник. Готовились к занятиям.

От Майлза исходит напряжение, чувствую это, хотя по-прежнему стою спиной.

– Три часа?

Я резко поворачиваюсь, но ругательства, готовые сорваться с губ, застревают в горле. Майлз застыл на пороге кухни, держась за дверную раму над головой. Подбородок зарос короткой щетиной – значит, несколько дней не был на работе. Босой, рубашка задралась, обнажив живот.

Я смотрю на него молча.

А потом начинаю орать:

– Если я три часа подряд трахалась с парнем у себя в спальне – тем лучше для меня! Ты не вправе судить о том, чем я занимаюсь. Ты – мерзавец. У тебя проблемы с головой, и я больше не желаю иметь с ними дела!

Ложь. Я хочу иметь дело с проблемами Майлза. Хочу полностью в них погрузиться, хочу сама стать его проблемой. Но я должна быть независимой и сильной и не позволять мужчине вытирать о себя ноги только потому, что он мне нравится.

Глаза у Майлза сощурены, дыхание тяжелое и учащенное. Он быстро подходит, обхватывает мое лицо руками, чтобы заставить меня поднять глаза.

Взгляд Майлза полон отчаяния, и я упиваюсь мыслью, что он боится меня потерять. Он ждет несколько мгновений, прежде чем заговорить. Всматривается мне в лицо, поглаживает по щекам. Руки у Майлза сильные и надежные, и, как это ни ужасно, я хочу ощущать их всем телом. Ненавижу ту девушку, в которую он меня превращает.

– Ты с ним спишь? – наконец спрашивает он, ища правды в моих глазах.

Не твоё дело, Майлз.

– Нет, – отвечаю я вслух.

– Ты с ним целовалась?

Тоже не твоё дело.

– Нет.

Майлз облегченно переводит дыхание. Его руки падают на стол по обе стороны от меня, и он склоняет голову мне на плечо.

Больше не задает вопросов.

Ему больно, а я понятия не имею, чем помочь.

Только Майлз может изменить наши отношения, но, как мне хорошо известно, он к этому не готов.

– Тейт... – с болью шепчет Майлз, утыкаясь лицом мне в плечо и обнимая одной рукой за талию. – Проклятье, Тейт... – Другую руку кладет мне на затылок и целует в шею. – Что же мне делать? Что делать?..

Я сжимаю веки. Замешательство и боль в его голосе невыносимы. Качаю головой, потому что не могу ответить на вопрос, смысл которого мне неизвестен. И потому, что я не в силах отстраниться.

Губы Майлза касаются моей шеи под ухом, и мне одновременно хочется прижать его к себе и оттолкнуть как можно дальше. Его рот скользит по коже, и я склоняю голову для поцелуя. Пальцы Майлза придерживают меня за затылок, чтобы мое лицо было прямо напротив его.

– Прогони меня, – молит Майлз, обдавая меня теплым дыханием. – Зачем тебе это? – Он целует меня в шею и останавливается, только чтобы сказать: – Я не знаю, как перестать тебя хотеть. Вели мне уйти, и я уйду.

Но я не велю.

– Не могу... – шепчу я.

Когда Майлз доходит до моих губ, я поворачиваю к нему лицо, хватаю его за рубашку и притягиваю к себе, прекрасно сознавая, что с собой делаю. Все кончится так же отвратительно, как в прошлый раз, но я хочу этого не меньше, чем прежде.

Или даже больше...

Майлз останавливается и пристально смотрит мне в глаза.

– Я не могу дать тебе большего, – шепчет он. – Просто не могу.

Ненавижу его за эти слова – и в то же время уважаю.

В ответ притягиваю его ближе, и наши губы встречаются. Мы одновременно раскрываем их и отчаянно набрасываемся друг на друга: стонем, тянем за одежду, впиваемся пальцами в кожу.

Секс, напоминаю я себе. Это просто секс. Ничего больше. Единственная часть Майлза, которую он готов мне подарить.

Можно сколько угодно повторять, что ничего другого мне не нужно, но я беру, беру, беру все, до чего только могу дотянуться. Пытаюсь разгадать каждый звук, который он издает, каждое прикосновение. Хочу убедить себя, что Майлз дает мне гораздо больше, чем кажется.

Дура.

По крайней мере, я это понимаю.

Я расстегиваю его брюки, а он – мой лифчик. Еще раньше, чем мы достигаем спальни, я оказываюсь без футболки. Не отнимая своих губ от моих, Майлз захлопывает дверь и сдергивает с меня лифчик. Толкает на кровать, стаскивает с меня джинсы, затем встает и снимает брюки.

Это борьба.

Я и Майлз против всего остального.

Мы несемся наперегонки со своей совестью, гордостью, самоуважением и правдой. Майлз хочет проникнуть в меня еще до того, как все это нас настигнет.

Он ложится на кровать и тут же оказывается надо мной, на мне, внутри меня.

Мы победили.

Его рот вновь находит мой – и только. Он меня не целует. Наши губы соприкасаются, дыхание смешивается, глаза смотрят в глаза, и это не поцелуй.

Это нечто гораздо большее.

С каждым толчком губы Майлза скользят по моим, взгляд становится более жадным, но он ни разу меня не целует.

Целоваться гораздо легче, чем делать то, что совершаем мы. Во время поцелуя можно закрыть глаза. Заглушить мысли, а вместе с ними – боль, сомнения и стыд. Когда целуешься с закрытыми глазами, защищаешь себя от уязвимости.

Но это не защита.

Это столкновение. Поединок взглядов. Битва с открытыми глазами. Вызов – от меня Майлзу, от Майлза – мне.

«Ну же, попробуй, положи этому конец!» – беззвучно кричим мы друг другу.

Все то время, что Майлз во мне, он не отводит глаз. С каждым толчком я вновь слышу у себя в голове слова, которые он произнес всего несколько недель назад:

«В такие минуты легко принять чувства и эмоции за то, чем они на самом деле не являются, особенно если смотреть человеку в глаза».

Теперь я поняла. Поняла очень отчетливо, поэтому почти хочу, чтобы Майлз закрыл глаза, ведь, скорее всего, у него нет тех чувств, которые я вижу на его лице.

– Мне так хорошо с тобой, – шепчет Майлз мне в губы.

Мой стон служит ему ответом. Майлз просовывает правую руку между нами и надавливает на то место, прикосновение к которому обычно заставляет меня откинуть голову и закрыть глаза.

Только не в этот раз. Я не отступлю.

Особенно когда он смотрит в глаза, вопреки тому, что сам же говорил.

Да, я отказываюсь отступать, но все же даю ему понять, как мне нравится то, что он делает. У меня нет выбора: я не властна над собственным голосом. Мой голос принадлежит сейчас девушке, которая думает, будто именно этого она и хочет от Майлза.

– Не останавливайся... – молит мой голос, все больше и больше подчиняясь Майлзу.

– Я и не собирался.

Майлз надавливает сильнее – и внутри, и снаружи. Берет мою ногу под колено и подтягивает ее к своей груди, отчего угол между нашими телами слегка меняется. Он плотно прижимает мою ногу к своему плечу и входит еще глубже.

– Майлз... О боже...

Я выкрикиваю его имя, призываю бога и черта. Мое тело дрожит. Не уверена, кто сдался первым, но мы целуемся, и наши поцелуи так же неистовы и глубоки, как его толчки у меня внутри.

Он стонет. Я стону громче.

Я содрогаюсь. Он содрогается еще сильнее.

У него перехватывает дыхание. Я дышу так глубоко, что хватит на нас обоих.

Майлз делает последний выпад и придавливает меня к кровати своим весом.

– Тейт... – стонет он мне в губы. – Черт побери, Тейт... – Медленно выходит и ложится щекой мне на грудь. – Это прекрасно. Это. Чертовски. Прекрасно.

– Знаю.

Майлз перекачивается на бок и обнимает меня одной рукой.

Мы тихо лежим рядом.

Я не хочу признавать, что снова позволила собой воспользоваться.

Он не хочет признавать, что это был не просто секс.

Оба мы лжем самим себе.

– А где Корбин? – спрашивает Майлз.

– Вернется ночью.

Майлз озабоченно хмурит брови.

– Мне лучше уйти. – Он встает с кровати и надевает джинсы. – Потом заглянешь?

Я киваю, встаю и тоже натягиваю джинсы.

– Будешь проходить мимо кухни, прихвати мою футболку, – прошу я, застегивая лифчик.

Майлз распахивает дверь спальни, но не выходит, останавливается, глядя на кого-то.
Черт...

Корбин...

Я бросаюсь вперед, чтобы помешать тому, что сейчас произойдет.

Корбин сверлит Майлза глазами на пороге своей комнаты.

Я заговариваю первой.

– Корбин, прежде чем ты что-нибудь скажешь...

Брат делает мне знак замолчать. Опускает взгляд на мой лифчик, и его передергивает, словно он до последнего надеялся, что между нами ничего не было. Корбин отводит глаза, а я поспешно прикрываюсь руками. Какой стыд, что он все слышал. Брат смотрит на Майлза со смесью ярости и разочарования.

– Как давно это продолжается?

– Не отвечай ему, – вмешиваюсь я.

Хочу, чтобы Майлз просто ушел.

Корбин не имеет права его допрашивать. Это же смешно!

– Довольно давно, – пристыженно бормочет Майлз.

– Ты ее любишь?

Мы смотрим друг на друга. Затем Майлз переводит взгляд на Корбина, словно пытается решить, кому из нас угодить своим ответом.

Наконец он медленно качает головой, и такая реакция определенно не устраивает ни меня, ни брата.

– Ну, хотя бы планируешь полюбить?

Я смотрю на Майлза так пронзительно, словно его спросили, в чем смысл жизни. Я жду его слов еще нетерпеливее, чем Корбин.

Майлз переводит дыхание и снова качает головой.

– Нет, – шепотом произносит он.

Нет...

Он даже не планирует меня полюбить...

Я знала, каким будет его ответ, и не ждала ничего другого. И все-таки мне ужасно больно. Даже соврать не смог, чтобы не разочаровывать Корбина. А значит, Майлз не просто ведет со мной игру. Он такой и есть.

Майлз не способен на любовь. По крайней мере, больше не способен.

Корбин стискивает дверной косяк, закрывает лицо рукой и делает медленный вдох. Затем снова поворачивается к Майлзу. Его глаза – словно две стрелы, направленные в цель. В жизни не видела брата в таком бешенстве.

– Выходит, ты просто трахал мою сестру?

Я жду, что Майлз отшатнется, но он делает шаг вперед.

– Корбин, она взрослая женщина!

Корбин тоже делает шаг навстречу.

– Убирайся!

Не знаю, ради меня или ради друга, но Майлз поступает так, как ему велено.

Уходит.

Я все еще стою на пороге своей комнаты и смотрю на Корбина так, словно готова на него наброситься.

Взгляд у него такой же непреклонный, как поза.

– Ты не знаешь, каково это – быть братом. Так что не смей говорить, что я не имею права злиться.

И он захлопывает дверь.

Я часто моргаю, чтобы сдержать слезы гнева на брата, слезы обиды на Майлза и слезы стыда за эгоистичный выбор, который совершила. Нет, у них на глазах я плакать не буду!

Нахожу свою футболку, натягиваю ее и шагаю в квартиру напротив. Майлз тут же открывает. Он смотрит мне через плечо, словно ожидает увидеть там Корбина, затем отодвигается в сторону, чтобы дать мне пройти.

– Он переживет, – говорю я.

– Знаю. Но это будет уже не то.

Майлз проходит в гостиную и опускается на диван. Я сажусь рядом. Мне нечего ему сказать, он прав. Отношения у них с Корбином, скорее всего, теперь не будут прежними. От мысли, что причиной тому являюсь я, становится противно.

Майлз со вздохом кладет мою руку себе на колени и переплетает свои пальцы с моими.

– Тейт, прости меня.

– За что?

Сама не уверена, зачем делаю вид, будто не поняла. Я прекрасно поняла, о чем он.

– Прости, что не смог ответить «да», когда Корбин спросил, планирую ли я тебя полюбить. Просто не хотел врать – ни тебе, ни ему.

– Ты с самого начала честно сказал, чего от меня хочешь. Разве я имею право на тебя сердиться?

Майлз переводит дыхание, встает и начинает мерить шагами комнату. Я сижу на диване и наблюдаю, как он пробует собраться с мыслями. Наконец он останавливается и сцепляет руки на затылке.

– Я не имел права требовать у тебя отчета о том парне. Я запретил задавать вопросы о моей жизни, так что не вправе расспрашивать о твоей.

С этим я спорить не намерена.

– Просто я не знаю, что нам делать.

Майлз подходит ближе, и я встаю ему навстречу. Он привлекает меня к себе.

– Понятия не имею, как облечь это в красивую или хотя бы учтивую форму, но я сказал Корбину правду. Я больше никогда никого не люблю. По-моему, оно того не стоит. Однако с тобой я поступил нечестно. Я знаю, что морочу тебе голову. Понимаю, что сделал тебе больно, и признаю свою вину. Мне нравится быть с тобой, но когда мы вместе, я все время боюсь, что ты считаешь нашу связь чем-то большим, нежели она есть на самом деле.

Нужно как-то отреагировать, но пока я обдумываю его слова. По идее, каждая фраза должна стать для меня красным флагом, особенно в паре с признанием, что он не планирует полюбить меня или построить со мной отношений. Однако красный флаг не взвивается.

Взвивается зеленый.

– Ты не желаешь любить именно меня или вообще никого?

– Никого. Никогда. Что же до тебя... тебя я просто... хочу.

Его ответ вызывает у меня восторг, отвращение и снова восторг.

Я ненормальная. Услышав такое, нужно бежать со всех ног, а мне хочется обнять Майлза и дать ему то, что он готов от меня получить. Я лгу ему, лгу себе, и это не принесет нам обоим ничего хорошего, но я не в силах остановить слова, которые срываются у меня с языка.

– Я ничего не имею против, пока все просто. Но если ты устраиваешь выходы вроде той, когда ты ушел и хлопнул дверью, все становится не просто, а очень даже сложно.

– Просто... – медленно произносит Майлз, как бы пробуя это слово на вкус. – Если ты сможешь не усложнять, то и я сумею.

– Отлично. А если одному из нас станет слишком трудно, мы поставим точку.

– За себя я спокоен. А вот за тебя боюсь.

Я тоже за себя переживаю, но так сильно хочу быть с ним, что не думаю о том, каково мне будет после.

И тут я понимаю, в чем состоит мое единственное правило. Все это время у Майлза были границы, а я оставалась уязвимой.

– Кажется, я наконец-то придумала свое правило.

Майлз выжидающе смотрит на меня.

– Не давай мне ложных надежд на будущее. Особенно если знаешь, что будущего у нас не предвидится.

Майлз тут же напрягается.

– Разве я когда-нибудь подавал тебе надежду? – с беспокойством спрашивает он.

Да, около получаса назад, когда смотрел мне в глаза все то время, что был во мне.

– Нет, – поспешно говорю я. – Просто возьми на заметку. Не делай ничего такого, что может дать мне надежду. Пока мы оба не питаем иллюзий, все в порядке.

Некоторое время Майлз молча смотрит на меня.

– Никак не могу понять: ты необычно зрелая для своего возраста или просто живешь мечтами?

Я пожимаю плечами, пряча свои мечты в глубине сердца.

– Наверное, и то и другое. Этакая взрывная смесь.

Майлз целует меня в висок.

– Когда произносишь такое вслух, звучит ужасно, но обещаю, что не буду тебя обнадеживать.

На сердце у меня мрак, а на лице – натянутая улыбка.

– Вот и славно. У тебя явно что-то с головой, поэтому я лучше поберегу свое сердце для кого-нибудь более нормального.

Майлз смеется. Возможно, потому, что понимает: шансы найти человека, готового на подобные отношения, если это вообще можно назвать отношениями, ничтожно малы. Однако именно такая девушка недавно переехала в квартиру напротив, и она ему нравится.

Я ведь нравлюсь тебе, Майлз Арчер...

* * *

– Корбин обо всем узнал, – говорю я, усаживаясь на свое обычное место рядом с Кэпом.

– Ой-ой-ой... Малыш еще жив?

– Пока да. Не уверена, надолго ли.

Входные двери распахиваются, и входит Диллон. Он снимает шапку, стряхивает с нее дождевые капли и идет к лифту.

– Иногда мне хочется, чтобы рейс, который я отправляю наверх, не долетел, – вполголоса произносит Кэп, искоса глядя на Диллона.

Похоже, Кэп тоже его недолюбливает. Мне даже немного жаль парня.

Кэп хочет нажать кнопку вызова, но Диллон его опережает.

– Я в состоянии сам все сделать, старичок.

Секунд десять назад мне было жаль Диллона. Теперь я беру свои слова обратно.

Диллон подмигивает мне.

– Что подельываешь, Тейт?

– Купаю слонов, – с невозмутимым видом отвечаю.

Диллон смотрит озадаченно.

– Если не хочешь получить язвительный ответ, не задавай глупых вопросов, – подает голос Кэп.

Двери лифта раздвигаются. Диллон закатывает глаза и входит внутрь.

Кэп с ухмылкой смотрит на меня, затем поднимает руку, и я даю ему пять.

Глава двадцать четвертая

Майлз

Шестью годами ранее

– Почему все желтое?

Папа стоит на пороге комнаты и смотрит на те немногочисленные вещи, которые мы успели купить с тех пор, как он узнал о беременности Рейчел.

– Здесь что, вырвало гигантского цыпленка?

Рейчел смеется. Она перед зеркалом в ванной, заканчивает с макияжем. Я лежу на кровати, смотрю на нее.

– Мы не хотим заранее знать, мальчик это или девочка, поэтому покупаем вещи нейтрального цвета.

Рейчел отвечает так, словно папин вопрос – один из многих, но мы оба знаем, что на самом деле он первый. Папа ничего не спрашивает о беременности. Не интересуется нашими планами. Обычно он вообще выходит из комнаты, если видит там нас с Рейчел.

Поведение Лисы мало чем отличается от папиного. Она все еще то ли расстроена, то ли разочарована, и мы с Рейчел на нее не давим. Им с папой нужно время, и мы им его даем.

Рейчел не с кем поговорить о ребенке, кроме меня, а мне – кроме нее, и хотя кажется, что этого мало, на самом деле – более чем достаточно.

– Сколько продлится церемония? – спрашивает папа.

– Часа два, не больше.

Он говорит, что нам пора идти.

Я отвечаю, что мы пойдем, как только Рейчел будет готова.

Рейчел готова.

Мы уходим.

* * *

– Поздравляю, – говорю я Рейчел.

– Поздравляю, – отвечает она.

Три часа назад мы окончили школу. Теперь лежим у меня на кровати и обдумываем наш следующий шаг. По крайней мере, я обдумываю.

– Давай переедем и будем жить вместе, – предлагаю я.

– Мы и так живем вместе, – смеется Рейчел.

– Ты ведь понимаешь, о чем я. Мы собирались уехать в августе, когда поступим в колледж, но, по-моему, откладывать незачем.

Рейчел приподнимается на локте и смотрит на меня, пытаясь понять, шучу я или говорю всерьез.

– Но ведь нам некуда переезжать.

Я достаю из тумбочки письмо и протягиваю ей.

Рейчел читает вслух.

«Уважаемый мистер Арчер...»

Глаза у нее круглые от удивления.

«Поздравляем с летней регистрацией. Рады сообщить, что ваша заявка на предоставление жилья для молодой семьи рассмотрена и одобрена».

Рейчел улыбается.

«К письму приложен конверт для ответа, а также бланки, которые необходимо заполнить и прислать до даты, указанной на итемпеле».

Рейчел глядит на конверт и быстро просматривает бумаги. Потом продолжает читать.

*«Ждем от вас заполненные документы. Если возникнут вопросы, ниже приведены наши контактные данные.
С уважением,
Пейдж Донахью, секретарь».*

Рейчел загораживает улыбку рукой, отбрасывает письмо в сторону и обнимает меня.

– Нам можно переехать прямо сейчас?

Мне нравится, что ее голос звучит так взволнованно.

Я говорю «да». Рейчел счастлива. Она не хуже моего понимает, как неловко было бы оставаться в одном доме с родителями еще несколько недель.

– Ты уже спросил у отца?

Я напоминаю ей, что мы теперь взрослые и больше не обязаны просить разрешения. Мы просто поставим родителей в известность.

Рейчел говорит, что хочет сделать это прямо сейчас.

Я беру ее за руку, мы идем в гостиную и сообщаем о нашем решении родителям.

Глава двадцать пятая

Тейт

Прошло несколько недель с тех пор, как брат узнал про нас. Он все еще не смирился и все еще не разговаривает с Майлзом, но начал потихоньку привыкать. Когда вечером я ухожу, ни сказав ни слова, и возвращаюсь через пару часов, Корбин понимает, где я была, и ни о чем не спрашивает.

Что же до нас с Майлзом, привыкать приходится мне.

Я вынуждена подстраиваться под его правила, потому что Майлз не желает подстраиваться под меня. Я научилась не давить на него, больше не пытаюсь его разгадать.

Мы делаем именно то, о чем договаривались с самого начала, – занимаемся сексом.

Причем много.

В ванной. В спальне. На полу. На столе.

Я ни разу и не оставалась с Майлзом на всю ночь, и мне по-прежнему больно, когда после секса он замыкается в себе, но я так и не научилась говорить ему «нет».

Я хочу гораздо большего, чем позволяет Майлз, а он – гораздо меньшего, чем готова дать я, но пока мы оба просто берем то, что можем получить. Я стараюсь не думать о дне, когда больше не смогу это терпеть. Не думать обо всем, что приношу в жертву, оставаясь с Майлзом.

Стараюсь вообще ни о чем не думать, но мысли сами лезут в голову.

Даже когда лежу ночью в постели. Когда принимаю душ. На занятиях, в гостиной, на кухне, на работе... Думаю о том, что будет, когда один из нас наконец-то придет в себя.

– Тейт – это сокращение? – спрашивает Майлз.

Мы лежим у него на кровати. Он только что вернулся после четырехдневного отсутствия, и хотя в наш уговор входит лишь секс, мы оба полностью одеты и даже не касаемся друг друга. Майлз просто спрашивает о моем имени, и этот день нравится мне гораздо больше любого другого, проведенного вместе с ним.

Майлз впервые задал мне почти личный вопрос.

Как ни печально, его интерес тут же воскрешает во мне надежду, а ведь он всего лишь спросил, откуда взялось имя Тейт.

– Тейт – мое второе имя. Девичья фамилия бабушки.

– А первое?

– Элизабет.

– Элизабет Тейт Коллинз, – произносит он, лаская мое имя своим голосом. Еще никогда оно не звучало так прекрасно. – Почти в два раза больше слогов, чем в моем.

– А твое второе имя?

– Микел. Но все вечно произносят «Майкл». Меня это бесит.

– Майлз Микел Арчер... Сильное имя.

Майлз приподнимается на локте и безмятежно смотрит на меня. Заправляет мне за ухо непослушную прядь.

– Что интересного происходило в мое отсутствие, Элизабет Тейт Коллинз?

В его голосе звучат игривые нотки. Я никогда их раньше не слышала, но они меня радуют. Очень радуют.

– Да ничего особенного, Майлз Микел Арчер, – с улыбкой отвечаю я. – Работала сверхурочно.

– Тебе все еще нравится твоя работа?

Его пальцы путешествуют по моему лицу, по губам, спускаются к шее.

– Нравится. А тебе нравится быть капитаном?

Я возвращаю Майлзу его же вопросы. Думаю, это не опасно, ведь он дает мне лишь то, что сам готов принять.

Следуя взглядом за своей рукой, Майлз расстегивает верхнюю пуговку моей рубашки.

– Я люблю свою профессию. – Он теребит вторую пуговку. – Жаль только, что я так подолгу отсутствую. Когда думаю о том, что ты в квартире напротив, хочется все время быть дома.

Я пробую сдержаться, но не могу и беззвучно ахаю.

Более тихий звук сложно себе представить, однако Майлз заметил.

Он впивается в меня взглядом, я вижу, что ему хотелось бы взять сказанное обратно. Его фраза содержит надежду, а Майлз таких не должен произносить.

Сейчас он начнет извиняться. Напомнит, что не может меня полюбить. Скажет, что не собирался подавать мне эту призрачную надежду.

Не забирай свои слова обратно, Майлз... Пожалуйста, позволь мне их сохранить...

Несколько долгих мгновений наши глаза устремлены друг на друга. Я жду, что Майлз пойдет на попятный. Он все еще держит в пальцах вторую пуговку моей рубашки, но больше не пытается ее расстегнуть. Смотрит на мои губы, затем в глаза и снова на губы.

– Тейт... – шепчет он.

Майлз проговаривает мое имя так тихо, что я даже не уверена, пошевелил ли он губами.

Ответить я не могу, потому что пальцы Майлза погружаются в мои волосы, а губы страстно прижимаются к моим. Он накрывает меня собой, и его поцелуй становится неистовым. Глубоким. Властным. Наш поцелуй полон чего-то такого, что я никогда не замечала раньше. Полон чувства. Полон надежды...

Я думала, поцелуй – это просто поцелуй. Даже не догадывалась, что поцелуи могут отличаться друг от друга и выражать самые разные эмоции. Прежде я чувствовала в них только страсть, желание и вожделение. Но на этот раз все по-другому. Майлз другой. В душе я знаю, что это и есть настоящий Майлз. Тот, каким он был когда-то. Тот, о котором мне запрещено расспрашивать.

* * *

Кончив, Майлз скатывается с меня на кровать.

Я гляжу в потолок.

Внутри множество вопросов. Внутри замешательство.

Наша связь никогда не была чем-то простым. Кажется, что может быть легче, чем просто заниматься сексом? Однако мне приходится контролировать любое свое движение, любое слово. Анализировать каждый его взгляд.

Я даже не знаю, как мне сейчас поступить.

Лежать рядом, пока Майлз не попросит меня уйти? Ведь я никогда не оставалась с ним на всю ночь. Повернуться на бок и обнять его в надежде, что он обнимет меня в ответ и мы так и уснем? Но вдруг он меня оттолкнет?..

Глупая.

Глупая, глупая девочка.

Почему я не могу ограничиться одним сексом? Почему не в силах дать ему то, чего он хочет? Получить то, чего желаю я, и просто уйти?

Я переворачиваюсь на бок и медленно сажусь. Подбираю с пола вещи, встаю и одеваюсь. Майлз молча наблюдает за мной.

Я старательно избегаю его взгляда. Заканчиваю одеваться и засовываю ноги в туфли. Мне хочется к нему в постель, но вместо этого я иду к выходу. Не оборачиваясь, говорю:

– До завтра, Майлз.

Дохожу до двери. Майлз так и не нарушил молчания. Не сказал: «Увидимся». Не попросился.

Надеюсь, это молчание говорит о том, что Майлзу тоже неприятно, когда его оставляют одного.

Вхожу к себе в квартиру.

Корбин сидит на диване и смотрит телевизор. При моем появлении он поднимает голову и неодобрительно косится.

– Не будь букой, – говорю я, сбрасывая туфли. – Пора уже смириться.

Брат качает головой, и я иду в свою комнату, не обращая на него внимания.

– Он трахал тебя за моей спиной, еще и врал мне. Я с этим смириться не могу.

Я поворачиваюсь к нему.

– А ты думал, Майлз будет с тобой откровенен? Господи, Корбин! Ты же вышвырнул Диллона из квартиры только за то, что он не так на меня посмотрел!

Корбин встает на ноги.

– Вот именно! – сердито кричит он. – Я-то думал, Майлз защищает тебя от Диллона, а он просто положил на тебя глаз! Чертов лицемер! Я буду злиться на него столько, сколько пожелаю, так что сама и смирись!

Я смеюсь – чья бы корова мычала!

– Что тут смешного?! – рявкает Корбин.

Я возвращаюсь в гостиную и встаю прямо напротив брата.

– Все это время Майлз был со мной честен. Никогда не вешал лапшу на уши. Я – его первая женщина за шесть лет, и это его ты называешь лицемером?!

Я даже не пытаюсь сдерживаться.

– Взгляни в зеркало, Корбин! Сколько девушек было у тебя с тех пор, как я сюда переехала? А у скольких из них есть братья, которые с удовольствием отвесили бы тебе пинка, если бы только узнали? Если кого-то и можно назвать лицемером, то тебя!

Уперев руки в бока, Корбин сверлит меня злым взглядом. Он не отвечает, и я уже собираюсь отправиться к себе, как вдруг раздается стук, и входная дверь открывается.

Майлз...

Мы с Корбином одновременно оборачиваемся.

– Все в порядке? – спрашивает Майлз, проходя в гостиную.

Я смотрю на Корбина, а Корбин на меня. Я выгибаю бровь и жду, что брат ответит. В конце концов, это он закатил скандал.

– Все в порядке, Тейт? – спрашивает Майлз, на этот раз обращаясь только ко мне.

– У меня все отлично. Я ведь не жду от близких, чтобы они соответствовали моим нереальным ожиданиям.

Корбин с рыком пинает диван. Ерошит себе волосы и сцепляет пальцы за шеей. Затем поворачивается к Майлзу и издает тяжкий вздох.

– Лучше бы ты и правда оказался геем!

Майлз внимательно смотрит на него. Я жду какой-нибудь реакции, чтобы знать, можно ли выдохнуть или нет.

На лице Майлза появляется улыбка.

Корбин смеется и тут же сердито стонет, как бы давая понять, что смирился с нашей связью, хотя по-прежнему ее не одобряет.

Я улыбаюсь и молча выхожу из квартиры в надежде, что они сумеют скрепить то, что было порвано, когда на сцене появилась я.

Я намереваюсь выйти из лифта в вестибюль, но прямо у дверей стоит Кэп.

– Ты ко мне? – спрашивает он.

Я киваю и указываю вверх.

– Корбин с Майлзом разговаривают. Решила дать им немного времени.

Кэп заходит в кабину лифта и жмет на кнопку двадцатого этажа.

– Ну что же, можешь проводить меня до дома.

Он держится за перила, чтобы не упасть. Я стою рядом, прислонившись к стене.

– Кэп, можно спросить тебя кое о чем?

– Отвечать на вопросы я люблю не меньше, чем их задавать.

Я смотрю на свои туфли. Скрещиваю ноги.

– Что может заставить человека навсегда отказаться от любви?

Мы проехали минимум пять этажей, а Кэп все еще молчит. Наконец я поднимаю голову и вижу, что он смотрит на меня. Глаза у старика сощурены, так что вокруг них образуется еще больше морщинок, чем обычно.

– По-моему, если бы человек испытал на себе самую уродливую сторону любви, то захотел бы навсегда от нее отказаться.

Я обдумываю его слова, но это ничего не дает. Не пойму, как любовь может стать настолько уродливой, чтобы человек полностью от нее отгородился.

Когда лифт открывается, я пропускаю Кэпа вперед. Мы вместе подходим к его квартире, и он поворачивает ключ в замке.

– Тейт, – произносит Кэп, стоя лицом к двери и не глядя на меня. – Иногда у души просто нет сил, чтобы бороться с призраками прошлого. – Он открывает дверь и входит внутрь. – Может, малыш просто потерял где-то по дороге душу?

Дверь захлопывается, и я остаюсь одна – в еще большем замешательстве, чем прежде.

Глава двадцать шестая

Майлз

Шестью годами ранее

Теперь комната Рейчел – это моя комната, а моя – ее.

Мы окончили школу, переехали на новую квартиру и поступили в колледж.

Вот видишь? Мы справились!

Иэн приносит из машины последнюю коробку.

– Куда ее поставить?

– А что там? – спрашивает Рейчел.

Там трусики с лифчиками.

Рейчел со смехом говорит, чтобы Иэн поставил коробку рядом с моей тумбочкой. Он так и делает.

Иэну нравится Рейчел. Нравится, что она не связывает мне руки и хочет, чтобы я получил образование и окончил летнюю школу.

Рейчел мечтает, чтобы я был счастлив. Я говорю, что буду счастлив, пока она со мной.

– Тогда ты всегда будешь счастлив, – отвечает Рейчел.

Папа по-прежнему зол на меня, хотя уже без прежней ярости.

Они с Лисой стараются принять происходящее, но им нелегко. Нам всем нелегко.

Рейчел не важно мнение других людей. Ее волнует лишь то, что думаю я, а я думаю только о Рейчел.

Постепенно я понял: в какой бы ситуации человек ни оказался, рано или поздно он под нее подстраивается. Пусть родители против наших отношений, со временем они привыкнут.

Рейчел не готова стать матерью, а я – отцом, но мы подстраиваемся под ситуацию.

Иного выбора нет. Если хочешь жить в мире с самим собой, подстраиваться необходимо. Жизненно необходимо.

* * *

– Майлз...

Мне нравится, как звучит мое имя в устах Рейчел. Она не произносит его просто так, а только когда ей что-то нужно. Когда его необходимо произнести.

– Майлз...

Она произнесла его дважды.

Значит, ей срочно что-то нужно.

Я переворачиваюсь на бок. Рейчел сидит в постели и смотрит на меня широко раскрытыми глазами.

– Майлз...

Третий раз.

– Майлз...

Четвертый.

– Мне больно...

Черт...

Я вскакиваю с постели, отыскиваю сумку, помогаю Рейчел одеться и дойти до машины.

Она напугана.

Я напуган еще больше.

Всю дорогу до больницы я держу ее за руку и говорю, чтобы она дышала. Сам не знаю зачем. Естественно, она дышит.

Просто не могу придумать, что еще сказать.

Чувствую себя беспомощным.

Может, она хочет, чтобы приехала ее мама?

– Позвонить им?

– Не надо. После.

Рейчел хочет, чтобы мы были только вдвоем. Меня это радует. Я тоже хочу, чтобы мы были одни.

Медсестра помогает Рейчел выйти из машины и провожает нас в палату. Я делаю все, что нужно Рейчел.

– Принести лед?

Приношу лед.

– Принести холодное полотенце?

Приношу холодное полотенце.

– Выключить телевизор?

Выключаю телевизор.

– Попросить еще одно одеяло? По-моему, тебе холодно.

Не нужно одеяла. Ей не холодно.

– Принести еще льда?

Льда Рейчел не хочет.

Она хочет, чтобы я замолчал.

Я замолкаю.

– Майлз, дай руку.

Даю ей руку.

Рейчел так сильно стискивает мою ладонь, что мне хочется ее отдернуть. Но я терплю.

Во время родов Рейчел молчит. Не издает ни звука. Только дышит. Она невероятная.

Я плачу. Сам не знаю почему.

Я чертовски люблю тебя, Рейчел...

Доктор говорит, что осталось совсем немного. Я целую ее в лоб.

Свершилось.

Я стал отцом.

Рейчел стала матерью.

– Мальчик, – объявляет доктор.

Рейчел держит его на руках... держит на руках мое сердце.

Он перестает кричать и пытается открыть глаза.

Рейчел плачет.

Рейчел смеется.

Рейчел говорит мне «спасибо».

Спасибо... мне... Как будто не она создала это чудо.

Рейчел сошла с ума.

– Я так люблю его... – шепчет она сквозь слезы. – Ужасно люблю...

– Я тоже его люблю.

Я дотрагиваюсь до своего сына. Мне хочется взять его на руки, но еще больше хочется, чтобы он остался у Рейчел – она такая красивая с ним на руках...

Рейчел поднимает на меня взгляд.

– А теперь скажи, как его зовут.

Я хотел, чтобы у нас родился мальчик – именно ради этого момента.

Хотел назвать Рейчел имя нашего сына, потому что знал: она будет в восторге.

Надеюсь, Рейчел вспомнит тот момент,
Когда
Стала
Для
Меня
Всем.
«Рейчел, Майлз проводит тебя в класс к мистеру Клейтону».
– Его зовут Клейтон.
Рейчел всхлипывает.
Она помнит...
– Это прекрасно, – шепчет она сквозь слезы.
Рейчел плачет навзрыд. Хочет, чтобы я взял у нее малыша.
Я сажусь на кровать и беру у нее Клейтона.
Держу его на руках...
Держу на руках своего сына...
Рейчел кладет голову мне на плечо, и мы оба смотрим на него.
Долго-долго.
Я говорю, что у Клейтона ее рыжие волосы.
Рейчел говорит, что у него мои губы.
Надеюсь, характером он пойдет в маму.
Она не согласна – хочет, чтобы он во всем походил на меня.
– С ним жизнь намного прекраснее, – говорит Рейчел.
– Это уж точно.
– Майлз, как же нам повезло...
– Еще бы!
Рейчел стискивает мою руку.
– Мы справились, – шепчет она.
– Еще как справились!
Клейтон зевает, и мы оба смеемся.
С каких это пор зевки стали чем-то удивительным?
Я дотрагиваюсь до его пальчиков.
Мы так тебя любим, Клейтон...

Глава двадцать седьмая

Тейт

Я опускаюсь в кресло рядом с Кэпом. На мне форма медсестры – после работы я сразу засела за домашнее задание и прозанималась целых два часа. Уже одиннадцатый час, а я до сих пор не ужинала. Именно поэтому я и сижу сейчас с Кэпом. Он хорошо изучил мои привычки и заказал для нас пиццу.

Я беру кусок, другой подаю Кэпу, закрываю крышку и ставлю коробку на пол. Тут же начинаю жевать, а Кэп просто смотрит на свою порцию.

– Грустно, когда пицца добирается до тебя быстрее полиции, – говорит он. – Я заказал ее всего минут десять назад.

Он откусывает и зажмуривается, будто ничего вкуснее в жизни не пробовал.

Мы приканчиваем первую партию, и я наклоняюсь за следующей. Кэп от добавки отказывается, поэтому я кладу его кусок обратно в коробку.

– Ну что? – спрашивает он. – Малыш помирился с другом?

Меня смешит, что Кэп зовет Майлза малышом.

– Вроде того, – говорю я с полным ртом. – В четверг они вместе смотрели футбол. Все прошло гладко, но лишь потому, что Майлз все время делал вид, будто меня нет. Знаю, он хочет проявить уважение к Корбину, но я от этого чувствую себя полным ничтожеством.

Кэп кивает, как будто все понял. Не уверена, что это действительно так, но в любом случае приятно, что он так внимательно слушает.

– Правда, он постоянно писал мне эсэмэски, пока сидел с Корбином в гостинной. Наверное, жаловаться не на что. Однако бывают недели вроде этой, когда Майлз вообще в другом штате, и меня для него словно бы не существует. Он не звонит, не пишет. По-моему, Майлз думает обо мне, только если я в десяти шагах от него.

– Не уверен. Возможно, малыш думает о тебе гораздо больше, чем готов показать.

Хотелось бы верить, но звучит сомнительно.

– А даже если не думает, ты не вправе на него сердиться. Это же не входит в ваш договор.

Я закатываю глаза. Вечно он подчеркивает, что Майлз, в отличие от меня, никогда не нарушает правил. Наше соглашение не устраивает только меня, и виновата в этом я одна.

– И как я только впуталась в эту историю?..

Ответа не требуется. Я прекрасно понимаю, как впуталась в эту историю. Понимаю, как из нее выпутаться... просто не хочу.

– Слышала выражение: «Когда жизнь подсовывает лимоны...»?

– Сделай из них лимонад.

– Нет, не так. Когда жизнь подсовывает лимоны, надо точно знать, в чьи глаза их выдавить.

Я смеюсь и достаю из коробки очередной кусок пиццы, удивляясь про себя, когда этот восьмидесятилетний старик успел стать моим лучшим другом.

* * *

Домашний телефон в квартире Корбина почти никогда не звонит. Особенно после полуночи.

Я сбрасываю одеяло и натягиваю футболку. Непонятно, зачем я вообще одеваюсь: Корбин на работе, а Майлз вернется только завтра.

До кухни дохожу только к пятому звонку – как раз когда включается автоответчик.

– Алло!

– Тейт?! – вскрикивает мама. – О господи, Тейт...

В ее голосе слышен страх, который тут же передается и мне.

– Что случилось?

– Самолет... С полчаса назад разбился самолет, а я не могу дозвониться в авиакомпанию.

Ты говорила с братом?

Ноги у меня подкашиваются, и я валюсь на колени.

– Уверена, что это его авиакомпания?

Голос у меня настолько напуганный, что я едва его узнаю. Такой же напуганный, как был у мамы, когда это произошло в прошлый раз.

Мне было тогда всего шесть, но я помню каждую мелочь, вплоть до пижамы с луной и звездами, которую надела в тот вечер. Помню так четко, будто это случилось вчера. Папа выполнял внутренний рейс. Сразу после ужина мы включили телевизор и увидели, что какой-то самолет разбился из-за отказа двигателя. Все на борту погибли.

Помню, как мама звонила в авиакомпанию и в истерике пыталась выяснить, кто управлял самолетом.

Через час мы наконец узнали, что разбился не папин рейс, но этот час был самым страшным в нашей жизни.

До сегодняшнего дня.

Я бегу в комнату за мобильником и набираю номер брата.

– Ты пыталась до него дозвониться? – спрашиваю я, возвращаясь в гостиную. Хочу сесть на диван, но почему-то на полу мне спокойнее, поэтому я опять встаю на колени, словно в молитве.

Пожалуй, это и есть молитва.

– Да, звоню постоянно. Идет переадресация на голосовую почту.

Дурацкий вопрос. Естественно, мама пробовала звонить. Я еще раз набираю номер, но тоже слышу уведомление голосовой почты.

Пытаюсь успокоить маму, хотя сознаю, что это бесполезно. Пока мы не услышим голос брата, никакие слова не помогут.

– Сейчас позвоню в авиакомпанию, – говорю я. – Если что-нибудь выясню, сообщу.

Мама даже не прощается.

По домашнему телефону звоню в авиакомпанию, по мобильному – Майлзу. Я набираю его номер – впервые в жизни – и молюсь, чтобы он снял трубку. Как ни страшно мне за Корбину, в голове проносится мысль, что они с Майлзом работают в одной фирме.

В животе у меня все переворачивается.

– Алло? – произносит Майлз после второго гудка.

Голос у него слегка удивленный, как будто он не может понять, зачем я звоню.

– Майлз! – вскрикиваю я со страхом и облегчением. – С ним все в порядке? С Корбином все в порядке?

Молчание.

Почему он молчит?!

– О чем ты?

– Самолет... Разбился самолет. Мне сообщила мама. Корбин не отвечает на звонки.

– Где ты? – быстро спрашивает Майлз.

– Дома.

– Открой мне.

Я отпираю дверь, и Майлз тут же входит, все еще держа телефон рядом с ухом. Первым делом бросается к дивану и включает телевизор.

Он быстро щелкает кнопками пульта, пока не наткнется на выпуск новостей. Звонит куда-то, потом берет меня за руку.

– Иди ко мне, – говорит он и притягивает к себе. – Уверен, с ним все хорошо.

Я прижимаюсь к груди Майлза, однако его слова меня не успокаивают.

– Гэри? – произносит Майлз, когда на другом конце кто-то отвечает на его вызов. – Это Майлз. Да, да, уже слышал. Кто управлял самолетом?

Долгое молчание. Мне страшно на него посмотреть. Мне страшно...

– Спасибо, – говорит Майлз и жмет на отбой. – Все в порядке. С Корбином все хорошо. С Иэном тоже.

Я рыдаю от облегчения.

Майлз подводит меня к дивану и усаживает рядом с собой. Берет у меня из рук телефон, нажимает несколько кнопок и подносит к уху.

– Здравствуйте, это Майлз. С Корбином все хорошо, – пауза. – Да, с ней тоже. Я передам, чтобы утром она вам позвонила.

Снова пауза. Наконец Майлз говорит «до свидания» и кладет мобильник на диван.

– Твоя мама.

Я уже догадалась.

Майлз позвонил моей маме, и этот простой жест заставил меня еще сильнее в него влюбиться.

Он целует меня в макушку, ласково гладит по руке.

– Спасибо, Майлз.

Он не говорит «пожалуйста» – не считает, будто сделал что-то, заслуживающее благодарности.

– Ты их знал? Тех, кто был на борту?

– Нет. Они приписаны к другой базе. Имена мне незнакомы.

Мой телефон вибрирует, и Майлз подает его мне. Эсэмэска от Корбина:

«Просто хотел сообщить, что со мной все в порядке – на случай, если ты уже слышала. Позвонил в авиакомпанию – с Майлзом тоже все хорошо. Пожалуйста, сообщи маме, если она узнает о катастрофе. Люблю тебя».

Я испытываю еще большее облегчение, теперь я на сто процентов уверена, что брат действительно жив.

– Сообщение от Корбина, – говорю я. – Пишет, что с тобой тоже все в порядке.

Майлз смеется.

– Значит, Корбин про меня спрашивал? Так и знал, что он не сможет злиться вечно.

Я улыбаюсь. Приятно, что брат сообщил мне про Майлза.

Майлз продолжает держать меня в объятиях, и я наслаждаюсь каждой секундой.

– Когда он вернется?

– Через два дня. А ты давно приехал?

– Пару минут назад. Только-только поставил телефон на зарядку, тут ты и позвонила.

– Я рада, что ты вернулся.

Майлз не отвечает – не говорит, что тоже рад.

Не говорит ничего, что может дать мне надежду. Только целует меня.

– Знаешь что? – произносит он, усаживая меня к себе на колени. – Мне нравится, что ты без штанов, хотя причина и не самая приятная.

Майлз проводит руками по моим бедрам и притягивает меня к себе. Целует в кончик носа, затем в подбородок.

– Майлз? – Я скольжу пальцами по его голове и шее вниз, к плечам. – Я боялась, что в том самолете мог быть и ты. Я так рада, что ты пришел.

Взгляд Майлза становится мягче, морщины на лбу разглаживаются.

Я ничего не знаю о его прошлом, однако заметила: Майлз никому не позвонил, чтобы сообщить, что с ним все в порядке. При мысли об этом мне становится грустно.

Майлз смотрит мне на грудь. Тербит край моей футболки и медленно стягивает ее с меня. Я остаюсь в одних трусиках.

Он подается вперед и обнимает меня. Его губы нежно обхватывают мой сосок, и я невольно сжимаю веки. Руки Майлза ласкают мою обнаженную спину, потом бедра, отчего по всему телу пробегают мурашки. Майлз переходит ко второму соску, а его пальцы проскальзывают мне под трусики.

– Придется их порвать – не хочу, чтобы ты вставала.

– Я не против – у меня еще есть.

Я его не вижу, но чувствую его улыбку. Он берется за резинку моих трусиков. Тянет с одной стороны, но порвать не может. Проует с другой – безрезультатно.

– Они впились мне в попу, – смеюсь я.

Майлз недовольно вздыхает.

– По телевизору это выглядит куда легче.

Я усаживаюсь поудобнее.

– Попробуй еще раз. Я в тебя верю!

Майлз дергает за левую сторону трусиков.

– Ай! – вскрикиваю я, потому что резинка врезалась мне в правый бок.

Он снова смеется и утыкается мне в шею.

– Прости. Ножницы есть?

При мысли о том, как Майлз идет на меня с ножницами в руках, я невольно содрогаюсь. Встаю, стягиваю трусики и отбрасываю ногой в сторону.

– Это зрелище стоило моей неудавшейся попытки выглядеть сексуально.

– Твоя неудавшаяся попытка выглядеть сексуально была очень даже сексуальна.

Майлз опять хохочет. Я подхожу и забираюсь к нему на колени.

– Мои неудачи тебя возбуждают? – игриво спрашивает он.

– О да... – шепчу я. – Я вся горю...

Его руки скользят по моей спине и плечам.

– Тогда ты бы обожала меня в возрасте от тринадцати до шестнадцати. Почти все, чем я занимался в то время, оканчивалось неудачей. Особенно футбол.

– Так, это уже интересно! А еще что?

– Бейсбол, – говорит Майлз, прижимается губами к моей шее и проводит дорожку поцелуев до уха. – Один семестр мировой географии.

– О боже... – стону я. – Невероятно сексуально...

Майлз нежно целует меня, едва касаясь губами моих губ.

– В области поцелуев я тоже был полным неудачником. Однажды так глубоко засунул язык девушке в рот, что она едва не задохнулась.

Я смеюсь.

– Хочешь, покажу?

Я киваю. Майлз укладывает меня на диван и ложится сверху.

– Открой рот.

Я послушно открываю рот, и он засовывает в него язык. Пожалуй, это худший поцелуй в моей жизни. Я пытаюсь оттолкнуть Майлза, но он не поддается. Тогда поворачиваю голову влево, и он лижет мне щеку, от чего я смеюсь еще сильнее.

– Господи, Майлз, это было ужасно!

– С тех пор я кое-чему научился.

– Определенно.

Мы оба улыбаемся. Безмятежное выражение его лица будит во мне столько чувств, что я даже не пробую в них разобраться. Я счастлива, потому что нам весело вместе. Мне грустно, потому что нам весело вместе. Я злюсь, потому что нам весело вместе. Хочу еще. Еще Майлза.

Молча смотрим друг на друга. Наконец Майлз подается вперед, и наши губы сливаются. Он покрывает мой рот легкими поцелуями, которые постепенно становятся все более долгими и страстными. Наконец Майлз раздвигает мне губы языком.

Игривости как не бывало. Теперь все серьезно. Наше нетерпение растет, и его одежда вслед за моей отправляется на пол.

– На диване или в постели? – шепотом спрашивает Майлз.

– И там и там.

Он повинуется.

* * *

Я уснула у себя в кровати.

Рядом с Майлзом.

До сегодняшней ночи мы ни разу не засыпали вместе. Один из нас всегда уходил. Я пытаюсь убедить себя, что это ничего не значит, но не могу. Я все время получаю немножечко больше: кусочек прошлого, время, проведенное без секса или даже во сне. Каждый раз Майлз дает мне что-нибудь новенькое. Это и хорошо, и плохо. Хорошо, потому что я хочу еще большего и любая мелочь способна успокоить меня, когда я начинаю волноваться по поводу всего того, чего недополучила.

А плохо потому, что всякий раз, как Майлз открывается мне, он немного отдаляется. Я вижу это по глазам.

Майлз боится, что может дать мне надежду, а я боюсь, что в конце концов он уйдет совсем.

Когда-нибудь наша связь оборвется. Это неизбежно. Майлз точно знает, чего не хочет от жизни, и до меня наконец-то начинает доходить, насколько серьезно он настроен. Как бы я ни старалась уберечь свое сердце, все бесполезно. Рано или поздно Майлз его разобьет. Однако я позволяю ему царствовать в нем. С каждым разом Майлз еще больше заполняет собой мое сердце, и чем больше оно наполняется им, тем больнее мне будет, когда Майлз вырвет его у меня из груди, словно оно попало туда по ошибке.

Вибрирует телефон. Чувствую, как Майлз переворачивается набок и берет его с прикроватного столика. Майлз думает, что я сплю, а я не даю ему повода в этом усомниться.

– Привет! – шепчет он.

Долгая пауза. Я внутренне сжимаюсь, гадая, с кем он говорит.

– Да, извини. Надо было самому позвонить. Думал, ты спишь.

Сердце бьется где-то в горле, карабкается выше, хочет сбежать от меня, Майлза и всего происходящего. Чует, что ему грозит беда. Оно загнано в угол и пытается удрать.

И я его не виню.

– Я тоже люблю тебя, папа.

Сердце срывается вниз и возвращается на свое обычное место в центре груди. Пока что оно счастливо. Я тоже счастлива, потому что Майлзу все-таки есть кому позвонить.

В то же мгновение я вспоминаю, как мало мне известно о нем. Как мало он готов открыть. Как старательно от меня прячется. Поэтому, когда я наконец сломаюсь, то не по его вине. Но сломаюсь я не сразу. Это будет происходить медленно и болезненно. А добьют меня именно такие моменты. Моменты, когда Майлз думает, будто я сплю, и осторожно встает с постели. Моменты, когда я не открываю глаз, но слышу, как он одевается. Слежу, чтобы дыхание оста-

валось ровным, на случай, если Майлз посмотрит на меня, когда наклонится для прощального поцелуя в лоб.

Моменты, когда Майлз уходит.

Потому что он уходит всегда.

Глава двадцать восьмая

Майлз

Шестью годами ранее

– А что, если он окажется геем? – спрашивает Рейчел. – Тебя это расстроит?

Мы оба сидим на больничной койке. Рейчел держит на руках Клейтона, а я смотрю на нее.

Она все время задает подобные вопросы. Играет в адвоката дьявола. Говорит, нужно обсудить все заранее, чтобы в будущем не возникло проблем.

– Меня расстроит, если Клейтон не решится рассказать нам об этом. Хочу, чтобы он знал: с нами можно говорить о чем угодно.

Рейчел улыбается сыну, но я знаю, что ее улыбка предназначена мне.

Ей понравился такой ответ.

– А что, если он не будет верить в Бога?

– Может верить во что захочет. Главное, чтобы это делало его счастливым.

Рейчел опять улыбается.

– А что, если он совершит ужасное, чудовищное, бесчеловечное преступление и его посадят в тюрьму на всю оставшуюся жизнь?

– Тогда я спрошу себя, где допустил ошибку в его воспитании.

– Что же, судя по тому допросу, который я тебе учинила, Клейтон никогда не совершит преступления, потому что ты уже самый прекрасный отец на свете.

Теперь я тоже улыбаюсь.

Входит медсестра.

Она смотрит на нас с сочувственной улыбкой и произносит:

– Пора.

У Рейчел вырывается стон, но я не могу понять, о чем идет речь.

– Обрезание, – поясняет Рейчел.

В животе все переворачивается. Мы обсуждали этот вопрос еще во время беременности, но теперь, когда я думаю о том, что предстоит Клейтону, у меня появляются сомнения.

– Все не так уж страшно, – говорит медсестра. – Мы дадим ему наркоз.

Она хочет взять малыша, но я подаюсь вперед.

– Подождите. Дайте мне сначала поддержать его.

Медсестра отступает, а Рейчел протягивает мне Клейтона. Я держу сына на руках и смотрю на него.

– Прости, Клейтон. Знаю, это больно и унижительно для твоего мужского достоинства, но...

– Ему же только день отроду! – смеется Рейчел. – Вряд ли что-либо способно унижить его мужское достоинство.

Я прошу ее помолчать. У меня серьезный разговор с сыном, так что пусть лучше притворится, будто ее здесь нет.

– Не волнуйся, мама вышла, – говорю я Клейтону, подмигивая Рейчел. – Так вот. Знаю, это унижительно для твоего мужского достоинства, но в будущем ты скажешь мне спасибо. Особенно, когда станешь старше и начнешь встречаться с девушками. Надеюсь, это произойдет после того, как тебе исполнится восемнадцать, хотя, скорее всего, тебе будет лет шестнадцать. По крайней мере, у меня было именно так.

– Ну хватит! – смеется Рейчел. – Пока унижают его мужское достоинство, нам с тобой лучше обсудить, о чем отцу не следует беседовать с сыном.

Я быстро чмокаю Клейтона в лобик и протягиваю Рейчел. Она тоже целует его и передает медсестре.

Мы смотрим, как она уносит нашего ребенка. Затем я ложусь на кровать рядом с Рейчел.
– Сын ушел, мы дома одни, – шепотом говорю я. – Давай займемся любовью.

Рейчел морщится.

– Совсем не чувствую себя сексуальной. Живот обвис, грудь раздулась. Страшно хочется в душ, но все тело слишком болит.

Я оттягиваю ворот ее больничной рубашки и с ухмылкой заглядываю в вырез.

– И надолго она такой останется?

Рейчел со смехом отталкивает мою руку.

– А как твои губы?

Она недоуменно смотрит на меня, и я поясняю:

– Просто интересно, болят ли у тебя губы. Если нет, хотелось бы тебя поцеловать.

– Губы в полном порядке, – улыбается Рейчел.

Я приподнимаюсь на локте, чтобы ей не пришлось ко мне поворачиваться.

Смотрю на нее сверху и чувствую нечто новое.

Как будто теперь все по-настоящему.

До вчерашнего дня у меня было ощущение, что мы просто играем в семью. Разумеется, наша любовь настоящая, и отношения тоже. Но теперь, когда я видел, как Рейчел дала жизнь моему сыну, все, что я чувствовал к ней прежде, кажется просто детской забавой по сравнению с тем, что ощущаю теперь.

– Я люблю тебя, Рейчел. Больше, чем любил вчера.

Она смотрит на меня так, словно отлично понимает, о чем я.

– Если сегодня ты любишь меня больше, чем вчера, что же будет завтра?

Я прижимаю губами к ее губам. Не потому, что должен, а потому, что мне это необходимо.

* * *

Я стою в коридоре рядом с палатой. Рейчел с Клейтоном отдыхают.

Медсестра сказала, что он почти не плакал. Наверное, она всегда так говорит, но я все равно ей верю.

Достаю телефон и пишу Иэну эсэмэску.

Я: «Клейтона обкорнали. Он держался молодцом».

Иэн: «Ай... Сегодня приеду на него посмотреть. Буду после семи».

Я: «Хорошо. Тогда до скорого».

Ко мне идет папа с двумя кружками кофе в руках, я прячу телефон в задний карман джинсов.

Папа протягивает мне кружку.

– Клейтон похож на тебя, – говорит он.

Старается принять случившееся.

– А я – на тебя. Да здравствуют сильные гены.

Я поднимаю чашку с кофе, и папа с улыбкой чокается со мной.

Он очень старается.

Прислонившись к стене, папа смотрит себе в кружку. Хочет что-то сказать, но не может решиться.

– Что такое? – спрашиваю я, чтобы ему помочь.

Папа поднимает на меня глаза.

– Я тобой горжусь, – с чувством произносит он.

Такая простая фраза.

Всего три слова.

Три самых важных слова в моей жизни.

– Конечно, я мечтал о другом. Никто не хочет, чтобы его сын стал отцом в восемнадцать, но... я тобой горжусь. Горжусь тем, как ты держался. Как поступил с Рейчел. Ты достойно повел себя в нелегкой ситуации. Не всякий взрослый на такое способен.

Я улыбаюсь и говорю «спасибо».

Мне показалось, что разговор окончен, но это не так.

– Майлз... Насчет Лисы... и твоей мамы...

Я жестом останавливаю его. Не хочу обсуждать это сейчас. Не хочу, чтобы папа оправдывался за то, как поступил с мамой.

– Все в порядке, пап. Давай обсудим это как-нибудь в другой раз.

Он возражает. Настаивает, что нужно поговорить именно сегодня.

Это важно.

Мне хочется возразить, что вовсе нет.

Клейтон – вот что важно.

Я бы предпочел сосредоточиться на сыне и Рейчел и забыть о том, что папа тоже человек и допускает порой ужасные ошибки, как и все мы.

Но ничего подобного я не говорю и покорно слушаю.

Потому что он мой отец.

Глава двадцать девятая

Тейт

Майлз: «Чем занимаешься?»

Я: «Готовлюсь к занятиям».

Майлз: «Поплавать не хочешь?»

Я: «??? Февраль на дворе!»

Майлз: «В бассейне на крыше вода теплая. Он закроется только через час».

Я тупо пялюсь на экран телефона, затем поворачиваюсь к Корбину.

– На крыше есть бассейн?

Он кивает, не отрывая взгляда от телевизора.

– Ты что, издеваешься? Я живу с тобой уже не один месяц, и ты до сих пор не сообщил мне, что здесь есть бассейн с подогревом?

Брат поворачивается ко мне и пожимает плечами.

– Терпеть не могу бассейны.

Тьфу! Так бы ему и врезала...

Я: «Корбин не говорил мне про бассейн. Сейчас переоденусь, и пойдем».

Майлз: «;».

* * *

Уже закрыв за собой дверь его квартиры, я спохватываюсь, что забыла постучаться.

Раньше я всегда стучалась, а тут не стала. Я ведь предупредила, что скоро приду. Однако судя по тому, как Майлз глядит на меня с порога комнаты, ему не нравится, что я вошла без стука.

Я останавливаюсь посреди гостиной и смотрю на Майлза, пытаюсь определить, в каком он сегодня настроении.

– Ты в бикини, – с ударением произносит он.

Я опускаю глаза на свой наряд.

– И шортах, – с вызовом говорю я. – А что положено надевать, когда плаваешь в феврале?

Майлз стоит как вкопанный, уставившись на меня.

Я заворачиваюсь в полотенце, чтобы прикрыть плечи и живот. Мне вдруг стало ужасно неловко за свою наготу.

Майлз подходит ближе, по-прежнему изучая купальник.

– Просто я... Надеюсь, там больше никого нет, иначе мне будет очень неудобно в этих плавках.

Он смотрит на свои бедра.

На отчетливо заметную выпуклость.

Я смеюсь. Значит, ему все-таки нравится мой наряд.

Майлз подходит еще ближе, кладет руки мне на ягодицы и притягивает к себе.

– Я передумал, – говорит он, ухмыляясь во весь рот. – Давай лучше останемся здесь.

– Лично я иду плавать, а ты как хочешь.

Он целует меня и ведет к двери.

– Делать нечего – тоже иду.

* * *

Майлз вводит код и открывает дверь на крышу. К моему облегчению, других купальщиков нет. Здесь так красиво, что просто дух захватывает. Бассейн с эффектом невидимых краев и видом на город. Вдоль него стоят шезлонги – вплоть до противоположного борта со встроенным джакузи.

– Поверить не могу, что все это время вы с Корбином ничего мне не говорили! Сколько же времени я потеряла?!

Майлз забирает у меня полотенце и относит на один из столиков. Затем возвращается ко мне и расстегивает пуговицу моих шортов.

– Вообще-то я сам тут впервые. – Он дергает за молнию и стягивает с меня шорты. Его губы почти касаются моих, вид игривый. – Идем. Давай окунемся.

Я выпутываюсь из шортов, Майлз стягивает футболку. Воздух очень холодный, но от бассейна поднимается многообещающий пар. Я иду туда, где помельче, и спускаюсь по ступенькам. А Майлз просто ныряет в воду. Мои ноги окутывает приятное тепло, и я поспешно захожу по грудь. Дойдя до середины бассейна, приближаюсь к краю и облакачиваюсь на бетонную перегородку, за которой открывается вид на город.

Майлз подплывает сзади, прижимается грудью к моей спине и ставит руки по сторонам от меня. Мы вместе любимся видом.

– Какая красота... – шепчу я.

Целую вечность мы просто смотрим на город.

Время от времени Майлз зачерпывает ладонями воду и льет мне на плечи, чтобы я не замерзла.

– Ты всегда жил в Сан-Франциско?

Я поворачиваюсь к нему и прижимаюсь спиной к перегородке.

– Почти всегда, – отвечает он, продолжая рассматривать город поверх моего плеча.

Тянет спросить, где именно он жил, но я сдерживаюсь. По языку его тела я вижу, что он не хочет говорить о себе. Никогда не хочет говорить о себе.

– Ты единственный ребенок в семье? – интересуюсь я, чтобы проверить, как далеко смогу зайти. – Есть у тебя братья или сестры?

Майлз переводит взгляд на меня и плотно сжимает губы.

– Тейт, что это ты делаешь?

Тон у него не грубый, но вопрос все равно звучит жестко.

– Просто пытаюсь завязать разговор, – отвечаю я негромко и обиженно.

– Существует масса тем, на которые я готов беседовать с куда большим удовольствием, чем о себе.

Но я-то хочу беседовать именно о тебе, Майлз...

Строго говоря, я не нарушала его правил, однако пробовала их на прочность, и Майлзу это не по вкусу.

Я снова поворачиваюсь лицом к краю бассейна. Майлз напряжен. Он настороже. Готов к обороне.

Я совсем не знаю его. Мне ничего не известно о его семье, а он уже познакомился с моей. Ничего не известно о его прошлом, а он уже спал в моей детской кровати. Я понятия не имею, какие поступки и темы заставят Майлза снова замкнуться, хотя мне самой нечего от него скрывать.

Майлз видит меня такой, какая я есть.

Я же вообще его не вижу.

Поспешно смахиваю слезу, невольно скатившуюся по щеке. Еще не хватало расплакаться... Я зашла слишком далеко и не могу воспринимать наши отношения просто как секс, но не могу и остановиться. Я ужасно боюсь потерять Майлза, поэтому предаю сама себя и беру то небольшое, что могу получить, хотя и знаю, что достойна большего.

Майлз берет меня за плечо и поворачивает лицом к себе. Он поддевает пальцем мой подбородок, и я послушно запрокидываю голову, однако в глаза ему не смотрю.

Направляю взгляд вверх и вправо и смаргиваю слезы.

– Прости меня.

Не понимаю, за что Майлз извиняется. Не уверена даже, знает ли он это сам. Но мы оба прекрасно сознаем, что плачу я из-за него – возможно, именно за это он и просит прощения. Понимает, что не может дать мне того, чего я хочу.

Майлз притягивает меня к себе. Я прижимаюсь ухом к его груди, а он кладет подбородок мне на макушку.

– Думаешь, нам лучше остановиться? – спрашивает он.

В его голосе слышен страх, как будто он надеется, что я отвечу «нет», но все равно чувствует, что должен спросить.

– Нет, – шепчу я.

У Майлза вырывается глубокий вздох. Похоже на вздох облегчения, но я не уверена.

– Если я кое о чем тебя спрошу, ты ответишь честно?

Яжимаю плечами. Не собираюсь говорить «да», пока не услышу вопроса.

– Ты все еще со мной, потому что веришь, будто я могу передумать? Надеешься, что я тебя полюблю?

Да, Майлз. Только поэтому я все еще с тобой.

Вслух я этого не говорю. Я вообще ничего не говорю.

– Я не могу, Тейт. Я просто...

Майлз умолкает, а я анализирую его слова. Он не сказал «не хочу». Он сказал «не могу». Хочется спросить: почему? Ему страшно? Я ему не подхожу? Он боится разбить мне сердце? Однако я ни о чем не спрашиваю, потому что никакой ответ не сможет меня успокоить. Ни один из возможных сценариев не повод отказываться от счастья.

Оттого и молчу – догадываюсь, что не готова услышать правду. Наверное, я просто недооцениваю то, что произошло с ним в прошлом и сделало его таким.

А с ним явно что-то случилось. Скорее всего, я не пойму, даже если узнаю. Это что-то украло у Майлза душу, как и сказал Кэп.

Руки Майлза стискивают меня крепче. Это больше, чем просто объятия. Он словно боится, что я утону, если меня отпустить.

– Тейт, – шепчет Майлз. – Потом я об этом пожалею, но хочу, чтобы ты меня выслушала. – Он слегка отстраняется, целует меня в волосы и снова притягивает к себе. – Если бы я был способен полюбить кого-нибудь... то полюбил бы именно тебя.

Мое сердце идет трещинами, и я чувствую, как надежда просачивается в него и вновь вытекает наружу.

– Но я не способен любить, поэтому, если тебе слишком тяжело...

– Мне не тяжело, – поспешно говорю я, пока Майлз все не разрушил. Потом нахожу в себе силы посмотреть ему в глаза и произнести самую большую ложь в своей жизни: – Меня все устраивает.

Майлз чувствует, что я лгу, – вижу это по взгляду, – однако кивает. Я обнимаю его за шею – хочу отвлечь, пока он меня не раскусил, но тут дверь открывается, и на крышу шаркающей походкой входит Кэп. Он шелкает выключателем, который управляет гидромассажными форсунками в джакузи, медленно поворачивается к двери и краем глаза видит нас.

– Это ты, Тейт? – спрашивает Кэп, подслеповато шурясь.

– Я.

– Хм, – произносит он, разглядывая нас. – Вам кто-нибудь говорил, что вы чертовски красивая пара?

Меня передергивает. Не лучшее время для подобных комплиментов, особенно после того неловкого разговора, который только что состоялся у нас с Майлзом. Впрочем, я прекрасно знаю, что у Кэпа на уме.

– Мы сами выключим свет перед уходом, – говорит Майлз, оставив слова старика без ответа.

Кэп сощуривает глаза, разочарованно качает головой и поворачивается к двери.

– Все равно это был риторический вопрос, – бормочет он, затем подносит руку ко лбу и салютует пустому пространству перед собой. – Спокойной ночи, Тейт.

– Спокойной ночи, Кэп.

Мы смотрим Кэпу вслед, пока дверь за ним не захлопывается. Я отстраняю Майлза, чтобы он дал мне дорогу, и плыву на спине к противоположному борту.

– Почему ты так груб с ним?

Майлз раскидывает руки, отталкивается ногой от стенки и направляется ко мне. Он подплывает почти вплотную и едва не врезается в меня, но вовремя тормозит, схватившись за край бассейна по бокам от моей головы.

– Я с ним не груб. – Майлз целует меня в шею и нежно проводит губами до самого уха. – Просто не люблю отвечать на вопросы.

Я заметила.

Я слегка отстраняюсь – хочу посмотреть Майлзу в глаза, но на губах у него брызги воды, и мне трудно отвести от них взгляд.

– Он же стар, а с пожилыми нужно обращаться вежливо. К тому же Кэп ужасно забавный, если узнать его получше.

Майлз издает короткий смешок.

– Похоже, он тебе нравится?

Мысль эта почему-то кажется ему забавной.

– Нравится. И очень. Временами гораздо больше, чем ты.

На этот раз Майлз хохочет во весь голос и быстро целует меня в щеку. Кладет руку мне на затылок и смотрит на мои губы.

– Мне нравится, что он тебе нравится. Больше не буду ему грубить. Обещаю.

Я прикусываю губу, чтобы скрыть улыбку. Майлз только что сделал мне обещание. Простое обещание, но все равно приятно.

Майлз дотрагивается до моей губы и слегка оттягивает ее вперед.

– Я же просил тебя не прятать улыбку, – говорит он, нежно ее покусывая.

Такое чувство, будто температура воды взлетела сразу на двадцать градусов.

Майлз прижимается губами к моей шее и тяжело выдыхает. Я запрокидываю голову на край бассейна, а он прокладывает дорожку из поцелуев.

– Больше не хочу плавать, – говорит он, скользя губами от основания моей шеи к лицу.

– Чего же ты хочешь? – слабо спрашиваю я.

– Тебя, – отвечает он, не задумываясь. – В ванной. Со спины.

– Ух ты, какая точность...

– А также в постели. И чтобы ты была сверху, все еще мокрая после душа.

Я делаю судорожный вдох, и оба мы слышим, как прерывается мое дыхание на выдохе.

– Хорошо, – хочу сказать я, но Майлз закрывает мне рот поцелуем.

И вновь разговор, который мог открыть мне правду, отеснен в сторону, чтобы освободить место для того единственного, что готов дать мне Майлз.

Глава тридцатая

Майлз

Шестью годами ранее

Мы молча подходим к зоне ожидания для посетителей. Папа садится первым, я с неохотой опускаюсь напротив.

Жду его исповеди, а он даже не знает, что исповедоваться не обязательно.

Мне и так известно о его отношениях с Лисой.

Известно, сколько они длятся.

– Мы с твоей мамой...

Папа смотрит в пол, не в силах поднять на меня глаз.

– В общем, когда тебе было шестнадцать, мы решили развестись. Но поскольку я постоянно был в разъездах, мы подумали, что с финансовой точки зрения лучше подождать, пока ты не окончишь школу.

Шестнадцать?..

Мама заболела, когда мне было шестнадцать...

– Когда я познакомился с Лисой, мы с мамой уже год как решили расстаться.

Папа глядит на меня. Он говорит правду.

– Когда мы узнали, что мама больна, я сделал то, что должен был. Она твоя мать, и я не мог оставить ее, когда она больше всего во мне нуждалась.

У меня ноет в груди.

– Знаю, ты сам обо всем догадался. Прикинул по времени. Ненавидел меня, потому что считал, будто я крутил роман на стороне, пока мама болела. Мне тяжело было держать тебя в неведении.

– Зачем держал? Почему ничего не объяснил?

Папа снова опускает глаза.

– Сам не знаю. Думал, а вдруг ты все-таки не вычислил, когда именно я начал встречаться с Лисой. Тогда признание принесло бы больше вреда, чем пользы. Я не хотел сообщать тебе, что наш с мамой брак распался. Не хотел, чтобы ты думал, будто она умерла несчастной.

– Она умерла счастливой. Ты же был рядом. Мы оба были рядом.

Папа благодарен мне за эти слова, потому что знает: я говорю правду.

Мама была довольна жизнью.

Довольна мной.

Хочу знать, не разочаровалась бы ли она во мне, если б знала, как все вышло?..

– Она бы тобой гордилась, – говорит папа. – Гордилась бы тем, как ты себя повел.

Я его обнимаю.

Мне необходимо было это услышать – больше, чем я думал.

Глава тридцать первая

Тейт

Я пытаюсь слушать Корбина, который пересказывает мне свой разговор с мамой, но думать могу только об одном: Майлз вернется домой в любую минуту...

Его не было десять дней. Еще никогда мы не расставались так надолго, не считая тех нескольких недель, когда мы не разговаривали.

– Ты уже сообщила Майлзу? – спрашивает Корбин.

– О чем?

– Что переезжаешь.

Он указывает на прихватку на столе рядом со мной, и я бросаю ее ему.

– Я не говорила с ним с прошлой недели. Сегодня скажу, наверное.

Если честно, мне всю неделю хотелось сообщить Майлзу, что я нашла отдельную квартиру, но тогда бы пришлось либо позвонить, либо написать, а ни то, ни другое у нас не принято. Мы переписываемся, только когда оба дома. Вероятно, чтобы поддерживать личные границы.

Не то чтобы переезд – такое уж большое событие. Буду жить всего в паре кварталов отсюда. От нового дома ближе и до колледжа, и до работы. Конечно, это не современная высотка в центре города, но я довольна.

Однако меня беспокоит, как скажется переезд на наших отношениях. Наверное, поэтому я и не говорила ему о том, что подыскиваю себе квартиру. В глубине души боюсь, что Майлз сочтет слишком неудобным, если я буду жить дальше, чем через коридор, и положит конец нашему общению.

Входная дверь открывается, и раздается быстрый стук. Я кошусь на Корбина: он закатывает глаза.

Все еще не смирился.

Майлз входит на кухню. Его лицо готово расплыться в улыбке. Видя Корбина, он сдерживает себя.

– Что готовишь? – любопытствует, прислоняясь к стене и скрещивая на груди руки. Скользит взглядом по моим ногам – я в юбке, и он все-таки улыбается.

К счастью, Корбин стоит лицом к плите.

– Ужин, – холодно цедит он.

Медленно же он подстраивается...

Несколько секунд Майлз молча разглядывает меня.

– Привет, Тейт!

– Привет!

– Как прошли экзамены?

Его взгляд блуждает по всему моему телу, кроме лица.

– Хорошо.

– Классно выглядишь, – произносит Майлз одними губами.

Больше всего я хочу, чтобы Корбина здесь не было. Призываю все свое самообладание, чтобы не броситься Майлзу на шею и не зацеловать до смерти.

Корбин знает, зачем пришел Майлз. Однако мы стараемся уважать то, что брат по-прежнему не одобряет нашей связи, а потому не выставляем чувства напоказ.

Майлз глядит на меня, покусывает внутреннюю сторону щеки и теребит рукав рубашки. На кухне тишина. Корбин так и не повернулся, чтобы поздороваться. Вид у Майлза такой, словно он вот-вот взорвется.

– А, к черту все! – говорит он и подходит ко мне. Берет мое лицо в ладони и страстно целует меня прямо за спиной у брата.

Он меня целует...

Прямо за спиной у брата...

Не придавай этому значения, Тейт.

Майлз тянет меня за руки и уводит из кухни. Насколько могу судить, Корбин так и стоит лицом к плите, изо всех сил игнорируя нас.

Все еще не может смириться.

Мы уже в гостиной, Майлз наконец отстраняется.

– Целый день не мог думать ни о чем другом. Вообще ни о чем.

– Я тоже.

Майлз тащит меня к выходу. Я подчиняюсь. Он выводит меня за дверь, достает из кармана ключи. Его вещи в коридоре.

– Почему тут твой багаж?

– Не успел зайти домой.

Он подбирает вещи и придерживает для меня дверь.

– Ты что, сразу пошел ко мне?

Майлз забрасывает сумку на диван, чемодан ставит к стене.

– Именно, – он привлекает меня к себе. – Я же сказал: не мог ни о чем другом думать.

– А, так ты все-таки по мне скучал? – игриво смеюсь я.

Он мгновенно отстраняется. Его тело так напряжено, словно я только что призналась ему в любви.

– Расслабься, – говорю я. – Нет ничего страшного в том, чтобы по мне скучать. Это не противоречит твоим правилам.

– Пить хочешь?

Перевел разговор на другую тему. Как обычно. Идет в кухню. Все в нем изменилось: выражение лица, улыбка, радость от встречи после разлуки.

Я стою посреди гостиной и наблюдаю, как мир разваливается на части.

Я столкнулась с действительностью, хотя это больше похоже на столкновение с метеоритом.

Этот мужчина даже не в состоянии признать, что скучал по мне...

Я-то надеялась, Майлз постепенно вырвется из тисков того, что его держит. Последние несколько месяцев я жила с убеждением, что наши отношения развиваются слишком быстро и ему просто нужно время, чтобы их принять. Но теперь все ясно.

Дело не в нем.

Дело во мне.

Это я не могу принять то, что между нами происходит.

– Все в порядке? – спрашивает Майлз с кухни. Он выглядывает из-за шкафа и ждет моего ответа.

– Ты скучал по мне, Майлз?

Он опять воздвигает между нами стену. Отворачивается и возвращается в кухню.

– Тейт, мы таких фраз произносить не должны.

Он что, серьезно?

– Да? Майлз, это же обычная фраза. Она не предполагает постоянных отношений. Не предполагает даже любви. Друзья говорят такое друг другу.

Майлз прислоняется к столу и спокойно смотрит на меня.

– Но мы-то с тобой не друзья и никогда ими не были. Не хочу нарушать твое единственное правило и обнадеживать тебя, поэтому не говорю ничего подобного.

Сама не могу объяснить, что со мной происходит. Как будто все слова и поступки Майлза, когда-либо причинившие мне боль, разом пронзают мне сердце. Мне хочется наорать на него. Возненавидеть. Выяснить наконец, что, черт возьми, с ним произошло. Почему его слова ранят меня сильнее, чем любые другие.

Я устала топтаться на месте.

Устала делать вид, что не умираю от желания все о нем узнать.

Устала притворяться, что он не повсюду. Не во всем. Не мой единственный.

– Что она с тобой сделала? – шепчу я.

– Не надо, – произносит Майлз.

Это предупреждение. Угроза.

Я устала видеть в его глазах боль и не знать, в чем причина. Устала гадать, каких слов нельзя при нем говорить.

– Расскажи мне.

Майлз отводит глаза.

– Тейт, иди домой.

Он поворачивается к столу, берется за него обеими руками и роняет голову на грудь.

– Как же ты меня!.. – выкрикиваю я. Разворачиваюсь и выскакиваю из кухни. Уже в гостиной слышу, что Майлз идет за мной, и ускоряю шаг. Бегу к двери, распахиваю ее, но Майлз бьет по ней ладонью, и она захлопывается.

Я изо всех сил зажимаюсь в ожидании слов, которые окончательно меня уничтожат, – а они непременно меня уничтожат.

Он замер, прижавшись грудью к моей спине, касаясь губами моего уха.

– Как же я тебя затрахал, Тейт? Именно этим мы и занимаемся. Я ясно выразился с самого начала.

Я смеюсь, а что еще остается? Разворачиваюсь и смотрю на Майлза. Он не отступает. Еще никогда не видела его таким, это пугает.

– Ясно дал понять, говоришь? Ну и ахинею же ты порешь!

Майлз не двигается с места, только стискивает зубы.

– А что тебе не ясно? Два правила. Куда уж проще?

Я смеюсь, не веря своим ушам, а потом разом выпаливаю все, что накопилось.

– Трахаться и заниматься любовью – не одно и то же! А ты больше месяца не просто трахаешь меня. Каждый раз, когда ты во мне, ты занимаешься со мной любовью. Я вижу это по твоим глазам. Ты скучаешь, когда мы не вместе. Не можешь думать ни о чем другом. Не способен потерпеть десять секунд и зайти к себе, не увидев прежде меня. Так что не смей говорить, будто ясно дал мне что-то понять, потому как более странного человека я в жизни не встречала!

Я перевожу дыхание.

Такое чувство, что не дышала целый месяц.

Теперь может делать что пожелает. С меня хватит.

Майлз отступает на несколько шагов. Его передергивает, он отворачивается, словно не хочет, чтобы я прочла на его лице чувства, которые бушуют внутри. Он сцепляет руки за шеей и стоит так не меньше минуты. Изо всех сил контролирует дыхание, чтоб не заплакать. И когда я осознаю, что происходит, сердце у меня обрывается.

Майлз на грани срыва.

– Боже мой... – шепчет он голосом, полным боли. – Тейт, что же я с тобой делаю?

Майлз приваливается к стене и сползает на пол. Закрывает лицо руками, пытаясь унять раздражающие его чувства. Его плечи содрогаются, но он не издает ни звука.

Он плачет.

Майлз Арчер плачет.

Плачет так же беззвучно и отчаянно, как в тот вечер, когда я впервые его увидела.

Этот взрослый человек, эта неприступная, закованная в броню стена рассыпается прямо у меня на глазах.

– Майлз... – шепчу я.

Мой голос слаб по сравнению с его непробиваемым молчанием. Я встаю перед ним на колени, обнимаю за плечи и прижимаюсь головой к его лбу.

Я больше ничего не спрашиваю, потому что боюсь узнать правду.

Глава тридцать вторая

Майлз

Шестью годами ранее

Лиса любит Клейтона.

Папа любит Клейтона.

Клейтон сплачивает семью.

Он уже мой герой, а ведь ему всего два дня от роду.

Вскоре, после того как папа с Лисой уходят, приезжает Иэн. Он не хочет брать Клейтона на руки, но Рейчел удаётся его убедить. Иэн смущен, потому что никогда не держал ребенка, однако подчиняется.

– Слава богу, что Клейтон пошел в Рейчел, – говорит он.

Я согласен.

Иэн спрашивает, рассказывал ли я Рейчел о том, что написал ему в тот день, когда впервые ее встретил.

Я не понимаю, о чем он.

Иэн смеется.

– В тот первый день Майлз сфотографировал тебя со своего места в классе, послал фотку мне и написал: «Это будущая мать моих детей».

Рейчел смотрит на меня.

Я смущенно пожимаю плечами.

Рейчел приятно, что я написал это Иэну. А мне приятно, что он ей рассказал.

Входит врач и говорит, что нам можно ехать домой. Иэн помогает мне перенести вещи в машину и подвести Рейчел к выходу. Потом дотрагивается до моего плеча. Я думаю, он хочет меня поздравить, но вместо этого он просто меня обнимает.

Немного неловко, но я рад, что друг мной гордится.

У меня хорошо на душе, как будто я все делаю правильно.

Иэн уезжает.

Мы тоже.

Я, Рейчел и Клейтон.

Моя семья.

Я бы хотел, чтобы Рейчел сидела рядом, но мне нравится, что она на заднем сиденье вместе с Клейтоном. Я в восторге от того, как сильно она его любит. В восторге, что теперь, когда Рейчел стала матерью, меня влечет к ней еще сильнее.

Мне хочется поцеловать ее, сказать о своей любви, но, по-моему, я и так повторяю это слишком часто. Не хочу, чтобы ей надоело.

– Спасибо тебе за нашего малыша, – говорит с заднего сиденья Рейчел. – Он прекрасен.

– Ну, красоту он унаследовал от тебя. От меня у него только яйца.

Она смеется. Смеется от души.

– О да, знаю... они такие большие!

Мы оба смеемся.

Рейчел вздыхает.

– Поспи, – говорю я. – Ты же два дня не спала.

В зеркале заднего обзора я вижу, как она улыбается.

– Потому что не могу оторвать от него глаз.

А я не могу оторвать глаз от тебя, Рейчел.

Однако отрываю, потому что огни встречной полосы ярче, чем следовало бы.

Я стискиваю руль.
Намного ярче.
Говорят, за мгновение до смерти перед глазами проходит вся жизнь.
В каком-то смысле так и есть.
Вот только перед глазами не последовательные или разрозненные эпизоды, а одна-единственная картинка, которая
ЗАСТРЕВАЕТ
в сознании. Становится всем, что ты видишь. Всем, что чувствуешь.
Перед глазами стоит не твоя собственно жизнь, а те люди, которые стали ею.
Рейчел и Клейтон.
Перед глазами лишь они двое – вся моя жизнь.
Гул.
Один только гул.
Внутри, снаружи, снизу и сверху.
РЕЙЧЕЛ, РЕЙЧЕЛ, РЕЙЧЕЛ...
Не могу ее найти.
КЛЕЙТОН, КЛЕЙТОН, КЛЕЙТОН...
Мокро. Холодно. Голова болит. Руки тоже.
Я ее не вижу, я ее не вижу, я ее не вижу...
Я его не вижу.
Тишина.
Тишина.
Тишина.
ОГЛУШИТЕЛЬНАЯ ТИШИНА.
– Майлз!
Я открываю глаза.
Мокро. Мокро. Мокро.
Вода.
В машине вода.
Я расстегиваю ремень безопасности и оборачиваюсь.
Рейчел сидит, обхватив руками автокресло Клейтона.
– Майлз, помоги! Оно застряло!
Я пытаюсь.
Пытаюсь еще раз.
Но ее тоже нужно вытащить.
Ее нужно вытащить!
Я ногой выбиваю стекло – видел такое в каком-то фильме.
«Обеспечьте себе выход прежде, чем давление на окна слишком возрастет».
– Рейчел, выбирайся наружу! Я его вытащу!
Но она отказывается бросить ребенка.
Я его вытащу, Рейчел...
Она не может выбраться. Ремень заело – он слишком сильно натянут.
Я хватаюсь за ремень. Нашупываю пряжку уже под водой.
Рейчел бьет меня по рукам, пытается оттолкнуть.
– Сначала его! – кричит она. – Сначала вытащи его!
Не могу.
Они оба застряли.
О господи...
Мне страшно.

Ей страшно.
Повсюду вода, и я больше не вижу Клейтона.
Не вижу Рейчел.
Не слышу его плача.
Я снова нащупываю пряжку.
Расстегиваю ремень.
Хватаю Рейчел за руки. Ее окно цело. Мое разбито.
Тащу Рейчел вперед.
Она сопротивляется...
Сопротивляется...
Обмякает.
Сопротивляйся, Рейчел!..
Сопротивляйся!
Пошевелись!
Кто-то просовывает в окно ладонь.
– Дайте мне ее руку! – кричит он.
В окно льется вода.
Все заднее сиденье залито водой.
Повсюду одна вода.
Я даю ему руку Рейчел, и он помогает вытащить ее из машины.
Повсюду одна вода...
Я пытаюсь найти Клейтона...
Не могу дышать...
Пытаюсь найти его...
Но не могу дышать...
Хочу спасти сына...
Стать для него героем...
Не могу дышать...
И больше не дышу.
Тишина.
Тишина.
Тишина.
Тишина.
Тишина.
Тишина.
Тишина.
Тишина.
Тишина.
ОГЛУШИТЕЛЬНЫЙ КРИК.
Я зажимаю уши руками.
Заковываю сердце в броню.
Отплеываюсь, пока снова не начинаю дышать.
Открываю глаза: мы в лодке.
Оглядываюсь по сторонам: мы на озере.
Подношу руку к подбородку.
Рука красная. Покрыта кровью. Такой же яркой, как волосы Рейчел.
Рейчел...
Вижу Рейчел.
Клейтон...

Не вижу Клейтона.
Я приподнимаюсь на локтях и подползаю к борту.
Нужно найти Клейтона...
Кто-то останавливает меня.
Оттаскивает назад.
Говорит, слишком поздно.
Говорит, ему очень жаль.
Но мы уже не можем ничем помочь.
После столкновения машина слетела с моста.
Ему очень, очень жаль.
Я поддвигаюсь к Рейчел.
Хочу ее обнять, но она не дается.
Она кричит. Всклипывает. Рыдает. ВОЕТ.
Бьет меня. Пинает. Говорит, что я должен был спасти его, а не ее.
Я же пытался спасти вас обоих, Рейчел...
– Ты должен был спасти его!
Ты должен был спасти его...
Я должен был спасти его...
Она кричит. Всклипывает. Рыдает. ВОЕТ.
Я все равно ее обнимаю.
Пусть меня бьет.
Пусть ненавидит.
Рейчел меня ненавидит...
Я все равно ее обнимаю.
Рейчел плачет, но уже беззвучно. Плачет так сильно, что не может издать ни звука. Плачет ее тело, но не голос.
Все кончено.
Все кончено.
ВСЕ КОНЧЕНО.
Я плачу вместе с Рейчел. Плачу, и плачу, и плачу.
Оба мы плачем, и плачем, и плачем.
Все кончено...
Осталась одна вода.
Я смотрю на Рейчел, но вижу лишь воду.
Закрываю глаза и вижу воду.
Поднимаю взгляд к небу и вижу все ту же воду.
Как больно... Не думал, что сердце способно вместить тяжесть всего мира.
Я больше не делаю жизнь Рейчел прекрасной.
Я уничтожил тебя, Рейчел...
Моя семья.
Я, Рейчел и Клейтон.
Все уничтожено.
Ты больше не сможешь любить меня, Рейчел...

Глава тридцать третья

Тейт

Я обнимаю Майлза, глажу по спине, касаюсь его волос. Он плачет, и я могу только повторять: «Не надо». Мне хочется умолять его, чтобы он забыл мои слова. Хочется сделать все возможное, лишь бы облегчить его боль. Что бы ни произошло с ним в прошлом, это не имеет значения. Ни один человек не заслуживает такой боли.

Я отвожу от его лица руки и сажусь к нему на колени. Его глаза по-прежнему закрыты.
– Майлз, мне не обязательно знать.

Он стискивает меня в объятиях и утыкается мне в грудь. Часто дышит, пытаюсь побороть бушующие чувства. Я обнимаю его за голову, целую в волосы, в висок, пока он не отстраняется и не поднимает на меня взгляд.

Ни одна броня, ни одна стена, какой бы толстой она ни была, не способна скрыть отчаяние в его глазах. Оно настолько очевидно, настолько огромно, что я невольно задерживаю дыхание, чтобы тоже не расплакаться.

Что же произошло с тобой, Майлз?..

– Мне не обязательно знать, – повторяю я.

Майлз придерживает меня за затылок и с такой силой припадает к моим губам, что мне больно. Он наклоняется все ниже, пока я не ложусь спиной на пол. Его руки мнут мою футболку. Он целует меня, отчаянно и страстно, я чувствую во рту вкус его слез.

Я позволяю ему воспользоваться мной, чтобы избавиться от боли.

Готова сделать все, что он захочет, лишь бы ему стало легче.

Майлз запускает руку под юбку и стягивает с меня трусики, я стягиваю с него джинсы. Трусики уже висят у меня на лодыжках. Я стряхиваю их, и в тот же миг Майлз заводит мне руки за голову.

Он прислоняется лбом к моему лбу. Закрывает глаза. Мои остаются открытыми. Не теряя времени, Майлз накрывает меня собой, разводит мне ноги. Кладет голову рядом с моей и медленно входит.

Едва оказавшись во мне, он выдыхает, освобождаясь от какой-то части своей боли. Забывает о том неведомом ужасе, который только что вновь пережил.

Майлз отталкивается и входит снова – на этот раз со всей силы.

Мне больно.

Отдай мне свою боль, Майлз...

– Боже мой, Рейчел... – шепчет он.

Боже мой, Рейчел...

Рейчел, Рейчел, Рейчел...

Это имя звучит у меня в голове снова и снова.

Боже.

Мой.

Рейчел.

Я отворачиваюсь от него. В жизни не испытывала такой боли. Хуже просто не может быть. Осознав, что он сказал, Майлз замирает. Единственное, что сейчас движется, это мои слезы.

– Тейт... Тейт, прости...

Я встряхиваю головой, но слезы не остановить. В глубине меня что-то застыло. То, что раньше было текучим, превращается в лед, и в этот миг я понимаю: все кончено.

Это имя.

Оно сказала мне все. Его прошлое никогда не будет принадлежать мне – оно в ее собственности.

Его будущее никогда не будет принадлежать мне – он не намерен делить его ни с кем-либо, кроме нее.

И я никогда не узнаю почему, ведь он никогда мне не скажет.

Майлз хочет отстраниться, но я обвиваю его ноги своими.

– Тейт, богом клянусь, я не думал о...

– Молчи. – Не хочу, чтобы он оправдывался. – Просто кончи.

Майлз поднимает голову и смотрит на меня. В его глазах я вижу сожаление, залитое слезами. Не знаю, виной ли тому мои слова или просто мы оба поняли, что все закончилось, но сердце Майлза опять разбито.

Если такое вообще возможно.

На мою щеку падают его слезы. Чувствую, как они скатываются вниз и соединяются с моими.

Просто хочу, чтобы все прошло.

Кладу руку ему на затылок, притягиваю его голову для поцелуя. Майлз больше не двигается, и я выгибаю спину, лгну к нему бедрами. Он стонет, делает выпад и опять останавливается.

– Тейт... – произносит он мне в губы.

– Просто кончи, Майлз, – бормочу я сквозь слезы. – Просто кончи.

Он прижимает ладонь к моей щеке и касается губами уха. Теперь мы оба плачем еще сильнее. Очевидно, я для него что-то значу. Я знаю это. Чувствую, как хочется ему меня любить, но я не в силах победить то, что его останавливает. Обвиваю руками его шею.

– Пожалуйста... Пожалуйста, Майлз...

Плачу и молю, сама не зная о чем.

Майлз делает выпад. Резкий. Настолько резкий, что меня отбрасывает от него. Тогда он крепко хватает меня за плечи, просунув руки мне за спину, и начинает совершать сильные, длинные, глубокие толчки, от которых у нас обоих вырываются стоны.

– Сильнее, – прошу я.

Он входит в меня сильнее.

– Быстрее.

Он двигается быстрее.

Мы оба хватаем ртом воздух, сглатывая слезы.

Этот секс неистов. Этот секс душераздирающ. Невыносим. Уродлив.

Этот секс кончился.

Едва Майлз замирает, я сбрасываю его с себя. Он скатывается на пол. Я сажусь, вытираю слезы, затем встаю и натягиваю трусики.

Пальцы Майлза обхватывают мою лодыжку. Те же пальцы, ту же лодыжку, как и в вечер нашего знакомства.

– Тейт... – произносит он голосом, наполненным эмоциями. Каждое его чувство переплетается с каждым звуком моего имени.

Я стряхиваю его руку.

Иду к двери, по-прежнему ощущая Майлза внутри, ощущая вкус его губ и следы его слез на своих щеках.

Выхожу в коридор.

Захлопываю дверь.

В жизни не совершала ничего более жестокого.

Не могу сделать даже три шага, разделяющие наши квартиры, и валюсь на пол прямо в коридоре.

Я вода.

Сплошные слезы.

Глава тридцать четвертая

Майлз

Шестью годами ранее

Мы вернулись домой. Только не в наш с ней дом.

Рейчел хочет быть рядом с Лисой. Со своей матерью.

А я нуждаюсь в отце.

Каждую ночь я держу Рейчел в объятиях и молю о прощении. Каждую ночь мы оба плачем.

Не понимаю, почему сначала все идеально – жизнь и люди совершенны и прекрасны...

А потом все кончается.

Все становится уродливо.

Жизнь, любовь и люди.

Все превращается в воду.

Сегодняшняя ночь другая. Сегодня ночью Рейчел не плачет – впервые за три недели. Но я все равно не выпускаю ее из объятий. Надо радоваться, что она не плачет, но меня это пугает. Слезы значат, что Рейчел что-то чувствует. Даже отчаяние – это все-таки уже хоть что-то.

Сегодня слез нет.

Но я все равно обнимаю ее. Прошу прощения.

Она не говорит, чтобы я не извинялся.

Не говорит, что я ни в чем не виноват.

Не говорит, что прощает.

Сегодня Рейчел меня целует. Целует и стягивает с себя рубашку. Просит заняться с ней любовью. Лучше не надо. Нужно подождать еще две недели. Рейчел целует меня, чтобы я замолчал.

Я отвечаю на ее поцелуй.

Рейчел снова любит меня...

Кажется.

По крайней мере, целует так, словно любит.

Я нежен с ней.

Не тороплюсь.

Она касается меня так, словно любит.

Я не хочу сделать ей больно.

Она плачет.

Не плачь, пожалуйста, Рейчел...

Я останавливаюсь.

Она велит не останавливаться.

Велит мне кончить.

Кончить...

Гадкое слово.

Будто речь о работе.

Я снова целую ее.

И кончаю.

* * *

«Майлз...»

Рейчел написала мне письмо.

«Прости».

Нет...

«Я больше не могу. Мне слишком больно».

Нет, нет, нет...

«Мама увозит меня обратно в Феникс. Мы обе останемся там. Все слишком сложно, даже между нашими родителями. Твой папа уже в курсе».

Клейтон сплачивает семью.

Майлз ее разрушает.

«Я пыталась остаться. Пыталась тебя любить. Каждый раз, как я на тебя смотрю, я вижу его. Он повсюду. Если я останусь, он так и будет повсюду. Ты ведь сам это чувствуешь. Знаю, ты поймешь. Я не должна тебя винить».

Однако винишь...

«Мне очень жаль».

Ты перестала любить меня, написав мне письмо?

«С любовью...»

Я чувствую эту любовь. Все ее мерзкие стороны. Она в моих порах. Моих венах. В моих воспоминаниях и моем будущем.

«Рейчел».

Разница между прекрасной и уродливой сторонами любви в том, что прекрасная гораздо легче. Она заставляет тебя парить, приподнимает над землей, несет куда-то.

Прекрасная сторона любви возносит тебя над остальным миром. Удерживает высоко-высоко над всем плохим, и ты смотришь вниз и думаешь: «О, как же мне повезло, что я наверху!»

Иногда прекрасная сторона любви уезжает обратно в Феникс.

Уродливая сторона любви слишком тяжела, чтобы уехать в Феникс.

Уродливая сторона любви не может вознести.

Она опускает.

Придавливает.

Топит...

Ты запрокидываешь голову и думаешь: «Как бы я хотел оказаться там, наверху...»

Но ты не наверху.

Уродливая любовь становится тобой.

Проглатывает тебя.

Заставляет ненавидеть все на свете.

Заставляет понять, что прекрасные стороны любви не стоят этого. Без прекрасного ты никогда не рискнешь испытать уродливое.

И ты отказываешься. Отказываешься от всего. Ты больше не хочешь любви – неважно какой, потому что никакая любовь не стоит того, чтобы снова пережить уродство.

Я больше не позволю себе никого полюбить, Рейчел...

Никогда в жизни.

Глава тридцать пятая

Тейт

– Последние, – говорит Корбин, забирая две оставшиеся коробки.

Я подаю Корбину ключ от своей новой квартиры.

– Еще раз все проверю и встречу тебя там.

Брат выходит, а я стою и обзираю дверь квартиры напротив.

Я не видела Майлза с прошлой недели. Эгоистично надеялась, что он сам придет и извинится, хотя, с другой стороны, за что ему просить прощения? Он мне не лгал. Не произносил вслух тех обещаний, которые нарушил.

Майлз не был честен со мной только тогда, когда молчал. И когда смотрел на меня, а я видела в его глазах больше, чем он позволял себе выразить.

Теперь ясно, я сама и выдумала эти чувства как отражение собственных. Та нежность, что иногда мелькала в глазах Майлза, лишь плод моего воображения. Плод моей надежды.

Я в последний раз осматриваю квартиру, чтобы проверить, не забыла ли чего. Когда выхожу в коридор и поворачиваю ключ в замке, на меня накатывает нечто совершенно незнакомое.

Не уверена, храбрость это или отчаяние, но моя рука сжимается в кулак, а кулак стучит в его дверь.

Я говорю себе: если пройдет десять секунд, а он так и не откроет, ничто не помешает мне отбежать к лифту.

Увы. Проходит лишь семь.

У меня включается здравый смысл. Прежде чем он успевает победить, а я – броситься к лифту, дверь широко открывается, и я вижу Иэна, который сочувственно смотрит на меня.

– Тейт, – говорит он с улыбкой. – Сейчас его позову.

Я киваю, мой подбородок устремляется вверх, а сердце – сквозь грудь и желудок, – куда-то вниз.

– Это Тейт, – слышу голос Иэна.

Исследую каждый слог, каждый звук этой фразы, отчаянно пытаюсь найти хоть какой-то намек на то, что думает Иэн о моем появлении. Закатил ли он глаза? Или произнес это с надеждой? Если кому-нибудь известно, какотреагирует Майлз на мой приход, то только ему. Но увы, голос Иэна ничего не выдает.

Слышу шаги, анализирую их звук. Поспешные они, нерешительные или сердитые?

И, когда Майлз подходит к двери, первым делом я смотрю ему на ноги.

Опять ничего. Никакой подсказки, способной внушить мне ту уверенность, в которой я так остро нуждаюсь.

Я предчувствую, что мои слова прозвучат слабо и хрипло, но все равно выдавливаю их из себя.

– Я уезжаю, – говорю я, продолжая изучать его ноги. – Просто хотела попрощаться.

Никакой реакции. Ни слова, ни жеста.

Наконец я нахожу в себе силы поднять глаза на Майлза. При виде непроницаемого выражения его лица мне хочется отступить назад, но я боюсь споткнуться о собственное сердце.

Не хочу, чтобы он видел, как я падаю.

Когда я слышу ответ, то не могу простить себе, что пришла.

– Прощай, Тейт.

Глава тридцать шестая

Майлз

Наши дни

Тейт наконец нашла в себе силы поднять на меня глаза, но я стараюсь не ловить ее взгляд. Если посмотрю в ее глаза, то не выдержу. Когда мы вместе, ее губы, улыбка и голос находят все мои уязвимые места, чтобы проломить броню, покорить меня и завоевать.

Когда мы вместе, мне каждый раз приходится этому противостоять, поэтому сейчас мой взгляд – это просто взгляд, ничего более.

Тейт говорит, что решила попрощаться, но мы оба прекрасно знаем: не за этим она здесь. Она пришла, потому что влюбилась в меня, хоть я ее и предупреждал. Она пришла, ибо все еще надеется, что я тоже могу ее полюбить.

Я хочу полюбить тебя, Тейт. Хочу до боли.

Не узнаю собственный голос, когда говорю: «Прощай».

Отсутствие эмоций легко принять за ненависть. Как же не похоже оно на равнодушие, которое я хотел изобразить! И еще менее похоже на желание умолять ее остаться, охватившее меня.

Тейт опускает взгляд. Я осознаю, что убил ее своим ответом, однако я и так слишком долго кормил эту девушку ложными надеждами.

Чем ближе я подпускаю к себе Тейт, тем ей больнее, когда мне приходится ее отталкивать.

И все же трудно испытывать к Тейт сострадание. Как бы больно ей сейчас ни было, она понятия не имеет, что такое настоящая боль. Не знает так, как я. Благодаря мне боль не сидит без дела. Живет и здравствует.

Тейт выпускает вдох и смотрит на меня слегка покрасневшими блестящими глазами.

– Ты заслуживаешь гораздо большего, чем себе позволяешь. – Она встает на цыпочки, кладет руки мне на плечи и целует в щеку. – Прощай, Майлз.

Тейт поворачивается и спешит к лифту, из которого как раз выходит Корбин. Я вижу, как она смахивает слезы.

Смотрю ей вслед.

Захлопываю дверь в надежде испытать хотя бы малейшее облегчение от того, что дал ей уйти. А вместо этого испытываю единственное чувство, на которое способно мое сердце: боль.

– Ну ты и дурак, черт тебя подери! – Иэн сидит на подлокотнике дивана и смотрит на меня. – Почему не бежишь за ней?

Потому что я ненавижу это чувство, Иэн. Ненавижу все те чувства, которые она во мне будит и которые я избегал последние шесть лет.

– Зачем? – спрашиваю я и направляюсь к себе в комнату, но тут в дверь снова стучат.

Я тяжело выдыхаю и возвращаюсь. Не хочу выпроваживать Тейт во второй раз, однако выхода нет. Она должна смириться с тем, что все кончено, даже если для этого придется ранить ее еще сильнее. Я зашел слишком далеко. Черт, не стоило даже начинать, ведь мы оба знали, что именно этим все и кончится.

Я открываю дверь, но вижу не Тейт, а Корбина. Наверное, я должен испытать облегчение, однако ярость, написанная на его лице, облегчение точно вызвать не способна.

Прежде чем успеваю сообразить что-то, его кулак летит в мою челюсть. Меня отбрасывает назад. Иэн не дает мне упасть, и я снова поворачиваюсь к двери.

– Какого черта, Корбин?! – орет Иэн.

Он держит меня за плечи. Думает, я хочу дать сдачи.

Но я не хочу. Я заслужил.

Корбин переводит взгляд с меня на Иэна и обратно. Наконец впивается глазами в меня. Подносит кулак к груди и потирает его ладонью другой руки.

– Давно надо было это сделать.

Он дергает за ручку и захлопывает за собой дверь.

Я подношу руку к губам. На пальцах кровь.

– Ну а теперь? – с надеждой спрашивает Иэн. – Теперь ты за ней побежишь?

Бросаю на него испепеляющий взгляд и быстро ухожу к себе в комнату.

Иэн громко смеется. Смех его должен означать: «Ну ты и дурак!» Однако он уже это говорил, а значит, повторяется.

Иэн следует за мной.

Я сейчас не в том настроении, чтобы разговаривать. Хорошо, что я умею смотреть на людей и не видеть их по-настоящему.

Я опускаюсь на кровать, Иэн прислоняется к двери.

– Майлз, мне это чертовски надоело. Шесть лет я наблюдаю, как вместо тебя живет какой-то зомби.

– Я не зомби, – произношу я без всякого выражения. – Зомби летать не умеют.

Иэн закатывает глаза. Ему явно не до смеха. Вот и отлично, потому что и я не в том настроении, чтобы его смешить.

Он продолжает сверлить меня взглядом, поэтому я беру телефон и валюсь на постель, делая вид, будто Иэна здесь нет.

– Она первая, кому удалось вдохнуть в тебя жизнь с тех пор, как ты утонул в том проклятом озере.

Я его ударю. Если он сейчас же не уберется, точно ударю.

– Уходи.

– Не уйду.

Я смотрю на Иэна, и на этот раз я его вижу.

– Уходи, черт тебя подери!

Он подходит к письменному столу, выдвигает стул и садится.

– Заткнись, Майлз. Я еще не закончил.

– Уходи!!!

– Не уйду!

Я сдаюсь. Встаю и выхожу сам.

Иэн следует за мной.

– Позволь задать тебе один вопрос, – говорит он уже в гостиной.

– Тогда ты уйдешь?

– Тогда я уйду.

– Договорились.

Несколько мгновений Иэн просто смотрит на меня.

Я терпеливо жду, чтобы он задал свой вопрос и убрался, пока я ему не врезал.

– А что, если бы кто-нибудь сказал тебе, что может стереть из твоей памяти ту страшную ночь, но при этом исчезнет и все хорошее? Время, которое ты провел с Рейчел. Каждое слово, каждый поцелуй, каждое «я люблю тебя». Моменты, проведенные с Клейтоном, даже самые краткие. Миг, когда ты впервые увидел сына на руках у Рейчел. Когда сам впервые взял его на руки, слышал, как он плачет, смотрел, как он спит. Все это исчезнет. Навсегда. Если бы кто-нибудь сказал, что может избавить тебя от тяжелых воспоминаний, но тогда пропадет и все остальное... ты бы согласился?

Иэн считает, что я сам никогда не размышлял об этом. Неужели ему невдомек, что я каждый божий день задаю себе эти же вопросы?

– Ты не говорил, что я должен отвечать. Так что уходи.

Я урод.

– Ты просто не можешь ответить, – произносит Иэн. – Не можешь сказать «да».

– Но не могу сказать и «нет». Поздравляю. Ты поставил меня в тупик. До свидания.

Я хочу вернуться в комнату, но Иэн меня окликает.

Почему он не оставит меня в покое? Шесть лет прошло...

Неужели он не видит, что та ночь сделала меня таким, какой я есть? Не видит, что измениться я не в силах?

– Если бы я задал этот вопрос несколько месяцев назад, ты бы ответил «да» еще прежде, чем я успел договорить. Твоим ответом всегда было «да». Ты бы все отдал, лишь бы не переживать ту ночь снова и снова.

Иэн подходит к входной двери. Распахивает ее и опять поворачивается ко мне.

– Если после нескольких месяцев с Тейт боль настолько притупилась, что ты готов ответить «может быть», подумай, как преобразила бы тебя целая жизнь с ней.

Он закрывает дверь.

Я закрываю глаза.

Что-то происходит. Что-то внутри меня. Слова Иэна обратили в лавину ледник, окружающий мое сердце. Я чувствую, как огромные ледяные глыбы отваливаются и падают на те куски, поменьше, которые уже начали откалываться с тех пор, как я встретил Тейт.

* * *

Я выхожу из лифта и сажусь в кресло рядом с Кэпом. Он не поднимает на меня взгляд. Смотрит прямо перед собой – на дверь.

– Ты дал ей уйти, – произносит Кэп, даже не пытаясь скрыть разочарование в голосе.

Я не отвечаю.

Он усаживается поудобнее.

– Некоторые люди с возрастом становятся мудрее... К сожалению, большинство просто стареют. Ты относишься к последним, потому что нисколько не поумнел с тех пор, как родился на свет.

Кэп знаком со мной достаточно хорошо, чтобы понимать: у меня не было выхода.

Кэп знаком со мной всю мою жизнь. Он начал работать на отца еще до моего рождения. А до того работал на деда. Значит, Кэп знает обо мне и моей семье больше меня самого.

– У меня не было выхода, – говорю я, пытаюсь оправдать себя за то, что позволил уйти единственной девушке, сумевшей достучаться до меня за эти шесть лет.

– Не было выхода, говоришь?

С тех пор как мы знакомы – с тех пор как я провожу ночи напролет в беседах с ним, – Кэп ни разу не высказал собственного мнения о моих поступках. Он знает, что за жизнь я веду после разрыва с Рейчел. Порой выдает какую-нибудь глубокомысленную сентенцию, но собственное мнение – ни за что. Все эти месяцы Кэп терпеливо слушал, как я извожусь по поводу отношений с Тейт, и никогда не давал советов. Это мне в старике и нравится.

Однако сейчас, похоже, что-то изменилось.

– Пока ты не начал читать мне нотации... – говорю я, чтобы не позволить Кэпу раскрыть рот. – Ты ведь знаешь, что так лучше для нее же самой. Ты ведь это знаешь!

Кэп издает тихий смешок.

– Еще бы!

Ушам своим не верю. Он что, и правда, со мной согласился?..

– Так, по-твоему, я правильно поступил?

Кэп молчит, затем резко выдыхает.

Лицо его выражает нежелание высказывать мысли вслух. Он откидывается на спинку кресла и скрещивает на груди руки.

– Я обещал себе никогда не вмешиваться в твои дела. Чтобы давать советы, нужно понимать, о чем говоришь. А, видит бог, за восемьдесят лет своей жизни я не испытал ничего сколько-нибудь похожего на то, через что прошел ты. Даже представить не могу, каково тебе было. При одной мысли о той ночи все у меня внутри переворачивается, поэтому знаю: ты тоже чувствуешь это. В сердце. В костях. В душе.

Я крепко сжимаю веки, хотя на самом деле хочется зажать уши. Не желаю этого слышать.

– Никто из твоих близких не знает, каково тебе. Ни я, ни отец, ни приятели. Ни даже Тейт. Есть лишь один человек, который чувствует то же, что и ты. Которому так же больно, как тебе. Другой родитель твоего малыша. И он тоскует о нем не меньше.

Мои глаза плотно закрыты. Я изо всех сил стараюсь проявить уважение к Кэпу, хотя сильнее всего мне хочется встать и уйти. Не имеет он права упоминать о Рейчел.

– Майлз, – негромко, но с ударением произносит Кэп, как будто хочет, чтобы я воспринял его слова всерьез. Впрочем, я всегда их так воспринимаю. – Ты уверен, что отнял у той девочки шанс на счастье. Поэтому не сможешь двигаться дальше, пока не встретишься с прошлым лицом к лицу. Так и будешь до самой смерти заново переживать тот день. Единственный выход – самому убедиться, что с ней все в порядке. Тогда, быть может, ты поймешь, что тоже имеешь право на счастье.

Я подаюсь вперед и провожу руками по лицу. Упираюсь локтями в колени и смотрю вниз. Одинокaя слеза выкатывается у меня из глаза и падает на пол.

– А что, если с ней не все в порядке? – шепотом спрашиваю я.

Кэп тоже наклоняется.

Я поворачиваюсь к нему и впервые за те двадцать четыре года, что мы знакомы, вижу у него на глазах слезы.

– Тогда, наверное, все останется по-прежнему. Ты так и будешь считать, что не имеешь права на нормальную жизнь, потому что испортил жизнь ей. Так и будешь избегать всего, что способно пробудить в тебе чувства. – Кэп наклоняется и понижает голос: – Знаю, страшно встретить прошлое лицом к лицу. Всем страшно. Но иногда мы делаем это не ради себя, а ради тех, кого любим больше нас самих.

Глава тридцать седьмая

Рейчел

– Брэд! – кричу я, поспешно вытирая руки. – В дверь звонят!

– Уже иду, – отвечает он, проходя через кухню.

Я быстро оглядываюсь по сторонам – хочу быть уверена, что мама не найдет ничего, к чему можно придраться. Стол чистый. Пол чистый.

Вперед, мама.

– Подождите здесь, – произносит Брэд.

Подождите здесь?

Маме Брэд такого никогда бы не сказал.

– Рейчел, – говорит он с порога кухни.

Я оборачиваюсь и тут же напрягаюсь. Нечасто это выражение появляется на его лице. Только когда он готовится сказать мне что-то болезненное или такое, что я не хочу слышать.

«Мама...» – со страхом думаю я.

– Брэд, что случилось?

Я опираюсь на стол. Меня охватывает знакомый ужас, который раньше жил и дышал во мне постоянно, но теперь накатывает лишь изредка.

Как, например, сейчас, когда муж боится сказать мне что-то, по его мнению, страшное.

– К тебе пришли.

Кто же мог вызвать у Брэда такое беспокойство?

– Кто пришел?

Он медленно подходит и прижимает ладони к моим щекам. Заглядывает мне в глаза, словно пытается придать мне сил перед ударом.

– Майлз.

Я не шевелюсь, не падаю, но муж все равно обнимает меня.

– Зачем он здесь?..

Мой голос дрожит.

– Не знаю, – Брэд отстраняется и смотрит в лицо. – Хочешь, попрошу его уйти?

Я быстро качаю головой. Я не могу поступить так с Майлзом, если он проделал путь до самого Феникса, чтобы меня увидеть.

После стольких лет...

– Если тебе нужно время, могу пока проводить его в гостиную.

Я не стою этого мужчины. Понятия не имею, что бы я без него делала. Брэду известно о нас с Майлзом. Известно, через что мы оба прошли. Я не сразу смогла ему рассказать, но теперь он знает все и, тем не менее, готов пригласить к нам в дом единственного мужчину, кроме него самого, которого я любила.

– Все хорошо, – говорю я, хотя это не так.

Сама не знаю, хочу ли видеть Майлза. Даже представить себе не могу, зачем он приехал.

– С тобой тоже?

Брэд кивает.

– У него расстроенный вид. Думаю, тебе лучше с ним поговорить. – Муж наклоняется и целует меня в лоб. – Он ждет в прихожей. Если понадобится, я у себя в кабинете.

Я целую его в губы. Крепко-крепко.

Брэд уходит, а я остаюсь стоять посреди кухни. Сердце так и стучит в груди. Делаю глубокий вдох, но не могу успокоиться. Оглаживаю рубашку и иду в прихожую.

Майлз стоит ко мне спиной. Слышит мои шаги и смотрит через плечо, словно ему так же страшно обернуться, как мне – его увидеть.

Он разворачивается медленно и осторожно, и наши глаза встречаются.

За эти шесть лет он совершенно переменился и в то же время не переменился совсем. Передо мной все тот же Майлз, но теперь это уже мужчина. Хотела бы я знать, что видит он, глядя на меня впервые с тех пор, как я от него ушла.

– Привет, – осторожно произносит Майлз.

Голос у него тоже другой. Взрослый.

– Привет.

Майлз отводит глаза и осматривает прихожую. Исследует мой дом. Дом, в котором я никак не ожидала его увидеть. Минуту, если не две, мы молчим и не двигаемся.

– Рейчел, я... Я сам не знаю, зачем приехал.

Зато я знаю.

Вижу по глазам. За то время, что мы были вместе, я прекрасно изучила эти глаза.

Я знала все его мысли. Все его настроения. Майлз никогда не умел скрывать своих чувств, настолько они были сильны.

Он приехал, потому что ему что-то нужно. Не понимаю, что именно.

Получить ответ на какой-то вопрос? Поставить точку? В любом случае хорошо, что он ждал так долго, потому что теперь я наконец-то готова ему помочь.

– Рада тебя видеть.

Наши голоса звучат тихо и робко. Как-то нелепо встретить хорошо знакомого человека при совершенно других обстоятельствах.

Я любила его. Любила всем сердцем. Так же сильно, как теперь люблю Брэда.

А еще я его ненавидела.

– Проходи, – жестом приглашаю Майлза в гостиную. – Давай поговорим.

Майлз делает два неуверенных шага. Тогда я прохожу вперед, а он следует за мной.

Мы присаживаемся на диван. Майлз даже не пробует устроиться поудобнее: опускается на самый краешек и ставит локти на колени. Он вновь смотрит по сторонам, изучает мое жилище. Мою жизнь.

– Ты смелый.

Майлз поднимает на меня глаза и ждет продолжения.

– Я тоже думала об этом. Думала о том, чтобы снова с тобой увидеться, но... не могла.

– Почему? – быстро спрашивает он.

– По той же причине, что и ты. Нам нечего друг другу сказать.

Майлз улыбается, но это не та улыбка, которую я так любила. Теперь он улыбается настороженно, и я спрашиваю себя: не моя ли это вина? Не ответственна ли я за его грусть? В нем столько печали...

Майлз берет с журнального столика нашу с Брэдом фотографию и внимательно ее рассматривает.

– Ты его любишь? – спрашивает он, продолжая разглядывать снимок. – Так же, как любила меня?

Спрашивает не с горечью или ревностью, а с любопытством.

– Да, так же сильно.

Майлз ставит фотографию на место, но все еще смотрит на нее.

– Как? – шепчет он. – Как тебе удалось?

На мои глаза наворачиваются слезы, потому что я отлично понимаю, о чем он. Я задавала себе тот же вопрос, пока не встретила Брэда. Не верила, что снова смогу полюбить – что снова захочу полюбить. Зачем ставить себя в положение, в котором вновь можешь испытать такую боль, что начинаешь завидовать мертвым?

– Хочу тебе кое-что показать.

Я встаю и протягиваю Майлзу руку. Мгновение он настороженно смотрит на меня, затем его пальцы переплетаются с моими.

Мы подходим к двери, и я берусь за ручку. На сердце тяжело. В душе поднимается все то, что мы пережили вместе, но я знаю, что должна позволить прошлому всплыть на поверхность, если хочу помочь Майлзу. Я открываю дверь и захожу внутрь, ведя его за собой.

Как только мы в комнате, Майлз крепче стискивает мою руку.

– Рейчел... – шепчет он, словно молит остановиться.

Пытается высвободить ладонь, но я удерживаю его и подвожу к кровати.

Майлз покорно стоит рядом, и я чувствую его внутреннюю борьбу. Он не хочет здесь находиться.

Майлз быстро выдыхает и смотрит на нее. Тяжело сглатывает и делает еще один медленный выдох. Свободной рукой берется за борт кровати – так же крепко, как держит другой меня.

– Как ее зовут? – шепотом спрашивает он.

– Клэр.

Все его тело реагирует на мой ответ. Плечи начинают содрогаться. Он хочет задержать дыхание, но не может. Ничто не способно избавить Майлза от тех чувств, которые он сейчас испытывает, поэтому я просто позволяю ему их прожить. Он выдергивает у меня руку и прикрывает рот, чтобы скрыть невольный вздох. Затем разворачивается и стремительно выходит из комнаты. Я за ним.

Майлз прислоняется к стене и сползает на пол. По лицу текут слезы. Он даже не пытается их скрыть. Запускает руки себе в волосы, откидывает голову назад и смотрит на меня.

– Это... – бормочет он, указывая на дверь детской. Несколько раз пытается закончить фразу и наконец произносит: – Это же его сестренка. Рейчел... ты подарила ему сестренку...

Я опускаюсь рядом. Одной рукой обнимаю Майлза за плечи, другой глажу по волосам. Он прижимает ладони ко лбу, закрывает глаза и тихо плачет.

– Майлз... – я не пытаюсь скрыть звучащих в моем голосе слез. – Взгляни на меня. – Он поднимает голову, но в глаза мне не смотрит. – Прости, что я тебя обвиняла. Ты ведь тоже его потерял. Я просто не знала другого способа справиться с тем, что случилось.

Мои слова окончательно сокрушили Майлза. Мне совестно, что я шесть лет ждала, прежде чем их произнести. Он крепко обнимает меня и долго-долго держит в объятиях, пока наши души не впитывают все извинения и взаимное прощение. Наконец остаемся только мы. Слез больше нет.

Я бы солгала, если бы сказала, будто никогда не думала о том, что с ним сделала. Я вспоминаю об этом каждый день. Но мне было тогда всего восемнадцать, и после той ночи ничто не имело для меня значения.

Ничто.

Я просто хотела все забыть, но каждое утро, когда просыпалась и не чувствовала рядом Клейтона, винила Майлза. Винила в том, что он спас меня, хотя мне не за чем больше жить. В глубине души я знала, что Майлз сделал все что мог. Понимала, что он ни в чем не виноват. Но в то время я не была способна ни здраво рассуждать, ни прощать. Я верила, что вообще ни на что не способна – только испытывать боль.

Чувство это не покидало меня более трех лет.

Пока я не познакомилась с Брэдом.

Не знаю, кого встретил Майлз, но знакомая борьба во взгляде говорит: кто-то у него есть. Такую же борьбу я видела всякий раз, как смотрела на себя в зеркало. Потому что не была уверена, способна ли снова полюбить.

– Ты ее любишь? – спрашиваю я. Мне не обязательно знать ее имя. Он здесь не потому, что до сих пор влюблен в меня. Он здесь потому, что разучился любить.

Майлз со вздохом кладет подбородок мне на макушку.

– Боюсь, я на это не способен.

Он целует меня в голову. Я закрываю глаза и слушаю биение его сердца. Сердца, которое, как ему кажется, не способно любить, а на самом деле любит слишком сильно. Он любил так сильно, а та ночь все у нас отняла. Изменила наш мир. Изменила его сердце.

– Я все время плакала. Все время. В ванной. В машине. В постели. Всякий раз, как оставалась одна, я плакала. Первые пару лет моя жизнь состояла из сплошного горя, которое было не сокрушить ничем, даже отдельными счастливыми мгновениями.

Майлз стискивает меня в объятиях, как бы говоря, что понимает. Прекрасно понимает.

– А потом я встретила Брэда, и в моей жизни появились моменты счастья. Я уже не плакала непрерывно. Я ехала куда-нибудь с Брэдом и вдруг понимала, что впервые не проронила в машине ни одной слезинки. В те ночи, которые мы проводили вместе, я уже не засыпала в слезах. Горе стало перемежаться краткими мгновениями счастья с Брэдом.

Я умолкаю, чтобы немного успокоиться. Давно не думала об этом, однако чувства еще слишком свежи. Слишком реальны. Я отстраняюсь и кладу голову Майлзу на плечо. Он прижимается своей головой к моей и берет за руку. Наши пальцы переплетаются.

– Через какое-то время я заметила, что счастливых дней больше, чем печальных. Горе, которое раньше было всей моей жизнью, превратилось в отдельные мгновения, а счастливые моменты с Брэдом стали всей моей жизнью.

Чувствую, как Майлз выдыхает. Ему понятно, что я имею в виду. Кем бы она ни была, он тоже переживал с ней счастливые дни.

– Пока я была беременна Клэр, я боялась, что не смогу заплакать от счастья, когда ее увижу. После родов ее сразу дали мне на руки – совсем как Клейтона. Клэр походила на него как две капли воды. Как две капли воды, Майлз! Я прижимала к себе дочь, смотрела на нее, и по щекам у меня струились слезы. Но это были хорошие слезы, и я осознала, что плачу от счастья впервые с тех пор, как держала на руках Клейтона.

Я вытираю глаза, высвобождая руку и отстраняюсь.

– Ты заслуживаешь того же. Заслуживаешь, чтобы снова испытать подобное.

– Мне так хочется любить ее, Рейчел, – выдыхает он так, точно эти слова давно уже теснили ему грудь. – Хочется вновь испытать это с ней. Но я боюсь, что боль никогда не уйдет.

– Боль не уйдет, Майлз. Никогда. Но если ты позволишь себе полюбить, то будешь испытывать эту боль лишь изредка, вместо того чтобы позволить ей поглотить жизнь целиком.

Майлз притягивает меня к себе. Прижимается губами к моему лбу долгим, крепким поцелуем, затем отстраняется. Он кивает, показывая, что все понял.

– Ты справишься, Майлз, – обещаю я, повторяя те же слова, которыми он когда-то пытался поддержать меня. – Ты справишься.

Он смеется, и я чувствую, как с души у него свалился тяжелый груз.

– Знаешь, чего я больше всего боялся, когда сюда ехал? Что ты окажешься точно в таком же состоянии, как я. – Майлз убирает волосы с моего лица и улыбается. – Рад, что это не так. Как же приятно видеть тебя счастливой!

Майлз притягивает меня к себе и крепко обнимает.

– Спасибо, Рейчел. – Он нежно целует меня в щеку и встает на ноги. – Думаю, мне пора. Я столько всего должен ей сказать...

Майлз шагает по коридору по направлению к гостиной, затем в последний раз поворачивается ко мне. Я больше не вижу в нем грусти. Теперь в его глазах спокойствие.

– Рейчел... – произносит Майлз и мгновение молча смотрит на меня. На его лице появляется умиротворенная улыбка. – Я так тобой горжусь...

Он уходит, а я остаюсь сидеть на полу, пока за ним не захлопывается дверь.
Я тоже горжусь тобой, Майлз...

Глава тридцать восьмая

Тейт

Я захлопываю дверцу машины и подхожу к лестнице, ведущей на второй этаж. Я рада, что больше не нужно пользоваться лифтом, и все же немного скучаю по Кэпу, хотя большинство его советов так и остались для меня загадкой. Хорошо, когда есть кому высказаться.

Теперь все мое время заполнено работой и учебой. Я стараюсь полностью сосредоточиться на карьере, но это нелегко. Я живу в новой квартире уже две недели. Жажду одиночества, но никогда не остаюсь одна. Стоит вернуться домой, и Майлз опять повсюду. Он во всем, и я терпеливо жду, когда это пройдет. Жду того дня, когда боль отпустит. Когда я не буду так сильно тосковать.

Я бы сказала, что мое сердце разбито, но это не так. Не думаю, что оно разбито. Вернее, не знаю. Сердца не было у меня в груди с того дня, как я оставила его у двери Майлза.

Твержу себе, что нужно жить сегодняшним днем, но это гораздо легче сказать, чем сделать. Особенно, когда день переходит в ночь и я лежу в постели одна, слушая тишину.

Тишина никогда не бывала такой громкой, пока я не сказала Майлзу «прощай».

С ужасом думаю о том, как открою дверь домой, хотя впереди еще половина лестничного пролета. Уже ясно, что эта ночь ничем не будет отличаться от всех остальных. Я поднимаюсь на этаж и поворачиваю налево, но ноги не хотят повиноваться.

Впервые за две недели чувствую, как в груди снова колотится сердце.

– Майлз?..

Он не реагирует. Сидит на полу, привалившись к двери моей квартиры. Я медленно подхожу поближе. Ну и как это понимать?.. На Майлзе не форма, а обычные джинсы с футболкой. Подбородок порос щетиной, а значит, он пару дней не был на работе. Под правым глазом свежий синяк. Не хотелось бы его будить. Если Майлз настроен так же враждебно, как в день нашей первой встречи, я не желаю еще раз проходить через то же самое. С другой стороны, мне все равно не попасть в квартиру, не потревожив его.

Делаю глубокий вдох, пытаюсь решить, как лучше поступить.

Боюсь, что если разбужу Майлза, то сдамся. Впущу в квартиру и позволю сделать ему то, за чем он явился, а пришел он явно не за тем, что хотела бы дать ему я.

– Тейт... – произносит Майлз, поднимаясь на ноги и нерешительно глядя на меня.

Когда он выпрямляется, я невольно отступаю. Я и забыла, какой он высокий. Как заполняет собой все пространство, когда стоит передо мной.

– Давно ты здесь? – спрашиваю я.

Он смотрит на экран мобильного.

– Шесть часов. Так что мне лучше поскорее попасть в туалет.

Я хочу рассмеяться, но не помню, как это делается.

Когда поворачиваюсь к двери, Майлз отступает, давая мне пройти.

Дрожащей рукой я распахиваю дверь, вхожу в квартиру и указываю в сторону коридора.

– Направо.

Вслед ему не смотрю. Жду, когда захлопнется дверь туалета, затем падаю на диван и закрываю лицо руками.

Для чего он пришел? Зачем я впустила его без единого вопроса?

Как только Майлз выйдет из туалета, придется выгнать его. Я больше не могу так с собой обращаться.

Я все еще пытаюсь взять себя в руки, когда в гостиную заходит Майлз. Я смотрю и не могу оторвать от него глаз.

Что-то в нем изменилось.

Он весь изменился.

Улыбка на лице... покой в глазах... легкая, парящая походка...

Прошло всего две недели, однако его не узнать.

Майлз даже не думает держать дистанцию. Садится рядом и прижимается ко мне плечом. Я закрываю глаза и жду, что он снова причинит мне боль. Ведь это единственное, что он умеет.

– Тейт, – шепчет Майлз, – я по тебе скучал.

Ого...

Никак не ожидала услышать нечто подобное, но теперь это мои любимые слова.

«Я», «по», «тебе», «скучал».

– Скажи еще раз.

– Я скучал по тебе, Тейт. Очень. И не только теперь. Я скучал каждый день, пока тебя не было, с тех пор как впервые увидел.

Он обнимает меня за плечи и притягивает к себе.

Я покоряюсь.

Лгну к его груди и хватаю за рубашку. Когда чувствую поцелуй в голову, глаза у меня закрываются.

– Посмотри на меня, – мягко просит Майлз, усаживая меня себе на колени.

Я послушно смотрю и на этот раз действительно его вижу. Между нами больше нет брони. Больше нет стены, которая скрывала его от меня. Сегодня Майлз позволяет себя увидеть, и он прекрасен. Гораздо лучше, чем раньше. Что бы ни изменилось, перемена огромна.

– Хочу кое-что тебе сказать, – произносит Майлз. – Мне тяжело об этом говорить, потому что ты первая, кому я решил открыться.

Я не шевелюсь. Его слова меня пугают, но я все равно киваю.

– У меня был сын, – тихо произносит Майлз, глядя на наши сплетенные руки. В этих словах столько боли, сколько я не слышала ни в одних других.

Я делаю судорожный вдох. Майлз смотрит на меня со слезами в глазах, но я продолжаю молчать, хотя от его признания у меня перехватило дыхание.

– Он умер шесть лет назад.

Голос у Майлза тихий и далекий, но все же это его голос.

Я чувствую, как трудно ему выговаривать эти слова. Признание дается нелегко. Мне хочется сказать, чтобы он остановился. Не надо продолжать, если так больно. Хочется обнять Майлза и голыми руками вырвать горе из его груди, но я все-таки даю ему договорить.

– Пока я не готов рассказать тебе о нем. Нужно время.

Я киваю и стискиваю его руки.

– Но я непременно все объясню. Обещаю. И еще я хочу рассказать тебе о Рейчел. Хочу, чтобы ты знала о моем прошлом.

Не уверена, что он закончил, но все равно прикасаюсь губами к его губам. Он сжимает меня так крепко и целует так страстно, словно безмолвно просит прощения.

– Тейт, – шепчет он мне в губы. Чувствую, как он улыбается. – Я еще не все сказал.

Майлз приподнимает меня и усаживает рядом с собой на диван. Он водит по моему плечу большим пальцем и смотрит себе на колени, пытаясь подобрать слова и выразить то, что у него на душе.

– Я родился и вырос в пригороде Сан-Франциско. Я единственный ребенок в семье. Любимого блюда у меня нет, потому что я ем почти все подряд. Сколько себя помню, всегда мечтал стать пилотом. Моя мама умерла от рака, когда мне было семнадцать. Папа уже год как женат на своей подчиненной. Она милая, и они счастливы вместе. Мне всегда хотелось иметь собаку, но я так ее и не завел...

Я смотрю на Майлза, словно зачарованная. Его взгляд скользит по моему лицу, а он все говорит и говорит. Рассказывает мне о прошлом – как познакомился с моим братом и как подружился с Иэном.

Майлз находит мою руку и накрывает своей, будто становится моим щитом. Моей броней.

– В тот вечер, когда мы познакомились... – наконец произносит он. – Когда ты нашла меня в коридоре... – он быстро опускает взгляд. – В тот день моему сыну исполнилось бы шесть.

Знаю, Майлз просил дослушать до конца, но мне просто необходимо его обнять. Я подаюсь вперед и обвиваю его шею руками. Он ложится на диван и притягивает меня к себе.

– Я изо всех сил убеждал себя, что не влюблен. Боялся своих чувств. Шесть лет я жил с уверенностью, что я хозяин своей жизни, своего сердца и больше ничто не сможет причинить мне боль. Но иногда мне становилось все равно, больно или нет: возможность быть с тобой стоила того, чтобы рискнуть. Каждый раз, когда эти мысли посещали меня, я со страхом и стыдом отталкивал тебя еще дальше. Я верил, что не заслуживаю тебя. Вообще не заслуживаю счастья, потому что отнял его у тех единственных людей, которых когда-либо любил.

Мои плечи содрогаются от подступающих рыданий. Майлз крепче обнимает меня и целует в макушку – долго и крепко.

– Прости, что мне понадобилось столько времени, чтобы это понять, – произносит он голосом, полным раскаяния. – Никогда не смогу отблагодарить тебя за то, что ты не махнула на меня рукой. Ты увидела во мне нечто, что внушило тебе надежду, и ты эту надежду не предала. Тейт, никто и никогда не делал для меня ничего настолько важного.

Майлз поворачивает мое лицо к себе, чтобы заглянуть в глаза.

– Возможно, я откроюсь не сразу, но теперь мое прошлое принадлежит тебе. Полностью. Готов рассказать обо всем, о чем ты захочешь. Но с одним условием: пообещай, что взамен я получу твое будущее.

Слезы струятся по моим щекам. Майлз утирает их, хотя сама я не имею ничего против. Пусть себе текут, ведь это не слезы грусти. Вовсе нет.

Мы целуемся долго, и губы у меня начинают ныть так же сильно, как сердце. Однако теперь сердце ноет не от боли, а потому, что еще никогда не было так переполнено.

Я провожу пальцами по его шраму на подбородке, зная, что когда-нибудь он расскажет мне и о нем. Какое облегчение, что можно задавать Майлзу вопросы и не бояться его разозлить!

– Что у тебя с глазом?

Майлз смеется и откидывает голову на спинку дивана.

– Пришлось спросить у Корбина, где ты живешь. В конце концов он ответил, но потребовалось долго его убеждать.

Я осторожно целую его в веко.

– Не могу поверить, что он тебя ударил!

– Не в первый раз. Но уверен, что в последний. По-моему, когда я принял его правила, Корбин наконец-то смирился с тем, что мы с тобой вместе.

– Что еще за правила? – настораживаюсь я.

– Ну, во-первых, нельзя разбивать тебе сердце. Во-вторых, нельзя, черт подери, разбивать тебе сердце. А в-третьих, нельзя, черт подери, разбивать тебе сердце, твою мать.

Я не могу сдерживать смех. Как же это похоже на Корбина! Майлз смеется вместе со мной, а затем мы молча глядим друг на друга. Теперь я вижу в его глазах все. Каждое движение души.

– Майлз, – с улыбкой говорю я. – Ты смотришь на меня так, словно в меня влюбился.

– Не просто влюбился, а по уши, – уточняет он.

Майлз притягивает меня к себе и отдает мне ту единственную часть себя, которую не мог отдать до сих пор.

Свое сердце.

Глава тридцать девятая

Майлз

Я стою на пороге спальни и смотрю, как она спит. Тейт невдомек, что я люблю ее каждое утро, когда она со мной.

Мой день начинается с Тейт.

Впервые я так смотрел на нее наутро после нашей первой встречи. Я плохо помнил предшествующую ночь. Единственное, что осталось в памяти, это Тейт. Я лежал на диване, а она гладила меня по голове и шептала, чтобы я засыпал. Наутро, проснувшись в квартире у Корбина, я никак не мог избавиться от мыслей о ней. Думал, она мне просто пригрезилась, пока не увидел в гостиной ее сумочку. Заглянул в спальню – просто чтобы выяснить, есть ли в квартире кто-нибудь еще. Когда я впервые увидел Тейт, я ощутил то, чего не чувствовал с тех пор, как впервые увидел Рейчел.

Показалось, что я парю. Ее кожа, губы и волосы, ее ангельский вид пробудили во мне эмоции, которые за последние шесть лет стали мне чужды.

Я так долго не позволял себе чувствовать...

И не мог побороть в себе то влечение, которое испытал тогда к Тейт. Не мог, даже если бы захотел.

Я точно знаю, потому что пытался.

Пытался изо всех сил.

Едва Тейт открыла глаза и посмотрела на меня, я понял: либо она окончательно меня погубит... либо вернет наконец к жизни.

Но я не желал возвращаться к жизни. Меня все устраивало. Моей единственной целью было уберечь себя от того, что я пережил в прошлом. Правда, временами я напрочь забывал, в чем состоит моя единственная цель.

Когда я наконец перестал бороться и впервые поцеловал Тейт, все изменилось. После того поцелуя мне захотелось большего. Захотелось ее губ, ее тела, ее мыслей, и я сдерживался лишь потому, что желал и ее сердца. Я обманывал себя. Сумел убедить себя, будто достаточно силен, чтобы ограничиться лишь ее телом. Я не хотел вновь испытать боль и уж точно не хотел сделать больно Тейт.

Однако все равно сделал. И не раз.

Теперь я посвящу жизнь тому, чтобы загладить свою вину перед ней.

Я подхожу и сажусь на край кровати. Тейт чувствует, как просел под моим весом матрас, и приоткрывает глаза. На ее губах едва заметная улыбка. Она натягивает одеяло поверх головы и поворачивается на другой бок.

Официально мы начали встречаться полгода назад, и этого времени вполне хватило, чтобы я понял: Тейт не любит рано вставать. Я наклоняюсь и целую одеяло в том месте, где должно быть ее ухо.

– Проснись, соня, – шепчу я.

Она недовольно ворчит. Тогда я проскальзываю в постель и обнимаю ее. Ворчание постепенно переходит в блаженный стон.

– Тейт, пора вставать, а то на самолет опоздаем.

Она мигом просыпается. Осторожно поворачивается ко мне и стягивает с головы одеяло.

– Что значит – опоздаем на самолет?

Я широко улыбаюсь, стараясь сдержать нетерпение.

– Вставай, одевайся и пошли.

Тейт подозрительно на меня смотрит. Ее можно понять, ведь еще нет и пяти утра.

– Знаю, ты в курсе, как редко у меня выдается полноценный выходной, так что надеюсь, оно того стоит.

Я смеюсь и быстро ее целую.

– Все зависит от нашей пунктуальности.

Встаю и несколько раз ударяю ладонями по матрасу.

– Так что вставай, вставай, вставай!

Тейт тоже смеется и сбрасывает одеяло. Затем перекачивается на край кровати, и я помогаю ей встать.

– Трудно сердиться на тебя, Майлз, когда ты в таком воодушевлении.

* * *

Мы выходим в вестибюль. Кэп ждет перед лифтом, как я и просил. В руках у него пластиковый стакан сока и наш завтрак.

Мне нравится, как они друг к другу относятся. Я немного побаивался признаться, что знаю Кэпа всю свою жизнь. А когда наконец рассказал, Тейт рассердилась на нас обоих. Решила, будто Кэп передавал мне все ее излияния.

Я заверил, что он никогда бы так не поступил.

Точно знаю.

Кэп – один из немногих, кому можно доверять.

Кэп умеет подобрать правильные слова и при этом не читать нотации или давать советы. Он всегда говорил ровно столько, сколько нужно, чтобы я как следует задумался о своих отношениях с Тейт.

К счастью, Кэп принадлежит к тем немногочисленным везунчикам, кто с возрастом становится мудрее. Беседуя с нами обоими, он с самого начала знал, что делает.

– Доброе утро, Тейт, – говорит Кэп, улыбаясь от уха до уха. Он подает ей руку, а она смотрит то на него, то на меня.

– Что происходит? – спрашивает Тейт, направляясь к выходу вместе с ним.

– Малыш предложил покатать меня на самолете, а я захотел взять тебя с собой. Это же будет первый полет в моей жизни!

Тейт удивленно говорит, что не верит, будто Кэп никогда не летал.

– Честное слово! Если у меня такое прозвище, это еще не значит, что я летал на настоящих самолетах.

Благодарного взгляда, который бросает на меня Тейт, достаточно, чтобы этот день стал одним из лучших в моей жизни, а ведь еще даже не рассвело.

* * *

– Все в порядке, Кэп? – спрашиваю я в микрофон.

Старик сидит позади Тейт и смотрит в иллюминатор. Он поднимает вверх оба больших пальца, но глаз от окошка не отводит. Солнце еще не появилось из-за облаков, так что смотреть особо не на что. Мы в самолете всего минут десять, а Кэп уже потрясен и заворожен, как я и рассчитывал.

Я вновь сосредотачиваюсь на управлении судном, пока не набираю нужную высоту. Затем отключаю наушники Кэпа и поворачиваюсь к Тейт. Она смотрит на меня с благодарной улыбкой.

– Знаешь, почему мы здесь?

Она оглядывается на Кэпа.

– Потому что он никогда не летал.

Я отрицательно качаю головой. Время подгадано идеально.

– Помнишь, как мы возвращались от твоих родителей после празднования Дня благодарения?

Тейт кивает, и в ее взгляде загорается любопытство.

– Ты тогда спросила, каково любоваться восходом на такой высоте. Описать это невозможно. – Я указываю на иллюминатор. – Это нужно видеть.

Тейт тут же поворачивается к окну и прижимает ладони к стеклу. Целых пять минут она сидит, не двигаясь, и смотрит. Не знаю, как это возможно, но я влюбляюсь в нее еще сильнее.

Когда солнце прорывает пелену облаков и весь салон наполняется светом, Тейт наконец поворачивается ко мне. На глазах у нее слезы, но она не произносит ни слова – только стискивает мою руку.

* * *

– Подожди здесь, – говорю я. – Сначала помогу выйти Кэпу. Шофер отвезет его домой, а мы с тобой отправимся завтракать.

Тейт прощается с Кэпом и терпеливо ждет, пока я помогу ему сойти с трапа. Он украдкой подает мне две коробочки и с одобрительной улыбкой смотрит на меня. Я засовываю обе упаковки в карман куртки и собираюсь снова подняться на борт.

– Эй, малыш! – кричит Кэп, прежде чем сесть в автомобиль.

Я оборачиваюсь.

– Спасибо, – говорит он, указывая на самолет. – За это.

Я киваю и хочу поблагодарить его в ответ, но он уже исчез в машине.

Я поднимаюсь по трапу. Тейт расстегивает ремень безопасности, спеша выйти из самолета, однако я сажусь на прежнее место.

Она тепло улыбается.

– Ты невероятный, Майлз Микел Арчер. Должна признать, ты ужасно сексуален, когда выполняешь свои обязанности пилота. Надо устраивать такое почаще.

Тейт чмокает меня в губы и собирается встать, но я снова ее усаживаю.

– Это еще не все, – говорю я. Беру ее за руки и делаю медленный вдох, готовясь произнести те слова, которых она заслуживает. – Тот день, когда ты спросила меня про восход... – Я заглядываю ей в глаза. – Спасибо тебе за него. Я тогда почувствовал – впервые за шесть лет – что снова хочу полюбить.

Тейт улыбается и быстро выдыхает. Затем закусывает нижнюю губу, чтобы скрыть улыбку. Я дотрагиваюсь до ее губы и слегка оттягиваю большим пальцем.

– Я же просил так не делать. Люблю твою улыбку почти так же сильно, как саму тебя.

Я снова целую Тейт. Глаз не закрываю, чтобы не ошибиться и вытащить именно черную коробочку. Глаза у Тейт удивленно округляются. Она смотрит то на меня, то на коробочку. Подносит руку ко рту, чтобы подавить восклицание.

– Майлз...

– Это не то, что ты думаешь, – поспешно говорю я, открывая крышку, под которой лежит ключ. – Точнее, не совсем то...

Я с облегчением вижу, что глаза у Тейт широко распахнуты и полны надежды.

Судя по улыбке, она тоже этого хочет.

Я вкладываю ключ ей в руку. Несколько мгновений она смотрит на него, затем поднимает на меня глаза.

– Тейт, – с надеждой спрашиваю. – Ты ко мне переедешь?

Она еще раз бросает взгляд на ключ и произносит два слова, от которых я улыбаюсь.

«Черт» и «конечно».

Я наклоняюсь и целую ее. Наши ноги, руки и губы становятся деталями одной головоломки, которые идеально подходят друг к другу. Тейт перебирается ко мне на колени. Нам тесно, но это прекрасно.

– Только я не умею готовить, – предупреждает Тейт. – Да и со стиркой ты справляешься лучше. Сама я просто забрасываю в машину цветное вперемешку с белым. И ты уже в курсе, что по утрам я не самый приятный собеседник.

Она сжимает мое лицо ладонями и выдает одно предостережение за другим – как будто я и сам этого не знаю!

– Послушай, Тейт. Я хочу, чтобы ты устраивала в моей квартире беспорядок. Чтобы твоя одежда валялась на полу моей спальни. Чтобы твоя щетка стояла в моей ванной, а туфли – в шкафу. Чтобы в холодильнике можно было найти остатки твоей некудышной стряпни.

Она смеется.

– Ах да, чуть не забыл, – говорю я, доставая из кармана вторую коробочку. Открываю ее. В ней кольцо. – Еще я хочу, чтобы ты осталась в моем будущем. Навсегда.

Тейт потрясенно открывает рот, замирает и смотрит на кольцо.

Надеюсь, она не сомневается, поскольку сам я нисколько не сомневаюсь, что хочу провести с ней остаток жизни. Мы вместе всего полгода, но если чувствуешь, что это твое, значит, это твое.

Молчание Тейт меня беспокоит, поэтому я быстро достаю кольцо из коробочки и беру ее за руку.

– Тейт, согласна ли ты нарушить правило номер два? Потому что я очень хочу, чтобы ты вышла за меня замуж.

Тейт даже не нужно отвечать «да». Ее слезы, смех и поцелуй выразительнее всяких слов. Она отстраняется и смотрит на меня с любовью и благодарностью.

Она прекрасна. Надежда, которую она подарила, прекрасна. Улыбка на ее лице прекрасна. Слезы, струящиеся по ее щекам, прекрасны.

Ее

любовь

прекрасна.

Тейт негромко выдыхает, медленно подается вперед и ласково прижимается губами к моим губам. Ее поцелуй полон любви, нежности и молчаливого обещания, что теперь она моя.

Навсегда.

– Майлз, – шепчет она мне, дразняще щекоча дыханием мои губы. – Я никогда не занималась любовью в самолете.

Я улыбаюсь. Тейт как будто проникла в мои мысли.

– А я никогда не занимался любовью с собственной невестой.

Ее руки медленно скользят вниз по моей шее и рубашке, пока не находят застежку джинсов.

– Думаю, это нужно исправить, – произносит она, завершая фразу поцелуем.

Когда наши губы встречаются, моя броня окончательно разваливается на части, а окружавший сердце ледник тает, превращаясь в пар.

Кто бы ни придумал выражение «Я буду любить тебя до самой смерти», явно не знал такой любви, которую познали мы с Тейт.

Иначе это выражение звучало бы так: «Я буду любить тебя до самой жизни».

Потому что именно это и сделала Тейт.

Своей любовью она вернула меня к жизни.

Эпилог

Мне вспоминается тот день, когда я женился на Тейт.

Один из лучших моментов в моей жизни.

Помню, как стоял в конце прохода вместе с Иэном и Корбином. Мы ждали, когда Тейт войдет в церковь, и вдруг Корбин наклонился ко мне и прошептал:

– Майлз, кроме тебя, никто бы не смог соответствовать моим стандартам. Рад, что это именно ты.

Я тоже рад, что это именно я.

С тех пор прошло больше двух лет, и каждый день я влюбляюсь в нее сильнее и сильнее.

В день, когда мы поженились, я не плакал.

Ее слезы

капали,

капали,

капали,

а мои нет.

И я не сомневался, что уже никогда не смогу заплакать.

По крайней мере, не так, как мне хотелось бы.

Восемь месяцев назад мы узнали, что у нас будет ребенок.

Тейт не старалась забеременеть, но и не старалась не забеременеть.

– Случится – так случится, – говорила она.

И вот свершилось.

Когда мы узнали, то оба пришли в восторг.

Тейт расплакалась.

Ее слезы

капали,

капали,

капали,

а мои нет.

Я был счастлив, но и напуган тоже.

Боялся страха, который приходит, когда сильно кого-то любишь.

Боялся плохого, что может случиться.

Боялся, что воспоминания омрачат тот день, когда я снова стану отцом.

И вот это произошло.

И мне по-прежнему страшно.

Невыносимо страшно.

– Девочка, – объявляет врач.

Девочка...

У нас только что родилась дочь...

Я снова стал отцом.

Тейт стала матерью.

Почувствуй же что-нибудь, Майлз!

Тейт смотрит на меня.

Знаю, она видит в моем взгляде страх. Ей сейчас очень больно, но все же она заставляет себя улыбнуться.

– Сэм, – шепчет Тейт. Она впервые произносит вслух имя дочери. Настояла, чтобы ее назвали Сэм – в честь Кэпа, которого на самом деле зовут Сэмюэль.

Более прекрасного имени и придумать нельзя.

Медсестра подходит к Тейт и подает ей Сэм.
Тейт плачет.
Мои глаза по-прежнему сухи.
Я по-прежнему слишком напуган, чтобы оторвать взгляд от Тейт и посмотреть на нашу дочь.
Я не боюсь того, что почувствую, когда ее увижу.
Я боюсь того, чего не почувствую.
Страшусь, что прошлое убило во мне способность испытывать то, что должен чувствовать каждый отец.
– Иди сюда, – говорит Тейт.
Я сажусь рядом с ней на больничную койку, и она протягивает мне Сэм.
Руки у меня дрожат.
Я закрываю глаза и медленно выдыхаю, прежде чем отваживаюсь снова их открыть.
Тейт осторожно кладет руку мне на локоть.
– Майлз, она прекрасна. Просто посмотри.
Я открываю глаза и резко втягиваю ртом воздух.
Сэм как две капли воды похожа на Клейтона, только волосы каштановые, как у Тейт.
А глаза голубые.
Мои глаза.
Я чувствую...
Все вернулось.
Все то, что я испытывал, впервые взяв на руки сына, я испытываю теперь, глядя на дочь.
То, что я не способен на отцовскую любовь, было последним страхом, который мне оставалось преодолеть.
Один взгляд на Сэм, и страх исчез.
Она уже стала моим героем, а ей ведь всего две минуты от роду.
– Тейт, она такая красивая... Такая красивая...
Голос у меня обрывается. Лицо залито слезами.
Они
капают,
капают,
капают...
Впервые с тех пор, как я держал на руках Клейтона, я плачу от радости.
Рейчел оказалась права. Боль останется со мной навсегда.
Как и страх.
Но они больше не составляют всю мою жизнь. Это лишь отдельные мгновения.
Мгновения, которые блекнут в сравнении с каждой минутой, что я провожу с Тейт.
А теперь и с каждой минутой, что я провожу с Сэм.
Я, Тейт и Сэм.
Моя семья.
Я целую дочку в лоб, затем подаюсь вперед и целую Тейт в благодарность за то, что она вновь подарила мне нечто столь прекрасное.
Тейт опускает голову мне на плечо, и мы вместе смотрим на нее.
На нашу дочь.
Как же я люблю тебя, Сэм...
Я смотрю на совершенство, которое мы создали вместе с Тейт, и вдруг меня озаряет.
Оно того стоит.
Такие моменты стоят того, чтобы испытать уродливую любовь.